

Цена 91 коп.

А. Л. ХРОМОВ

**ЯГНОБСКИЙ
ЯЗЫК**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТАДЖИКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. ЛЕНИНА

А. Л. ХРОМОВ

**ЯГНОБСКИЙ
ЯЗЫК**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1972

Ответственные редакторы
Д.Т. Таджиев и Р.Х. Додыхудоев

Монография является первым развернутым описанием современного состояния ягнобского языка, восходящего к одному из согдийских диалектов, распространенных до IX-X вв. н.э. на значительной части территории Средней Азии. Теперь на этом бесписьменном иранском языке говорит всего лишь около 2500 человек, живущих высоко в горах, в центре Таджикистана.

Книга написана на основе материала, собранного автором в течение нескольких лет во время его пребывания среди ягнобцев. Помимо грамматического очерка в монографию включены разделы, освещающие такие важные и актуальные вопросы, как ягнобско-согдийские диалектологические отношения и проблемы ягнобско-таджикского двуязычия.

7-1-3

30-Б3-72-71

ВВЕДЕНИЕ

В ста километрах к северу от Душанбе, с северной стороны Гиссарского хребта, расположено небольшое селение Анзоб. Это тот пункт, откуда, как правило, начинается путешествие всякий, кто собирается попасть в верховья долины р. Ягноб. Долина теснится между отрогами двух мощных горных хребтов — Зеравшанского с севера и Гиссарского с юга. Ее ширина колеблется от трех-четырех сотен метров до двух-трех км в самой верхней части.

Многочисленные перевалы через Зеравшанский и Гиссарский хребты, соединяющие долину р. Ягноб с долинами Зеравшана, Кафирнигана и Варзоба, большей частью труднодоступны даже для вьючного транспорта. Наиболее удобна для сообщения тропа, тянущаяся вдоль реки то по левому, то по правому берегу и соединяющая верховья Ягноба с селением Анзоб, через которое проходит шоссейная дорога Душанбе-Ленинабад. Крайняя изолированность и труднодоступность Ягноба в прошлом явились причиной того, что в средней части этой долины сохранилась немногочисленная народность *yaḡnobi*, которая говорит на языке, принадлежащем к группе восточных иранских языков. Теперь уже общеизвестный факт, что ягнобский язык преемственно связан с одним из диалектов согдийского языка. Однако до начала XX в. о его происхождении высказывались различные предположения. В. Томашек включал его в группу памирских языков¹. Э. Уйфальви причислял ягнобцев к памирцам, но их язык относил к индийским языкам². Ш. Акимбетев также предполагал вначале, что это язык, принадлежащий к индийской группе языков, но затем убедился в ошибочности своего предположения³. В.И. Липский писал в 1902 г. о том, что в то время ягнобцы все еще представляли собой «этнографическую загадку»⁴. По мне-

нию И. Маркварта (1907), ягнобский язык — потомок одного из языков сакских племен, проникших в долину р. Ягноб из долины р. Сорбо (в Каратегине) и Ромита⁵. Среди самих же ягнобцев была распространена легенда о том, что их далекие предки были родом из Кашмира⁶.

Только в начале XX в., после открытия в Восточном Туркестане памятников согдийского языка, было установлено, что ягнобский язык является потомком одного из согдийских диалектов⁷.

По последним опубликованным данным, на ягнобском языке (*yagnobí zivók*) говорит свыше двух тысяч человек⁸, точнее установить трудно из-за начавшегося еще в довоенные годы и продолжающегося по сей день активного переселения ягнобцев в долину р. Варзоб, в г. Душанбе и кишлаки Гиссарской долины.

В 1952 г. в самой долине Ягноба говорило по-ягнобски 1 тыс. 794 человека, а за ее пределами около 600⁹, теперь соотношение изменилось следующим образом: 1 тыс. 509 человек в долине и около 900 человек за ее пределами¹⁰. В долине р. Ягноб по-ягнобски говорят в следующих селениях (с запада на восток): Мархтимайн, Бидев, Муштиф, Вагинзой, Шахсара, Шовита, Думзой, Хисокидарв, Номиткон, Чукат, Каша, Пулларовут, Таги-Чанор (Ровут), Питип, Кули-боло (Шимен), Кули-Миёна (Бидони-Кул), Кули-Дахана (Дахана), Симич, Сокая, Гармен, Пискон, Дехбаланд. Таким образом, на западе крайним ягнобоязычным селением является Мархтимайн, на востоке — Дехбаланд. В четырех селениях, лежащих к востоку от Дехбаланда (Канси, Кирьёнти, Дехкалон, Новобод), и в четырех, расположенных к западу от Мархтимайна (Ворсовут, Хишортов, Маргеб, Аязоб) проживает таджикоязычное население. Территория распространения ягнобского языка представляет собой иноязычный островок среди таджикоязычного моря¹¹.

Часть ягнобцев еще в XVI-XVII вв. переселилась на южные склоны Гиссарского хребта в долину р. Варзоб¹². В настоящее время варзобские ягнобцы живут в селениях Куктеппа (сельсовет Зидди), Зуманд, Гаров, Рог (сельсовет Тагоб),

Дара (сельсовет Айни)¹³. Отдельные ягнобские семьи проживают в селениях долины р. Харангон.

С начала 50-х годов усилился приток ягнобцев — переселенцев в Гиссарскую долину и г. Душанбе, сейчас они проживают в следующих населенных пунктах Гиссарской долины: Мавлонджари-Боло, Бешбулок, Келитош, Чабалай, Чагатай, Чептура. Переселяются ягнобцы из разных кишлаков долины Ягноба, но на новом месте расселяются, как правило, по принципу родства и землячества¹⁴. В Гиссарской долине и в г. Душанбе ягнобцы живут среди таджикского, узбекского и русского населения, но сохраняют большинство своих обычаев. Они поддерживают самые тесные связи со своими родственниками и односельчанами, оставшимися в долине Ягноба. Однажды переселившиеся ягнобцы обычно уже не возвращаются назад в долину, а лишь изредка навещают там своих родственников. Случаи возвращения в Ягноб крайне редки. Так, в селении Вагинзой мне сообщили, что одна семья примерно лет двадцать назад переселилась из Зуманда в Куктеппа, а затем в Вагинзой. В 1968 г. еще одна семья переселилась из Харангона в Муштиф.

В административном отношении Ягноб представляет собой сельсовет с центром в селении Думзой. Этот сельсовет входит в состав района Айни с центром в поселке Айни (Варзиминор). Почти в каждом кишлаке имеется начальная школа, а в кишлаках Хишортов и Кирьёнти — неполные средние школы. Среднее образование ягнобцы получают в школах-интернатах селения Анзоб и райцентра. Обучение в школах ведется на таджикском языке. Почти все ягнобцы двуязычны — помимо родного языка они свободно владеют таджикским¹⁵.

В литературе на европейских языках¹⁶ название Ягноб в форме *Yagnaou*, *Jagnaou* впервые упоминается в книге Георга Мейендорфа, совершившего в 1820 г. путешествие в Бухару в составе русского посольства¹⁷. Сведения Мейендорфа о Ягнобе основываются не на личных наблюдениях, а на рассказах бухарцев. По Мейендорфу, Матча и Ягноб — это селения, расположенные к северу от Коканда (очевидно, так ошибочно назван Каратегин)¹⁸ и населенные народом гальча¹⁹.

Описание природных условий в районе нижнего течения р. Ягноб мы встречаем у Августа Лемана, посетившего в 1842 г. селение Такфон. Однако Леман нигде не упоминает о ягнобцах и их языке²⁰.

Первое упоминание о «ягнауцах» (ягнобцах) как о народе, известном под именем гальчи, живущем в десяти кишлаках и говорящем на особом наречии, не понятном другим, было опубликовано в 1871 г. геологом Д.К. Мышенковым²¹.

В 1873 г. в одной из своих статей известный русский исследователь А.П. Федченко, участник Искандеркульской экспедиции 1870 г.²², писал: «В Анзобе и еще дальше верст на тридцать население состоит из таджиков, но жители следующих деревень принадлежат какому-то особому племени, говорящему языком, совершенно не понятным таджикам. Этот язык, сохранившийся на весьма небольшом пространстве, в верховьях Ягноба уже исчезает: прежде он был распространен гораздо дальше на запад и уничтожился здесь на памяти теперешних жителей. Даже там, где разговор ведется на ягнобском языке, счет употребляется уже таджикский. А.Л.Кун привез трех ягнобцев с собой в Самарканд и собрал материал для разрешения вопроса об их языке и происхождении»²³.

Русский востоковед А.Л. Кун²⁴ был первым исследователем ягнобцев и ягнобского языка, хотя его публикации появились несколько позже публикаций Ш. Акимбетова и Э. Уйфальви. Будучи участником Искандеркульской экспедиции, Кун занимался сбором исторических, этнографических и лингвистических материалов. Его сопровождал переводчик, самаркандский таджик Мирза Мулла Абдурахман, который вел дневник экспедиции²⁵. Кун и Мирза Мулла Абдурахман произвели первые записи ягнобского языка. Только в 1881 г., спустя 11 лет после посещения Ягноба, Кун опубликовал часть собранных материалов о ягнобцах²⁶.

Со времени обнаружения ягнобского языка прошло уже свыше ста лет. С тех пор долина р. Ягноб стала «местом паломничества» историков, этнографов и лингвистов. К настоящему времени мы располагаем довольно обширной литературой по этнографии и языку ягнобцев²⁷. Особое место среди работ по ягнобскому языку занимают «Ягнобские этюды»

К.Г. Залемана, исследование Г. Юнкера, «Ягнобские тексты» М.С. Андреева и Е.М. Пещеревой и диссертация М.Н. Боголюбова.

«Ягнобские этюды» К.Н. Залемана представляли собой блестящее научное обобщение результатов первого этапа в исследовании ягнобского языка²⁸. Обстоятельная работа профессора Г. Юнкера, будучи частью намеченного широкого этнографического и лингвистического исследования ягнобцев, долгое время, наряду с грамматическим очерком В.Гейтера²⁹, была основным источником по Ягнобу в Западной Европе.

Издание текстов М.С. Андреева и Е.М. Пещеревой явилось существенным вкладом в изучение ягнобского языка.

В настоящее время эти тексты представляют собой самый обширный фактический материал по ягнобскому языку. Ягнобско-русский словарь, приложенный к текстам, содержит довольно полно исконную ягнобскую лексику и значительную часть материалов по морфологии.

Докторская диссертация М.Н. Боголюбова, которая, к большому сожалению, так и не была опубликована полностью, является самым обстоятельным описанием ягнобского языка.

Эта работа написана на основе полевых записей, сделанных автором в Ягнобе в 1947 и 1952 гг., и всех имевшихся до 1956 г. опубликованных и неопубликованных материалов. Как отмечает сам М.Н. Боголюбов, «в диссертации автор стремился объединить то, что засвидетельствовано в области грамматики и лексики ягнобского языка за восьмидесятилетний период его изучения. Особо автора привлекла историческая сторона вопроса и проблемы согдо-ягнобских диалектологических отношений»³⁰. Таким образом, основное внимание в работе М.Н. Боголюбова, содержащей, кстати, и значительное число разнообразных текстов, уделено историко-лингвистическому исследованию ягнобского языка как языка ново-согдийского, который можно проследить в его эволюции от древнеиранского состояния к новому, изученному в свете согдийских фактов.

Диссертация М.Н. Боголюбова и «Ягнобские тексты» М.С. Андреева и Е.М. Пещеревой завершают второй этап в исследовании ягнобского языка.

Поскольку для большинства иранистов ягнобский язык представлял интерес прежде всего как язык новосогдийский, продолжающий один из диалектов исчезнувшего согдийского языка, то, естественно, на первый план выдвигалось изучение его в плане диахронии. Фактически до сих пор мы не располагаем сравнительно полным описанием языка ягнобцев в его современном состоянии³¹. Не исследованы также вопросы двуязычия ягнобцев и взаимодействия ягнобского и таджикского языков.

В настоящей работе ставится задача осветить эти нерешенные проблемы. Материал был собран путем полевых записей во время нескольких экспедиций в долину р. Ягноб³², а также в процессе работы с ягнобцами, проживающими в г. Душанбе и в селении Мавлонджари-Боло, где было положено начало ягнобским записям³³.

Первая экспедиция в Ягноб была организована в июне-августе 1963 г. В экспедиции приняли участие три человека, в том числе один ягнобец.

Маршрут проходил через селение Куктеппа, перевал Агбаи Куль, расположенный восточнее известного Анзобского перевала, и селение Дахана. Долина Ягноба была пройдена пешком с востока на запад. В течение полутора месяцев мы посетили все ягнобоязычные селения, а также таджикоязычные селения Канси, Ворсовут и Хишортов³⁴.

Вторая экспедиция в Ягноб состоялась в августе-октябре 1964 г. В ней, кроме автора, приняли участие Б. Бердыев и Х. Сафаров, молодой ягнобец, выходец из селения Вагинзой. На этот раз наш маршрут проходил через Анзобский перевал, селения Анзоб, Маргеб, Хишортов, т.е. с запада на восток, вдоль долины. Нам удалось побывать во всех ягнобоязычных и таджикоязычных селениях Ягноба³⁵. Однако основная стационарная работа велась в кишлаках Мархтимайн, Шахсара, Муштиф и Вагинзой, объединенных общим названием Векоб, а также в селениях Гармен, Сокан и Дехбаланд. Живя в ягнобских семьях, мы имели возможность записывать непринужденную речь ягнобцев. Сбор материалов производился путем записи на магнитофонную ленту, которая затем расшифровывалась в лабораторных условиях, и путем записи

на слух. Повествовательные тексты были записаны также от Х. Сафарова в Душанбе³⁶.

Собранные нами текстовые материалы включают в себя диалоги, повествовательные тексты бытового и этнографического содержания, образцы ягнобского поэтического фольклора.

Тексты публикуются в международной иранской транскрипции, особенность состоит лишь в том, что знаки *e*, *o*, *y*, обозначающие долгие гласные, которые не имеют противопоставленных кратких гласных (имеются в виду краткие *e*, *o*, *y* как основные варианты фонем), не сопровождаются диакритическим знаком долготы.

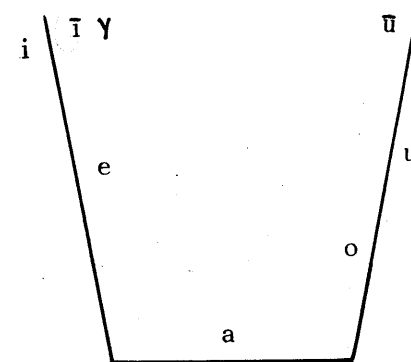
При этом имелось также в виду стремление избежать возможного смешения ягнобского *o* со среднеиранским *ō*, поскольку в данной работе используется в сравнительных целях и материал диахронического характера.

Работа была начата в Институте языка и литературы им. Рудаки АН Таджикской ССР и завершена в Таджикском государственном университете им. В.И. Ленина.

ФОНЕТИКА

Вокализм³⁷

§ 1. Вокализм ягнобского языка состоит из восьми фонем (пять долгих: *i*, *e*, *o*, *ī*, *y* и три кратких: *i*, *a*, *u*)³⁸. Эти гласные могут быть представлены в виде следующей схемы:

Поскольку для большинства иранистов ягнобский язык представлял интерес прежде всего как язык новосогдийский, продолжающий один из диалектов исчезнувшего согдийского языка, то, естественно, на первый план выдвигалось изучение его в плане диахронии. Фактически до сих пор мы не располагаем сравнительно полным описанием языка ягнобцев в его современном состоянии³¹. Не исследованы также вопросы двуязычия ягнобцев и взаимодействия ягнобского и таджикского языков.

В настоящей работе ставится задача осветить эти нерешенные проблемы. Материал был собран путем полевых записей во время нескольких экспедиций в долину р. Ягноб³², а также в процессе работы с ягнобцами, проживающими в г. Душанбе и в селении Мавлонджари-Боло, где было положено начало ягнобским записям³³.

Первая экспедиция в Ягноб была организована в июне-августе 1963 г. В экспедиции приняли участие три человека, в том числе один ягнобец.

Маршрут проходил через селение Куктеппа, перевал Агбаи Куль, расположенный восточнее известного Анзобского перевала, и селение Дахана. Долина Ягноба была пройдена пешком с востока на запад. В течение полутора месяцев мы посетили все ягнобоязычные селения, а также таджикоязычные селения Канси, Ворсовут и Хишортов³⁴.

Вторая экспедиция в Ягноб состоялась в августе-октябре 1964 г. В ней, кроме автора, приняли участие Б. Бердыев и Х. Сафаров, молодой ягнобец, выходец из селения Вагинзой. На этот раз наш маршрут проходил через Анзобский перевал, селения Анзоб, Маргеб, Хишортов, т.е. с запада на восток, вдоль долины. Нам удалось побывать во всех ягнобоязычных и таджикоязычных селениях Ягноба³⁵. Однако основная стационарная работа велась в кишлаках Мархтимайн, Шахсара, Муштиф и Вагинзой, объединенных общим названием Векоб, а также в селениях Гармен, Сокан и Дехбаланд. Живя в ягнобских семьях, мы имели возможность записывать непринужденную речь ягнобцев. Сбор материалов производился путем записи на магнитофонную ленту, которая затем расшифровывалась в лабораторных условиях, и путем записи

на слух. Повествовательные тексты были записаны также от Х. Сафарова в Душанбе³⁶.

Собранные нами текстовые материалы включают в себя диалоги, повествовательные тексты бытового и этнографического содержания, образцы ягнобского поэтического фольклора.

Тексты публикуются в международной иранской транскрипции, особенность состоит лишь в том, что знаки *e*, *o*, *γ*, обозначающие долгие гласные, которые не имеют противопоставленных кратких гласных (имеются в виду краткие *e*, *o*, *γ* как основные варианты фонем), не сопровождаются диакритическим знаком долготы.

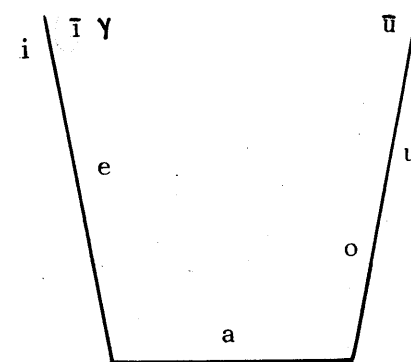
При этом имелось также в виду стремление избежать возможного смешения ягнобского *o* со среднеиранским *ō*, поскольку в данной работе используется в сравнительных целях и материал диахронического характера.

Работа была начата в Институте языка и литературы им. Рудаки АН Таджикской ССР и завершена в Таджикском государственном университете им. В.И. Ленина.

ФОНЕТИКА

Вокализм³⁷

§ 1. Вокализм ягнобского языка состоит из восьми фонем (пять долгих: *i*, *e*, *o*, *ī*, *γ* и три кратких: *i*, *a*, *u*)³⁸. Эти гласные могут быть представлены в виде следующей схемы:

§ 2. Долгие гласные редко встречаются в неударенном положении. Они устойчивы как в качественном, так и в количественном отношении. Их подробные характеристики даны в работах В.С. Соколовой³⁹ и М.Н. Боголюбова⁴⁰.

§ 3. Фонема *a* — краткий гласный нижнего подъема переднего ряда; отчетливо звучит во всех положениях; в позиции рядом с увулярными продвигается назад до нейтрального ряда (*jar* 'гора', *xar* 'осел'); в ряде слов, где выпал этимологический фарингальный, возник *ā* — долгий вариант гласного *a* (в результате заместительной долготы)⁴¹: *jām* < *jaǰ* *jam* (*jām kun-* 'собирать'), *mān* < *maǰn* < *maǰ* (*mān kun-* 'препятствовать'), *kādūn* < *kaǰdūn* 'сарай для хранения соломы'.

§ 4. Фонема *i* обладает широким диапазоном по подъему. Наиболее закрытый вариант *i* встречается в открытых слогах в соседстве с щелевыми: *firók* 'завтра', *viród* 'брат' и в закрытых слогах после согласных со среднеязычной артикуляцией: *kiš-* 'сеять', *gird* 'вокруг'.

Самый открытый вариант бывает в исходе слова, а также перед увулярными и фарингальными: *mórti* 'мужчина', *áx* (форма косв. пад. местоимения *ax*), *ix* 'лед', *dih-* 'бить'.

В открытом предударном слоге *i* часто редуцируется: *tⁱráy* 'три', *xⁱšift* 'молоко'.

§ 5. Фонема *u* также имеет ряд вариантов. Узкий вариант характерен для открытых слогов и рядом со щелевыми; широкий вариант, приближающийся к *o*, встречается в закрытых слогах и рядом со смычными: *urk* 'волк', *uxš* 'шесть', *kut* 'собака'.

В открытом предударном слоге *u* часто редуцируется: *s^utúr* 'баран', *š^umóx* 'вы', *p^uxóy-* 'кроить'.

В отличие от *i* фонема *u* проявляет колебания по ряду: она может во всех позициях, за исключением положения перед увулярными и фарингальными, быть продвинутой вперед, приближаясь качественно к фонеме *y*.

§ 6. Гласный *o* перед носовыми *m* и *n* иногда переходит в *u*: *top-* // *tūn-* 'класть', *riyón* // *riyūn* 'вчера', *ɣom-* // *ɣūm* 'раз', *nom* // *nūm* 'имя'.

§ 7. В следующих случаях наблюдается чередование гласных *a* — *o*:

1) при присоединении суффикса множественного числа *-t* к словам с исходом на *a*: *ródot* 'ноги' (ед.ч. *róda*), *hamsóyot* 'соседи' (ед.ч. *hamsóya*) (см. § 34);

2) когда к исконно ягнобским глагольным основам с исходом на *-ar* присоединяются формальные морфемы с начальным *t* (-вост. *s*), либо окончание *-či*:⁴² *vórtišt*, *vórci* 'он несет' (основа глагола: *var-*), *xort* 'кушайте' (основа глагола: *ar-*), *gudórt* 'проходите' (основа глагола: *gudar*⁴³; ср. *pártišt* 'он летит' (осн. глаг. *par-* заимств. из тадж.).

§ 7а. При стечении гласного *-a* отрицательной частицы (§ 141) и аугмента *a-* (§ 80) возникает *-ī* или *-e*: *na-* + *akun* > *nīkun* 'он не сделал'; *na-* + *anīž* > *nénīž* 'он не вышел'.

Консонантизм

§ 8. Система согласных насчитывает 27 фонем. Ниже приводится таблица 1.

§ 9. Фонемы *k* и *g* после гласных переднего ряда произносятся с четкой среднеязычной артикуляцией: *iik* 'еще', *fik* 'плечо'.

§ 10. Фонемы *x^o* и *x* противопоставляются друг другу как огубленный и неогубленный согласные⁴⁴.

Чередование *x^o* — *x* имеет место в глагольной основе *x^oar-* 'есть', когда к ней присоединяются формальные морфемы с начальным *t* или окончание *-či* (см. §§ 90, 300): *x^oar* 'ешь' — *xort* 'ешьте'; *ax^oárim* 'я поел', — *xórtišt* 'он ест'; *xórta* — прич. прош.вр.

§ 11. Верхнефарингальные *h* и *ɣ* встречаются только в словах арабского происхождения, где они оправданы этимологически: *hiss* 'часть', *maǰni* 'значение', 'смысл', *suhbat* 'беседа', *foihá* 'фатиха', *hosil* 'урожай'. Как правило, это наблюдается в словах, общих для ягнобского языка и окружающих таджикских говоров.

§ 12. Согласный *h* в поствокальной и интервокальной позициях иногда выпадает: *nāwát* (< *nahwát*) 'там', *naít* (< *nahít*) 'этот'.

Таблица 1

По месту образования По способу образования	Губно-губные	Губно-зубные	Переднеязычные	Среднеязычные	Заднеязычные	Увулярные	Верхнефарингальные	Нижнефарингальные
Шумные	p, b		t, d	k, g		q		
			č, ʃ					
		f, v	s, z			x xʰ ʃ	h ʒ	h
			š, ž					
				y				
Сонанты		w						
			n					
			l					
			r					

§ 13. Согласные *š* и *ž* в отличие от соответствующих фонем таджикского языка являются более мягкими: их среднеязычный фокус выражен отчетливее⁴⁵.

§ 14. Согласный *w* в поствокальной позиции, как правило, переходит в неслоговое *ʃ*: *ʃoʃ* 'корова', но *ʃoʃi* (форма косв. пад.); *šai* 'иди'; *daʃtišt* 'он бежит', но *dawak-š ast* 'он бежит (сейчас)'.

В интервокальной позиции перед *i* фонема *w* может чередоваться с *y* или вообще выпадает: *šayimišt* // *šayimišt* 'мы идём'; *ašaym* // *ašaim* 'я пошел'; *avoyim* // *avoyim* 'я пришел'.

§ 15. Согласный *n* перед *p*, *b* и *w* переходит в *m*: *nūm pač* 'пеки хлеб'; *tamwárf* (< *tanwárf*) *após* 'пошел мокрый снег'.

§ 16. Звонкие согласные перед глухими оглушаются и, наоборот, глухие перед звонкими приобретают звонкость. Это правило имеет силу как внутри слова, так и внутри синтагмы. Примеры: *xab rayóni nīttišt* 'он сидит в своем районе'; *iž mýrtax* 'один умер'; *žūžd žumbóšt* 'уши шевелятся'; *se rúzi qoʃ rīči* 'за три дня она высохнет'; *ax xépi-xotir-wež rúpči* 'он для себя косит траву'; *furūžgór* 'продавец'; *xáŷgvun* 'нора сурка' (ср. *xaišk* 'сурок'); *wóʃči* 'он говорит'; *kat šawišt rúprak?* 'когда ты пойдешь косить (траву)?'; *kad-ž nota?* 'он забрал свой дом?'.

§ 17. Полная регрессивная ассимиляция имеет место на стыке глухих и звонких пар (*t-d*, *k-g*, *p-b*, *š-ž*, *f-v* (*w*), *x-ʃ*), а также на стыке *t(d)-n*; в этих случаях один из согласных иногда выпадает: *ʃaygála* < *ʃayggála* < *ʃaykgála* 'группа девочек'; *čo* (< *čow* < *čof*) *wópi arūpti?* 'вы сколько охапок (травы) накопили?'; *ku* (< *kun* < *kut*) *nīx^oar-o?* 'собака не съела?'. Однако если к конечному согласному лексической морфемы присоединяется такой же согласный формальной морфемы, то происходит удвоение конечного согласного лексической морфемы, а не выпадение одного из них: *kutt* 'собаки' (ед.ч. *kut*), *pužúnna* (прич. наст. вр. глагола *pužún-* 'одевать').

§ 18. Конечный согласный *t* глагольных окончаний *-išt*, *-tišt*, *-ošt* в беглой речи нередко отпадает: *úr^otišt* // *úr^otiš* 'он приносит'; *kū šawiš?* 'ты куда идешь?'; *varóšt* // *varóš* 'они несут'.

§ 19. На стыке согласных *t* и *š* внутри слова в беглой речи возникает *č*: *nūmč* (< *nūm* + *t* + *-š*) *anipīšim anós* 'я записал его названия'; *x^oač* < *x^oat* + *-š* 'он сам' (тадж. *xúdaš*); *rot* + *-š* 'его дорога'.

§ 20. Изредка в отдельных словах наблюдается метатеза: *adugár* < *agudár* 'он прошел'; *duvozdái-š náтирафта* 'за двенадцать (рублей) он не отдал его' (*tiráfta* – прич. прош. вр. глагола *tifár* 'давать').

§ 21. В отдельных употребительных словах и выражениях в беглой речи выпадают целые слоги: *anipti* < *ána it piti* 'так', 'столько?' (ср. тадж. *íqa* < *in qadár*); *aníranka* < *ána it ránka* 'такой'; *čūgrom* (< *čo jirivóm*) 'откуда я знаю?'; *īni* (< *ī áni*) 'еще один', 'другой'.

Ударение

§ 22. Ударение в именах падает либо на конец слова, либо, чаще всего, на предпоследний слог: *vurúk* 'бровь', *sirisp* 'поперечная балка крыши мельницы', *júrda* 'глаз', *kátta* 'большой', *mákša* 'теленок', *sitiryúnik* 'позавчерашний'; *taxoraxšivnosa* 'сосуд для хранения молока', *sinčimūna* 'чехол для хранения иголок'.

§ 23. Многие слова, заимствованные из таджикского, в ягнобской речи имеют ударение на предпоследнем слоге, однако в таджикской речи ягнобцев они произносятся с ударением на последнем слоге: *hamsóya* - *hamsoyá* 'сосед', *pášša* - *páššá* 'муха', *túgma* - *túgmá* 'пуговица'.

§ 24. В некоторых сложных словах основное ударение падает на один из слогов первого компонента, если в его составе есть долгий гласный, а дополнительное – на второй: *zíča-kállá* 'глиняный сосуд, в котором хранят масло', *zóyavary* 'верхняя граница земельного участка'.

§ 25. Всегда безударными являются:

- 1) энклитические местоимения (§ 58);
- 2) суффикс косвенного падежа *-i* (§ 36);
- 3) суффикс *-ik*, образующий имена с притяжательным значением (§ 289);
- 4) дистрибутивный суффикс *-ki* (§ 52);

§ 26. Ударение в глаголе падает на гласный основы, если он долгий: *úrimišt* 'мы принесем', *avésim* 'я спустился', *žóyak-šast* 'он учится', *arúrom* 'мы сжали (траву)', *žórošt* 'они смотрят'.

§ 27. Если гласный основы краткий, то в личных глагольных формах (кроме аориста) имеет место следующее:

1) ударение переносится на гласный окончания, если он долгий (за исключением окончания 1-го л. ед.ч. наст.-буд.вр. *-omišt*): *akunóm* 'мы сделали', *ašawóšt* 'они ходили', *tifáromišt* 'они дают' (ср. *tifáromišt* 'я даю'), *varóšt* 'они несут' (ср. *váromišt* 'я несу');

2) ударение сохраняется на гласном основы, если гласный окончания краткий: *kúntišt* 'он делает', *ažáxim* 'я встал', *aláksim* 'я бродил';

3) ударение сохраняется на кратком гласном основы также в том случае, если он закрыт двумя согласными (независимо от гласного окончания): *xántošt* 'они смеются', *agárdor* 'они вернулись', *avántor* 'они связали'.

§ 28. В формах аориста глаголов, имеющих в основах краткие гласные, ударение всегда падает на окончания: *burím*, *kuním*, *tifaránt*, *tirím*, *šawánt* и т.д.

§ 29. В причастиях на *-ta*, *-na* и деепричастиях на *-ki* ударение всегда падает на гласный основы (см. §§ 116, 123, 129).

§ 30. В причастиях на *-gi* ударение переносится на конец слова: *vastagi*, *iktagi*.

§ 31. В отрицательных формах глагола основное ударение всегда падает на частицу отрицания: *nákunomišt* 'я не делал', *níšawi* 'я не ходил', *nášawošt* 'они не пойдут', *návestišt* 'он не спустится', *nárūpišt* 'ты не жнешь' и т.д.

МОРФОЛОГИЯ

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

§ 32. Форма единственного числа существительного представляет собой чистую основу и может обозначать единичный предмет или родовое понятие.

§ 19. На стыке согласных *t* и *š* внутри слова в беглой речи возникает *č*: *nūmč* (< *nūm + t + -š*) *anipīšim anós* 'я записал его названия'; *x°ač* (< *x°at + -š*) 'он сам' (тадж. *xūdaš*); *roč rot + -š* 'его дорога'.

§ 20. Изредка в отдельных словах наблюдается метатеза: *adugár* < *agudár* 'он прошел'; *duvozdái-š náтирафта* 'за двенадцать (рублей) он не отдал его' (*tiráфта* – прич. прош. вр. глагола *tifár* 'давать').

§ 21. В отдельных употребительных словах и выражениях в беглой речи выпадают целые слоги: *anipti* < *ána it piti* 'так, столько?' (ср. тадж. *íqa* < *in qadár*); *aniranka* < *ána it ránka* 'такой'; *čūγrom* (< *čo γirivóm*) 'откуда я знаю?'; *īni* (< *ī áni*) 'еще один', 'другой'.

Ударение

§ 22. Ударение в именах падает либо на конец слова, либо, чаще всего, на предпоследний слог: *vurúk* 'бровь', *sirísp* 'поперечная балка крыши мельницы', *γúrda* 'глаз', *kátta* 'большой', *mákša* 'теленок', *sitiryūnik* 'позавчерашний'; *taγoraxšivnosa* 'сосуд для хранения молока', *sinčimūna* 'чехол для хранения иголок'.

§ 23. Многие слова, заимствованные из таджикского, в ягнобской речи имеют ударение на предпоследнем слоге, однако в таджикской речи ягнобцев они произносятся с ударением на последнем слоге: *hamsóya* - *hamsoyd* 'сосед', *pášša* - *pašša* 'муха', *tūγma* - *tuzmá* 'пуговица'.

§ 24. В некоторых сложных словах основное ударение падает на один из слогов первого компонента, если в его составе есть долгий гласный, а дополнительное – на второй: *zīčakalla* 'глиняный сосуд, в котором хранят масло', *zóyavary* 'верхняя граница земельного участка'.

§ 25. Всегда безударными являются:

- 1) энклитические местоимения (§ 58);
- 2) суффикс косвенного падежа *-i* (§ 36);
- 3) суффикс *-ik*, образующий имена с притяжательным значением (§ 289);
- 4) дистрибутивный суффикс *-ki* (§ 52);

§ 26. Ударение в глаголе падает на гласный основы, если он долгий: *ūrimišt* 'мы принесем', *avésim* 'я спустился', *žóyak-š ast* 'он учится', *arūrom* 'мы сжали (траву)', *γórošt* 'они смотрят'.

§ 27. Если гласный основы краткий, то в личных глагольных формах (кроме аориста) имеет место следующее:

1) ударение переносится на гласный окончания, если он долгий (за исключением окончания 1-го л. ед.ч. наст.-буд.вр. *-omišt*): *akunóm* 'мы сделали', *ašawóšt* 'они ходили', *tifaróšt* 'они дают' (ср. *tifaromišt* 'я даю'), *varóšt* 'они несут' (ср. *varomišt* 'я несу');

2) ударение сохраняется на гласном основы, если гласный окончания краткий: *kúntišt* 'он делает', *aǰáxim* 'я встал', *aláksim* 'я бродил';

3) ударение сохраняется на кратком гласном основы также в том случае, если он закрыт двумя согласными (независимо от гласного окончания): *xántošt* 'они смеются', *agárdor* 'они вернулись', *avántor* 'они связали'.

§ 28. В формах аориста глаголов, имеющих в основах краткие гласные, ударение всегда падает на окончания: *burím*, *kuním*, *tifaránt*, *tirím*, *šawánt* и т.д.

§ 29. В причастиях на *-ta*, *-na* и деепричастиях на *-ki* ударение всегда падает на гласный основы (см. §§ 116, 123, 129).

§ 30. В причастиях на *-gi* ударение переносится на конец слова: *vastagi*, *iktagi*.

§ 31. В отрицательных формах глагола основное ударение всегда падает на частицу отрицания: *nákunomišt* 'я не делаю', *nīšawi* 'я не ходил', *nášawošt* 'они не пойдут', *návestišť* 'он не спустится', *nárūpišt* 'ты не жнешь' и т.д.

МОРФОЛОГИЯ

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

§ 32. Форма единственного числа существительного представляет собой чистую основу и может обозначать единичный предмет или родовое понятие.

§ 33. Форма множественного числа существительного образуется путем присоединения к основе суффикса *-t* или *-d*, если начальный согласный последующего слова внутри синтагмы звонкий: *iš katt xoli avór* 'эти дома опустели'; *gaykt arǰúšt šawóšt* 'девочки танцуют'; *ásanim aníd naxširt dawǰn akún* 'мы поднялись /и/ погнались этих горных козлов'; *hámma aníž diródd man anósim* 'все эти серпы я взял'.

Вариант *-it*, отмеченный М.Н. Боголюбовым для основ, оканчивающихся на *-t*⁴⁶, в наших материалах не встречается.

§ 34. При образовании форм множественного числа от существительных с исходом на гласный *-a*, имеет место чередование последнего с гласным *-o* (см. § 7): *čūǰá* 'птенец' — *čūǰót* 'птены', *túǰma* 'пуговица' — *túǰmót* 'пуговицы', *róda* 'нога' — *ródot* 'ноги', *žúta* 'сын' — *žútot* 'сыновья', *púlla* 'ребенок' — *púllot* 'дети'.

Вариант *-aot*, зафиксированный в текстах М.С. Андреева и Е.М. Пещеревой⁴⁷, в наших материалах не встречается.

§ 35. Суффикс множественного числа *-t* может присоединяться и к некоторым существительным, обозначающим вещества⁴⁸: *ragoyi aǰáxim yóton-mox anós*, *umóč waxt oy*, *méni asánim* 'утром мы встали, взяли свои куски мяса, было время обеда, /когда/ мы поднялись в селение'; *yaút tim qarib arasór* 'посевы ячменя тоже почти созрели'; *iš xǰsnǰkt kad puxsóšt?* 'когда созреют /плоды/ на этих кустах барбариса?'; *pašmt tunúk kuním*, *qoǰ vant* 'давайте разложим кучки шерсти, пусть просохнут'; *opt širagárm vítor* 'вода в ручьях стала тепловатой'; *iš jántumt kad rasánt?* 'когда созреет пшеница на этих участках?'; *yurušqó(t) tim durúst* 'участки клевера тоже хорошие'.

На первый взгляд может показаться, что здесь суффикс множественного числа вносит в лексическое значение существительного дополнительный оттенок, не свойственный исходной форме⁴⁹. Думается, что это не так. Дело в том, что существительное, обозначающее вещество, может иметь как общее, отвлеченное значение (данное вещество вообще), так и конкретное для данной ситуации. Это конкретное значение может выражаться в том, что существительное обозначает оп-

ределенное количество данного вещества, например: *yóta* 'мясо' и 'кусочек мяса', *yaw* 'ячмень' и 'участок посева ячменя' или 'мешок ячменя' и т.д., *pašm* 'шерсть' и 'некоторое количество шерсти' (пучок, мешок и т.д.). Следовательно, в приведенных примерах мы фактически имеем дело с исчисляемыми существительными.

§ 36. Категория падежа. Имеется два падежа: прямой и косвенный. Форма прямого падежа представляет собой чистую основу с нулевым окончанием. Косвенный падеж образуется путем присоединения к основе суффикса *-i* (после согласных), *-y* (после гласных): *kat* 'дом', косв. пад. *káti*, *mayn* 'село', косв. пад. *máyni*; *odámt* 'люди' (мн.ч.), косв. пад. *odámti*; *zirékt* 'куропатки', косв. пад. *zirékti*; *mákša* 'теленоч', косв. пад. *mákšay*; *námta* 'войлок', косв. пад. *námtaŷ*; *žúta* 'сын', косв. пад. *žútaŷ*.

В восточном говоре при присоединении суффикса косвенного падежа к основам на *-a* имеет место следующее явление: *-a* основы + суф. *-y* > *e* (*mákše*, *námte*, *žúte* и т.д.).

§ 37. Категория неопределенности (единичности) чаще всего выражается путем сочетания существительного с числительным *ī*, выполняющим роль неопределенного артикля: *asaym*, *tík ī čo aǰórim*: *ī ǰoŷ* 'мы пошли, потому что увидели:/какую-то/ корову'; *nahwád ī maydá kat axirín* 'он купил там маленький дом'; *ī odám awów ačukayrún* 'пришел один человек /и/ испугал'; *Sobir gustagī ī hamrátoŷ oy* 'был с нами один спутник по имени Собир'; *ī aŷqót naxké xóarím* 'давайте сейчас чего-нибудь поедем'; *dodó-mox ī korgár xoy* 'наш отец был рабочий'.

Если существительное заимствовано из таджикского, то оно кроме *ī* может иногда иметь при себе таджикский безударный суффиксальный показатель *-e*. Обычно это бывают заставшие наречные выражения или кальки.

Примеры: *ī wáxte avú*, *atrát asanór Dehbalánd...* 'однажды было /так, что/ отряды поднялись в Дехбаланд'; *atirim ī ǰóǰahi avés*, *ī gárdake aníd* 'пошли, спустились в одно место, немного отдохнули'; *man-xotír Halím ī dáme rūpot* 'пусть Халим для меня немного пожнет'; *man ǰaxóm ī ǰubóre wayš vantót* 'пойду-ка я немного повяжу /снопы/ травы'.

§ 38. Категория определенности может быть выражена при помощи сочетания существительного с эмфатической частицей *na(h)*, употребление которой, однако, является спордическим.

Примеры: *bisyortár na xóni úšči* 'чаще всего он бывает на летовке'; *panč iyóm, panč odámi, nah panč odámi ašawóm nāwát* 'нас было пятеро, пять человек, впятером мы пошли туда'; *harbūza arúxs na xūnay-čintir* 'дыня созрела в комнате' (из сказки); *tobistūni Qūli Worsoút šawimišt, zimistūni nah kat vbyimišt* 'летом мы отправляемся в Кули Ворсовут, зимой мы возвращаемся домой'; *wéši rūpak-š ast nah bobí-m* 'траву косит мой дедушка'; *aǰáxim ósta-óstay asán nah yaǰnobiti kat* 'я встал и медленно-медленно поднялся в дом к ягнобцам'.

Частица *na h* иногда употребляется и при именах собственных⁵⁰: *nah Hotám zūr ustó-st* 'Хотам — хороший мастер'; *bisyortár odámt nah Dušambé or* 'больше всего людей в Душанбе'; *agárdor avés Piskón, nah Piskón aǰ viyóra anǰdor* 'они вернулись в Пискон, в Писконе они в тот вечер остановились'.

§ 39. Категория грамматического рода в ягнобском языке отсутствует.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

§ 40. Прилагательные не имеют падежных форм и не изменяются по числам. В качестве определения они ставятся непосредственно перед существительным без всякого оформления: *tíšpa seb* 'кислое яблоко', *loyina aštóba* 'глиняный кувшин', *kátta vuz* 'большая коза', *dusóla žúta* 'двухлетний сын', *van dork* 'длинная палка', *múškin umóč* 'бобовый суп', *tóza or* 'чистая вода'.

§ 41. Степени сравнения выражаются в основном аналитически, путем особых конструкций — калек с таджикского, в которых прилагательное выступает в своей основной форме (§ 154).

§ 42. Таджикский суффикс сравнительной степени *-tar* употребляется очень редко, да и то лишь при прилагательных, заимствованных из таджикского: *parútni mošín arzón, taksi sāl qimattár tirášči* 'попутная машина дешевая, такси немного дороже'.

§ 43. Суффикс сравнительной степени *-star* (согд. *-str*), отмеченный в ягнобско-русском словаре, приложенном к текстам М.С. Андреева и Е.М. Пещеревой⁵¹, в современной ягнобской речи не используется. Он лексикализовался в наречиях *rítistar* 'вперед', 'раньше' и *sarháddistar* 'выше'.

§ 44. Субстантивированные прилагательные обладают всеми признаками существительных: *mox pirt, mūysafétt hurmát kunt* 'нас, старых, стариков уважайте'; *asánim Yáǰnob kat-tóti-mox arz akún* 'мы поднялись в Ягноб, пожаловались своим старшим'.

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

§ 45. Собственно ягнобские количественные числительные употребляются только в пределах первого десятка: *ī* 'один', *du* 'два', *tiráy* 'три' (западный и переходные говоры), *saráy* 'три' (вост. говор), *siráy* 'три' (сел. Питип), *tifór // tufór* 'четыре' (зап. говор), *tafór* (вост. говор), *panč* 'пять', *ixš* 'шесть', *aft* 'семь', *ašt* 'восемь', *naw* 'девять', *das* 'десять'.

Счет от одиннадцати и выше ведется по-таджикски: *vozdá(h), duvozdá(h), senzdá(h)* и т.д.

§ 46. Часто вместо ягнобских числительных первого десятка используются соответствующие таджикские числительные, но только в сочетании со словами, заимствованными из таджикского: *dah rúzi* 'десять дней', *se sóli* 'три года', *čor móhi* 'четыре месяца'.

§ 47. В сочетаниях с количественными числительными от двух и выше существительные употребляются в форме единственного числа косвенного падежа: *du naxširi* 'два горных козла', *tiráy jówi* 'три коровы'; *panč odámi* 'пять человек'.

Примеры употребления количественных числительных во фразах:

panj jówi tik aǰórim 'еще я увидел пять коров'; *man du naberáy oy* 'у меня было два внука'; *hózir avú čorsád jówi, se hazór móli avú* 'теперь стало четыреста коров, три тысячи голов/ мелкого рогатого скота'; *haft móhi Lučóbb ark akunim* 'семь месяцев я работал в Лучобе'; *id méni siráy mórti maalim ásti* 'в этом селении три учителя'; *šumóx du xári ast?* 'у

вас два осла?»; *das xáři vūrta đah odámi* 'десятерых ослов пригнали десять человек'; *Dehbalánd havdáh žówi xoy, yak sádu haštót sutúri xoy* 'в Дехбаланде было семнадцать коров, сто восемьдесят баранов'.

§ 48. Употребляясь самостоятельно, без существительных, количественные числительные субстантивируются и приобретают все морфологические и синтаксические свойства существительных, в том числе формы косвенного падежа и множественного числа: *tiráy iyót?* - *ho*, *tiráy iyóm* 'вас было трое? - Да, нас было трое'; *čófi iyót?* - *das* 'сколько вас было? - Десять'; *či das! du nósomišt ašt piráxči* 'беру из десяти два, остается восемь'; *šūnzdah apiráxs, i-š amír* 'осталось семнадцать, один умер'; *dúyi xipár-š avú* 'о двоих он узнал'; *pančt-imox či dayró agudárim* 'мы же впятером перешли через реку'; *tufórt-imox Káši avésim* 'мы четвером спустились в Каши'.

§ 49. Слова-названия мер ставятся между числительными и существительными и оформляются суффиксом косвенного падежа, а существительные употребляются в форме прямого падежа: *sad wópi wayš arúrim* 'я накопил сто охапок травы'; *tufór xári weš awúrim* 'я доставил траву на четырех ослах'; *tiráy žúfti žow* 'три пары волов' и т.д.

§ 50. Нумератив *ta*, заимствованный из таджикского, не приобретает формы косвенного падежа, и при его наличии образуется такая же конструкция, как при непосредственном примыкании числительных к существительным: *man káti bist ta odámi ast* 'у меня в доме двадцать человек'. Это объясняется, очевидно, тем, что сочетание числительного с нумеративом *ta* воспринимается ягнобцами как единое целое, тем более, что *ta* употребляется только при таджикских числительных.

§ 51. В ягнобской речи употребляются иногда таджикские порядковые числительные (при образовании дат): *bistunihúm agár tiróm násfaytomišť* 'если я пойду двадцать девятого, то не успею'; *nahit karáti panjó prasént bóyad vot to siyúmi-sa* 'на этот раз должно быть пятьдесят процентов до тридцатого'.

Чаще, однако, используются таджикские изафетные словосочетания типа *sínfi čor* 'четвертый класс', *sóli sivusé* 'тридцать третий год', которые воспринимаются ягнобцами как устойчивые словосочетания и могут оформляться суффиксом косвенного падежа *-i*: *isol man sínfi šiš žóyomišt* 'в этом году я учусь в шестом классе'; *man hafsóla avím, maktábi atšim Nómítkon, sínfi yak aživárim to sínfi čóri-sa* 'мне было семь лет, /когда/ я поступил в школу в Номитконе, я проучился от первого класса до четвертого'; *sínfi háfti ašáym rayón* 'будучи в седьмом классе я поехал в райцентр'; *soató čórti šáyimišt* 'мы пойдем часа в четыре'.

§ 52. Разделительные числительные образуются при помощи дистрибутивного суффикса *-ki*: *či har máyni iki mūsaféd hoy wóvošt* 'из каждого селения зовут по одному старику'; *har žówi- dými tufór odámi šaūtišt: i žowáýkará, tiráýki xórkanzan* 'за каждым быком идут четыре человека: один погонщик и по трое людей с мотыгами'; *du-tiráýki anós* 'он взял по две-три'; *tik i tiráýki vuz ast* 'еще есть по три козы /у каждого/'; *áftki odám čordá odámi boží akunóšt* 'по семь человек /в каждой команде/ играли четырнадцать человек'.

Как видно из примеров, существительные, употребляющиеся в сочетаниях с разделительными числительными, имеют форму прямого падежа.

МЕСТОИМЕНИЯ

Личные местоимения

§ 53. Личные местоимения изменяются по падежам:

Прямой падеж

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>man</i> 'я'	<i>mox</i> 'мы'
2-е л.	<i>tu</i> 'ты'	<i>šumóx</i> 'вы', 'Вы'
3-е л.	<i>ax, iš</i> 'он'	<i>áxtit, ištit</i> 'они'

Косвенный падеж

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>man</i>	<i>mox</i>
2-е л.	<i>taw</i>	<i>šumóx</i>
3-е л.	<i>áwi, iti</i>	<i>áwtiti, ititi</i> ⁵²

§ 54. Формы прямого падежа личных местоимений употребляются только в тех случаях, когда местоимения выступают в функции подлежащего (примеры см. ниже).

§ 55. Местоимение 2-го лица множественного числа в западном говоре используется при вежливом обращении.

§ 56. Местоимения *iš*, *ištít* и их косвенные формы употребляются, когда речь идет о присутствующих лицах.

§ 57. В функции личных местоимений 3-го лица единственного числа используются также указательные местоимения *anís* и *anáx* (см. § 68).

Примеры употребления личных местоимений во фразах: *tu ɣor, man čókara žávomišt* 'ты посмотри, как я пью'; *ax véstišt* 'он спускается'; *iš xórtišt* 'он ест'; *ax man apúč* 'он меня ущипнул'; *moɣ dýměšind vésimišt* 'мы спустимся вслед за ними'; *man gap taw náforči* 'мои слова тебе не нравятся'; *áwi ɣor* 'посмотри на него'; *áwtiti gap ast* 'у них есть дело'; *ána moɣ dawrá nahíranka xoу* 'вот, наше время было таким'; *íti áspi víta-x* 'это, оказывается, его лошадь'; *šumóx čo kúntiš?* 'что Вы делаете?'; *áxtit awówor* 'они приехали'; *ištít hámmaš í yor* 'они все одни (и те же)'; *čókara xoу naháx?* 'каким был он?'; *či hadd anáx berú-x* 'он слишком нахальный'.

Энклитические местоимения

§ 58. В языке ягнобцев широкое распространение имеют энклитические формы личных местоимений:

Ед. число	Мн. число
1-е л. <i>-(i)m</i>	<i>-(i)moх</i>
2-е л. <i>-(i)t</i>	<i>-šint</i>
3-е л. <i>-(i)š</i>	<i>-šint</i>

§ 59. Гласный *i*, помещенный в скобки, является вставным и возникает спорадически после некоторых согласных для удобства артикуляции (примеры см. ниже).

§ 60. Энклитические местоимения выполняют самые разнообразные функции. Они могут выражать принадлежность, выступать в роли прямого и косвенного дополнений. Являясь показателями принадлежности, энклитические местоимения присоединяются к существительным.

Если, однако, существительное сочетается с послелогом, энклитическое местоимение следует за послелогом.

Выступая в остальных функциях, энклитические местоимения могут присоединяться к существительным и глаголам. При отрицательных формах глагола они обязательно помещаются после частицы отрицания *na-*.

Примеры: *xárim agardúnim* 'я оставил своего осла на свободной привязи'; *soát-im tiráy minúti satámi-x* 'мои часы отстают на три минуты'; *kút-ič hay kun* 'гони свою собаку!'; *dodó-t ax^oar?* 'твой отец ел?'; *devól-š úšta-x* 'стена его стоит'; *kū bobí-š* 'где его дедушка?'; *gogird akóy-t tifár* 'дай спички своему старшему брату'; *očáyi-sa-m awóvim* 'я сказал своей матери'; *xéšti - xotír - šint girdá avaróšt* 'они приносили для своих родственников сдобные лепешки'; *dáštšint čo víta?* 'что с вашей рукой?'; *í ɣoū - š ast* 'у него есть ^{у него} корова'; *áni híčči-m nest* 'больше у меня ничего нет'; *qoɣáz-im kun* 'напиши мне письмо'; *ponzdá súmi-m atifár* 'он дал мне пятнадцать рублей'; *soz gáp-šin^tdihóm?* 'сказать Вам хорошее слово?'; *fayrd-im akún-nítšim* 'он позвал меня — я не вошел'; *arúpti-šint?* 'вы их сжали?'; *dɣr námūn-š* 'не отпускай его'; *voūt čukerúnim-š* 'давайте испугаем его'; *čo-t ɣaūt?* 'что тебе нужно?'; *ná-m ast wíta* 'нет у меня веревки'; *ná-m-wofči* 'он мне не говорит'; *ná-šin-žumbūn* 'не трогай их'.

§ 61. Энклитические местоимения в функции прямого дополнения могут присоединяться к личным местоимениям: *man riđ nos: áx-im náwenot* 'закрой меня собой, чтобы он меня не увидел'; *moх-šint awénim* 'мы вас увидели'.

§ 62. Энклитическое местоимение 3-го лица единственного числа может употребляться вместе с лично-указательным местоимением *ax*, выражая принадлежность: *ax-š tojiki avú* 'то получилось по-таджикски'.

§ 63. Наблюдаются случаи совместного употребления двух энклитических местоимений, относящихся к разным лицам и выполняющих неодинаковые функции (одно — принадлежность, другое — дополнение): *vúzi akúšim, qáyla akuntm, žútay-xotír-im-š akusélim* 'я зарезала козла, приготовила жа-

ренное мясо, послала его своему сыну'; *púl-š-im nátiforta-x* 'деньги за это он мне не отдал'.

§ 64. В нескольких примерах энклитическое местоимение 3-го лица единственного числа выступает в функции подлежащего⁵³: *Raǰáb náxoу, Qazaqstún xoу-X* 'Раджаба не было, он был в Казахстане'; *hózir ást-iš* 'он еще пока имеется' (о чае); *yaǰnobí xást-X!* 'это же по-ягнобски!'.

§ 65. Энклитические местоимения в функции показателей принадлежности довольно часто употребляются параллельно с косвенными формами личных местоимений: *áwi nūm-š náǰirivomišt* 'его имени я не знаю'.

§ 66. В определительных конструкциях энклитические местоимения всегда присоединяются к последнему члену этих словосочетаний, независимо от того, к какому слову они относятся: *iš kay ǰoǰ-x? - hamsóуay ǰow-im-x* 'это чья корова? — Корова моего соседа'.

§ 67. Об использовании энклитических местоимений в пролеписе см. § 265.

Указательные местоимения

§ 68. К указательным местоимениям относятся следующие: *iš, nahíš, aníš* 'этот' (формы косв. пад.: *it, nahít, anít*), *ax, naháx* 'тот' (формы косв. пад. *aǰ (~-a), naháǰ*).

Косвенные формы указательных местоимений используются в сочетаниях с косвенными формами имен существительных.

Примеры: *tan iš nūn apičášim* 'я попробовал этот хлеб'; *it káti-sitámi boǰ ast* 'позади этого дома сад'; *aǰ káti tim aǰqót x^oárimišť* 'в том доме тоже едим'; *anid ǰoǰti kūm-š naǰz vot?* 'какая из этих коров лучше?'; *nahíd nūni ǰor: čókara māzaš-ast* 'попробуй эту лепешку, какова на вкус'.

Вопросительно-относительные местоимения

§ 69. К этому разряду местоимений относятся: *kax* 'кто' (косв. пад. ед.ч. *kay*, прямой пад. мн.ч. *kaxtit*, косв. пад. мн.ч. *káyititi*); *čo* 'что', 'какой' (косв. пад. ед.ч. *čoу*, формы мн.ч.

нет); *kom // kūm* 'который' (косв. пад. ед.ч. *kómi // kūmi*, прямой пад. мн.ч. *kūmtit*, косв. пад. мн.ч. *kūmtiti*); *čof* 'сколько', косв. пад. *čófi*.

Примеры: *ani kax ax^oár?* 'а кто еще ел?'; *čo kunóm?* 'что мне делать?'; *kay piyóla ou?* 'чья пиала была?'; *čoу-xotír ǰang akúnti?* 'из-за чего вы поссорились?'; *čoу kar-š ast?* 'что он делает /сейчас/?'; *káxtit kambaǰál iyór, ǰáyki mān akunóšt* 'кто был бедным, тому не отдавали дочь'; *aníz nūn pičáš wen čo mazá-š ast* 'попробуй эту лепешку, какова на вкус'; *kax-k awóf, áwi-xotír šqowomišt* 'кто бы ни сказал, ради него я пойду'; *ke axi-š čoǰodámi-k or, anáǰ met-k čof čagdoránt, ke hiss?* *kunóšt* 'потом вообще, сколько людей ни есть, сколько в тот день ни поймают, столько потом делят'; *čof púlla-š ast?* 'сколько у него детей?'; *ke kūm némay-sa atirór, ke kay-ríti-k ašáw, áwi dásti-š kut ast* 'в какую бы сторону ни пошли, к кому бы ни направились, у того собака'; *kūmtit?* 'которые?'

Неопределенные местоимения

§ 70. В состав неопределенных местоимений входят: *kax* 'кто-то', *kūm* 'некоторый', *čo* 'какой-то', 'что-то'⁵⁴; *ixel* 'некоторый', *iyoč* 'нечто', *hičči* 'что-нибудь'.

Примеры: *kax éta, kax náeta* 'кто ушел, а кто не ушел'; *kax yód- im akún* 'кто-то вспомнил меня'; *ax čo gar adih, amǰ atir, néǰirivim čo awóf* 'он сказал какие-то слова и ушел, я не понял, что он сказал'; *ródoč^{ts} xóma xūmna, kūm royluč* 'у них на ногах сапоги из сыромятной кожи, некоторые босые'; *ixeli pi- réžak ast, ixel xéri-š mūrta ikta* 'некоторые разбегаются, некоторые притворились мертвыми'; *ráska niškit xoriš akún-iyoč tístišt* 'правая ладонь зачесалась — что-нибудь прибудет'; *hičči viyórtaš* 'он что-нибудь нашел?'; *gumūn čoу pináуšta-im* 'я как-? будто что-то потерял'.

§ 71. Особый случай употребления местоимения *čo* (косв. пад. *čoу*) с оттенком неопределенности наблюдается тогда, когда говорящий не сразу находит нужное существительное⁵⁵: *ana tik čo akunimíšti... aǰqót akunim ax^oár* 'потом мы еще что делали... готовили еду и ели'; *tik i čo aǰórim-i ǰoǰ* 'потом

я еще что увидел – корову»; *či Márgeb aǰáxim čoy asán... Xi-šórtow asán* ‘из Маргеба мы поднялись в этот, как его... в Хшортов’; *či ranǰúmi may ašáwim čoy... Leninobót* ‘с пятого мая я поехал в этот, как его... Ленинабад’.

Определительные местоимения

§ 72. В современном ягнобском языке имеются следующие местоимения этого разряда: *har* ‘всякий’, ‘каждый’; *hárči* ‘всякий’; *hám(m)a* ‘все’; *hámmaš* ‘все’; *áni* ‘другой’, ‘иной’.

Примеры: *har odám xar zóyi-lápi-š kat akún aníd* ‘каждый человек построил дом у своего участка и поселился’; *hámā (mánož) nížor* ‘все уходят’; *hámmaš táwik-x* ‘все твое’; *xūni (i)yor hámmaš* ‘все они были на летовке’; *púllot hámmaš darǰni iyór* ‘дети все были внутри’; *hámma pydǰša kǰrtay-táki laksóšt* ‘все ходят в рубашках без рукавов’; *áni odám-x* ‘/это/ другой человек’; *hárči čoy avǰrim nāwát* ‘всякий чай я достал там’.

Как видно из примеров, местоимение *hámmas*, заимствованное из таджикского⁵⁶, воспринимается ягнобцами чаще всего как форма множественного числа, и поэтому сочетающиеся с ним глаголы стоят во множественном числе, а не в единственном.

§ 73. Сочетание местоимения *áni* с числительным *ī* фактически превратилось в одно слово *īni* со значением ‘еще один’, *īni vǰrišt* ‘еще одно найдешь’.

§ 74. Местоимение *áni* может также выполнять функцию ограничительной частицы (§ 224).

Отрицательные местоимения

§ 75. Отрицательных местоимений три: *hiččuxs* ‘никто’, *hičči* ‘ничто’, *hič kadóm* ‘никакой’, ‘никто’. Примеры: *hiččuxs náwofta-x? na, hiččuxs náwofta-x* ‘никто не сказал? – Нет, никто не сказал’; *hičči névǰrim* ‘я ничего не нашел’; *peštár gápi toǰiki néǰirivimišt hič kadóm-mox, faqát yaǰnobi*, ‘раньше мы не понимали по-таджикски, никто из нас – только по-ягнобски’; *awókey hičči^{xs} náwentišt* ‘там никто не увидит’.

Определительно-личное местоимение *x^oat*

§ 76. Местоимение *x^oat* употребляется только в сочетании с энклитическими личными местоимениями и выступает в предложении в роли подлежащего:

Ед. число

Мн. число

1-е л. *x^oát-im* ‘я сам’

x^oát-mox ‘мы сами’

2-е л. *x^oat-t* ‘ты сам’

x^oát-šint ‘вы сами’, ‘Вы сами’

3-е л. *x^oat-š* ‘он сам’

x^oát-šint ‘они сами’

Примеры: *x^oát-im toqá čukéromišt* ‘сам я один боюсь’; *x^oat-t(t)im ažávi-o?* ‘сам ты тоже пил?’; *íštít x^oat-šint akúnti yo áni odám?* ‘этих Вы сами сделали или другой человек?’

áxtít x^oat-šint avówor ‘они сами пришли’; *néki havló x^oat-š nákúntišt* ‘но халву сам он не готовит’.

§ 77. Форма 3-го лица множественного числа *x^oat-šint* может быть использована для выражения почтительного отношения к одному лицу: *x^oat-šint séči odam oxí* ‘сами они ведь хороший человек’.

МЕСТОИМЕНИЕ *xar* (*xep*)

§ 78. Местоимение *xar* (западный говор), *xep* (восточный и переходные говоры) ‘сам’, ‘свой’ имеет форму косвенного падежа: *xápi*, *xépi*.

Выступая в функции дополнения (в сочетании с энклитическими местоимениями в форме прямого падежа или самостоятельно в форме косвенного падежа), оно имеет значение определительно-личного местоимения: *tap xár-im oypáy aǰórim* ‘я посмотрел на самого себя в зеркале’; *raís(xár-šint) ní-xep-wenim* ‘председателя самого я не видел’; *xép-iš tifár* ‘дай ему самому’.

Выступая в функции определения (в форме прямого или косвенного падежа), *xar(xep)* имеет значение притяжательного местоимения: *xiyól akúnim xar virót-im awénim* ‘я подумал, /что/ увидел своего брата’; *či ark agárdim avóu xeb jóǰahim* ‘я вернулся с работы в свой дом’; *iš xépi káti-m-x* ‘он в моем доме’.

ГЛАГОЛ

Глагольные основы

§ 79. В отличие от других иранских языков ягнобский язык сохранил древнеиранский способ образования разновременных личных глагольных форм от одной основы⁵⁷.

Исключение представляет глагол со значением «делать», который имеет две основы: *kun-* и *kar-*.

Основа *kar-* употребляется ограниченно: при образовании инфинитива, причастия и деепричастия настоящего времени (§§ 123, 129, 134), а иногда также форм прошедшего длительного времени (§§87-90).

Структура глагольных форм

§ 80. Как и в таджикском языке⁵⁸, все глагольные формы ягнобского языка с точки зрения структуры подразделяются на две группы: простые и сложные (описательные).

Простые формы образуются непосредственно от основы с добавлением личных окончаний (в личных формах), а для некоторых (простого прошедшего и прошедшего длительного) также аугмента *a-*.

Сложные, или описательные, формы образуются путем сочетания причастия прошедшего времени или инфинитива со связкой или вспомогательным глаголом *vi-* «быть», «делаться», «становиться».

Личные глагольные формы

§ 81. В ягнобском языке залоговых противопоставлений нет: глагольные формы имеют активное значение. Наклонений имеется три: изъявительное, сослагательное и повелительное.

Изъявительное наклонение

Простое прошедшее время

§ 82. Формы простого прошедшего времени образуются от основы глагола путем прибавления к ней аугмента *a-* и следующих личных окончаний:

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>-im</i>	<i>-om</i> (зап.), <i>-im</i> (вост. и переходные говоры)
2-е л.	<i>-i</i>	<i>-ti</i> (зап. и перех.), <i>-si</i> (вост.)
3-е л.	(нулевое)	<i>-or</i>

§ 83. Спряжение глагола *šaw-* «идти» в простом прошедшем времени:

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>ašáwim</i>	<i>ašawóm, ašawim</i>
2-е л.	<i>ašáwi</i>	<i>ašáwti, ašáwsi</i>
3-е л.	<i>ašáw</i>	<i>ašawór</i>

§ 84. Формы простого прошедшего времени выражают главным образом действие краткое, законченное, однократное, но при наличии в контексте некоторых обстоятельственных слов могут иногда выражать также действие длительное или многократное.

Примеры: *halók avíti?* «Вы устали?»; *sitóra arúš* «звезда упала»; *šáhri avésim* «я спустился в город»; *mož atšom* «мы вошли»; *xγr pit agárd* «солнце повернулось так»; *qarib avúnti?* «Вы почти кончили?»; *íγom ačák, axiš na* «однажды потекла, потом нет (о крыше)»; *olám awúfsti, ne?* «Вы долго спали, нет?»; *bozóri met aγórim* «я видел его в базарный день»; *xéli olówiríti aúštor* «очень долго стояли они у огня».

§ 85. Во временных и условно-временных придаточных предложениях эта форма иногда используется для выражения совершенного будущего времени⁵⁹: *xa, ašáwim, ke* «ладно, когда пойдем, тогда (сделаем)»; *xunúk-k avú, ke voiči* «когда будет холодно, тогда он придет»; *du rújin-k avú zūr vítišt* «коли будет два /вида/ масла, тогда это будет сильно»; *ná-k atopim, ke* «если не смогу, тогда...»; *hoγ awóvim dáraγ jāx* «если я тебя позову, сразу вскакивай /с места?».

Длительное прошедшее время

§ 86. Формы длительного прошедшего времени образуются от глагольных основ путем прибавления аугмента *a-* и следующих личных окончаний⁶⁰:

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>-imišt</i>	<i>-omišt</i> (зап.), <i>-imišt</i> (вост., перех.)
2-е л.	<i>-išt</i>	<i>-tišt</i> (зап., перех.), <i>-sišt</i> (вост.)
3-е л.	<i>-išt</i>	<i>-ošt</i>

§ 87. Спряжение глагола *šaw-* в длительном прошедшем времени:

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>ašáwimišt</i>	<i>ašáwomišt, ašáwimišt</i>
2-е л.	<i>ašáwišt</i>	<i>ašáwtišt, ašáwsišt</i>
3-е л.	<i>ašáwišt</i>	<i>ašawóšt</i>

§ 88. Формы длительного прошедшего времени обозначают длительное или многократное действие (при наличии некоторых обстоятельственных слов) в прошлом: *olów akunóšt* 'они разводили огонь'; *ax sahár aǰáxišt* 'он вставал рано утром'; *dásti-vik hiss akunóšt, kŭm axo árišt, kŭm tik áni hiss-á-š očáyi-xotír-š aǰivárišt* 'делили руками, кто ел, а кто еще свою долю уносил для матери'.

§ 89. В следующих синтаксических конструкциях формы длительного прошедшего времени могут использоваться для выражения ирреального прошедшего действия:

1) в сложном предложении с придаточным условным: *agár nihít pŭlla avárimišt duxtŭri, kal nívišt* 'если бы этого ребенка я отвела к доктору, он бы не облысел'; *agár divári anǰizimišt aláks, ǰarm avírimišt* 'если бы я вышел наружу и погулял, я бы согрелся';

2) в сочетании с модальным словом *navót* 'а не то' (калька с таджикского *nabošád*): *navót abiyóroš-tox* 'а не то они бы настигли нас'.

Настояще-будущее время

§ 90. Формы настоящего-будущего времени образуются от глагольной основы путем прибавления следующих личных окончаний:

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>-omišt</i>	<i>-imišt</i>
2-е л.	<i>-išt</i>	<i>-tišt</i> (зап., перех.) <i>-sišt</i> (вост.)
3-е л.	<i>-tišt</i>	<i>-ošt</i> <i>-či</i> (вост. и перех.)

§ 91. Спряжение глагола *šaw-* в настояще-будущем времени:

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>šáwomišt</i>	<i>šáwimišt</i>
2-е л.	<i>šáwist</i>	<i>šáwtišt, šawsišt</i>
3-е л.	<i>šáwtišt, šáwči</i>	<i>šawóšt</i>

§ 92. Формы настоящего-будущего времени обозначают действие, совершающееся постоянно, в настоящий момент или то, которое совершится в будущем.

Примеры: *man Anzob šáwomišt, xep xár-im váromišt* 'я пойду в Анзоб, поведу своего осла'; *áxtit ópi šawóšt* 'они идут за водой'; *man dodó hózir káti tíšči* 'мой отец сейчас входит в дом'; *pečát raís vorči* 'печать носит с собой председатель'; *sezdá rŭz áni maktár sar vítišt* 'через тринадцать дней начнется учеба'.

Глагол бытия

(Глагольная связка)

§ 93. Формы глагола бытия (глагольной связки) в настоящем времени:

Положительная форма

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>im</i>	<i>om</i>
2-е л.	<i>išt</i>	<i>ot</i> (зап., перех.), <i>os</i> (вост.)
3-е л.	<i>ast, -x, xast,</i> <i>ásti, xásti</i>	<i>or</i>

Отрицательная форма

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>náim</i>	<i>náom</i>
2-е л.	<i>náišt</i>	<i>náot</i> (зап., перех.) <i>náos</i> (вост.)
3-е л.	<i>nax, nest, nésti, náxasti</i>	<i>náor, néstor</i>

§ 94. Формы глагола бытия (глагольной связки) в прошедшем времени:

Положительная форма

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>óyim</i>	<i>iyóm</i>
2-е л.	<i>oy// óyi</i>	<i>iyót</i>
3-е л.	<i>oy, xoy</i>	<i>iyór</i>

Отрицательная форма

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>náoyim</i>	<i>náiyom</i>
2-е л.	<i>náoy(i)</i>	<i>náiyot</i>
3-е л.	<i>náoy, náxoy</i>	<i>náiyor</i>

§ 95. Примеры самостоятельного употребления глагола бытия: *Šukrulló Pullarowút-x* 'Шукрулло в Пулларовуте'; *šumóx čarūn nésti* 'у вас нет халата?'; *šáhri or* 'они в городе'; *peštár Qúli Worsowút oy, id dámi nest* 'раньше было в Кули Ворсовуте, теперь нет'; *ī áni-š oy* 'еще одна была (о пиале)'; *Qurbūn nātát xoy* 'Курбан был здесь'; *Taro žgárd iyór* 'они были в (селении) Тарошгард'; *musofír odám vot píriviy ras náxiriftišt Samarqándi vagzál-š kú xast, kú náxasti* 'что касается постороннего человека, то в первый раз он не знает, где в Самарканде есть вокзал, а где нет'; *piyón viyóra Bidév óyim* 'вчера вечером я был в Бидеве'; *šumóx náiyot* 'вас не было'; *šumóx Bidév iyót-o?* 'вы были в Бидеве?'; *saharí beh nax* 'утром нехорошо'; *tojki údá nax* 'она не может /говорить/ по-таджикски'.

Примеры употребления глагола бытия в качестве глагольной связки: *firūn čūrūn išt?* 'завтра ты пастух?'; *op sort*

xast 'вода холодная'; *séči rūnt or* 'хорошие бараны'; *judó xū(m) maalim xoy* 'он был очень хорошим учителем'; *čūrūn man óyim* 'пастухом был я'; *tox ranj iyóm* 'нас было пятеро'; *yordamčí (i) yór hámmaš* 'они были помощниками, все'; *hózir maktábi doxíl náxasti* 'он еще не поступил в школу'; *tu čókara odam išt?* 'что ты за человек?'.

§ 96. Формы *óyišt* (2-е л. ед.ч. прош.вр.)⁶² и *astx* (3-е л. ед.ч. наст.вр.)⁶³ в наших материалах не встречаются.

Преждепрошедшее время

§ 97. Преждепрошедшее время⁶⁴ образуется путем сочетания причастия прошедшего времени на *ta-* с глагольной связкой прошедшего времени:

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>wóft(a) óyim</i>	<i>wóft(a) iyom</i>
2-е л.	<i>wóft(a) oy(i)</i>	<i>wóft(a) iyot, wóft(a) iyos</i>
3-е л.	<i>wóft(a) (x)oy</i>	<i>wóft(a) iyor</i>

§ 98. Формы преждепрошедшего времени имеют значение давно совершившегося действия или действия, предшествовавшего другому действию, выраженному формами простого прошедшего времени: *Xudoynazar wóftoy* 'Худойназар говорил'; *šumóx Tezgárdi-sa et iyot?* 'Вы ездили в Тезгард?'; *tox Bidév gudorta -iyóm* 'мы переходили в Бидев'; *man maktábi nátūnt óyim, kasál óyim č-áŷ-baxša maktábi níšayim* 'я не мог /идти/ в школу, я был болен, поэтому я не пошел в школу'; *náeta yoy U smóili káti?* 'ты не ходил к Исмаилу домой?'; *piyūn sáta xoy* 'он вчера поднимался'; *maalimt xúddi kad wóft-iyor* 'учителя уже давно приехали'; *ī pirakí bobó-m oy, inč not-oy žūta-š viyórt-oy, taxmín hafsóla-hašsóla, nahíranka xoy ne* 'был у меня старенький дедушка, женился, приобрел сына, примерно семи-восемью лет, таким он был, не так ли?'; *tu avési, múrta xoy?* 'ты спустился, он уже умер?'

Перфект

§ 99. Основная форма перфекта образуется путем сочетания причастия прошедшего времени на *-ta* (§ 116) с гла-

гольной связкой настоящего времени. Приведем в качестве примера спряжение глагола *wov-* 'говорить' в основной форме перфекта:

Ед. число	Мн. число
1-е л. <i>wófta ĩm</i>	<i>wóft-om</i> (< <i>wofsta om</i>)
2-е л. <i>wófta išt</i>	<i>wóft-ot, wóft-os</i> (< <i>wófta ot, wófta os</i>)
3-е л. <i>wófta xast, wófta-x</i>	<i>wóft-or</i> (< <i>wófta or</i>)

§ 100. Основное значение этой формы – результативность, т.е. указание на то, что действие совершилось и результат сейчас имеется налицо: *ā nāsata ĩm!* 'я никогда не поднимался туда!'; *tu zūr odám vĭta išt* 'ты стал сильным человеком'; *hózir sabzĭ nārasta-x* 'мокрость еще не созрела'; *piréšta-x* 'он убежал'; *qoq vĭta xast* 'он засох'; *kū-š pirĭnt or* 'где они его продали?'; *kuĵoi vĭt-or išti?* 'откуда они?'; *hózir ĵállā náuxt-or* 'зерно еще не привезли'.

§ 101. Преждепрошедший перфект образуется путем сочетания причастия прошедшего времени на *-ta* основного глагола с формами основного перфекта вспомогательного глагола *vu-* 'быть', 'делаться', 'становиться'⁶⁵.

Ед. число	Мн. число
1-е л. <i>wófta vĭta ĩm</i>	<i>wófta vĭt-om</i>
2-е л. <i>wófta vĭta išt</i>	<i>wófta vĭt-ot, wófta vĭt-os</i>
3-е л. <i>wófta vĭta-x</i>	<i>wófta vĭt-or</i>

§ 102. Формы преждепрошедшего перфекта выражают законченность действия, результат выяснения, а также используются при передаче с чужих слов: *Avāzi xar nōta vĭta-x* 'оказывается, он взял осла Аваза'; *vōĭta vĭt-or* 'они уже пришли'; *ĉi kū fáhmta vĭta-x* 'он откуда-то узнал'; *ĉi Dušambé qo-ĵáz nōta vĭta-x* 'она, говорят, получила письмо из Душанбе'; *gumón bisyór pĭr vĭta vĭta išt* 'наверное ты очень состарился'; *xuniki díhta vĭta ĩm* 'я, оказывается, простудился'.

Сослагательное наклонение

Настояще-будущее время

§ 103. Настояще-будущее время сослагательного наклонения образуется от основы глагола путем присоединения следующих личных окончаний:

Ед. число	Мн. число
1-е л. <i>-om</i>	<i>-im</i>
2-е л. нулевое окончание	<i>-t</i> (зап. и перех.), <i>-s</i> (вост.)
3-е л. <i>-ot</i>	<i>-ant</i>

§ 104. Спряжение глагола *šaw-* 'идти' в настояще-будущем времени сослагательного наклонения:

Ед. число	Мн. число
1-е л. <i>-šawóm</i>	<i>šawĭm</i>
2-е л. <i>šaw</i>	<i>šawt, šaws</i>
3-е л. <i>šawót</i>	<i>šawánt</i>

§ 105. Формы настоящего-будущего времени сослагательного наклонения могут выражать самые различные модальные оттенки действия, которое происходит или будет происходить.

Аналогично формам аориста таджикского языка⁶⁶ они употребляются в самостоятельных, независимых предложениях, где их модальные значения уточняются главным образом лексическими или интонационными средствами, и в придаточных предложениях, где их значения определяются прежде всего синтаксически.

§ 106. В самостоятельных предложениях формы настоящего-будущего времени могут иметь следующие модальные оттенки:

1) косвенное приказание (только в 3-м л. ед. и мн.ч.):
awón anĭ : Ālbatta wov nāšawot: árĭk-im ast 'он сказал: «Обязательно скажи /ему/, пусть не уходит: у меня есть дело /к нему/»; *ĉi xáp-šint sardór nĭžot* 'пусть от них самих будет руководитель'; *darĭni maalĭmt nĭđant* 'пусть внутри сидят учителя';

2) приглашение к действию (только в 1-м л. мн.ч.): *voj šaym bajó vim* 'давай пойдём спрячемся'; *bidúni tónim* 'давай положим на середину'; *jáxim žaráppim* 'пойдём поспим'; *ba salqini sanim gárdim* 'давай поднимемся в прохладное время';

3) приступ к действию, возникшее желание или решимость сделать что-либо (только в 1-м л. ед.ч.): *úrom rūrom, kašónom* 'покошу-ка я, потаскаю (траву)'; *jáxóm xutánnay múštak úrom* 'пойду-ка я на мельницу, принесу муки';

4) вопрос о надобности: *op ešónom?* 'вскипятить воду?'; *ána čo wom* 'ну, что мне сказать?'; *méšin sénom yo čoy kunóm?* 'принести пахтанье или заварить чай?'; *čo-š tifarim pagohi?* 'что мы ему дадим утром?';

5) допущение: *xutánnay vižúnot* 'он, пожалуй, сожжет так мельницу'; *man piyóda laksóm* 'я, пожалуй, пойду пешком'; *púl-iš tifarim naháx nósim* 'я, пожалуй, дам ему деньги, возьму это';

6) желательность (самостоятельно и в сочетании со словами *zóro* и *kóški* 'хоть бы'): *man bekás im, i dúst-im vot* 'я одинок, хоть бы был у меня один друг!'; *id wáxti qant-qamfid vot!* 'были бы сейчас сахар и конфеты!'; *kóški áranka vot!* 'хоть бы так было!'; *zóro nósot!* 'хоть бы он взял!';

7) предположение (в сочетании с модальными словами *mumkin* 'возможно', 'может быть', 'наверное' и *darkór* 'должно быть', 'очевидно'): *mumkin pul nárasot* 'может быть, денег не хватит'; *mumkin ax tirót* 'может быть, он уедет'; *hózir Kánsi čof xūžagi piráxta? - Kánsi? Mumkin ax tim bistu pač xožagi vot darkór* 'сейчас в Канси сколько хозяйств осталось? — В Канси? В нем, должно быть, хозяйств двадцать пять будет'; *mumkin vot* 'может быть, есть';

8) долженствование:

а) в сочетании с модальными словами *bóyad* 'необходимо', 'должно' и *magám* // *magár* 'необходимо', 'должно': *bóyad pažár štiróp kunót oxí* 'ведь сторож должен оштрафовать /его/'; *bóyad natát pirúntot* 'он должен здесь продавать'; *agár darák-š návot magám šawóm* 'если о нем не будет известий, я должен буду пойти'; *nūn tifar, magár mož nūn réza kunim* 'дай

лепешку, мы должны разломить лепешку /на куски/';

б) в сочетании с *žajt* (формой 3-го л. ед.ч. наст. вр. со-слаг. накл. глагола *žaw-* 'быть нужным', 'необходимым'): *širók žajt tiróm žoškowí* 'завтра я должен буду пойти на поиски коровы'; *ini vtrišt ke žajt pénom* 'еще одно найдешь, тогда я должен буду открыть'.

§ 107. Широкое распространение имеют формы настоящего-будущего времени сослагательного наклонения в придаточных предложениях временных, условных и условно-временных, где они обозначают действие, относящееся к будущему: *kat šawišť rūpak? - xyr rasót, ke* 'когда ты пойдешь косить /траву/? — когда взойдет солнце, тогда'; *to nášaym, návici* 'пока не пойдём, не получится'; *agár sol boríš návot bisyór xušk víči* 'если в какой-нибудь год не будет дождя, то она совсем засохнет'; *agar šlápa-š nos anipti hárra kun, dlhtiš dayróy-lápi* 'если возьмешь его шляпу, так вот скатишь с обрыва, покажется до самого берега реки'; *ná-k-tifarant, nažz návutišt* 'если не дадут, будет нехорошо'; *magazín nazdíg vot, i patinká nos* 'коли магазин будет близко, возьми ботинки'.

§ 108. Эти формы употребляются также в придаточных цели и в некоторых придаточных дополнительных предложениях: *mána bóyad véсот ta rasót* 'вот он должен спуститься, чтобы успеть'; *xušrú níd čang návot* 'сиди хорошо, чтобы не было пыли'; *xo at-š nášautišť idoráy divári pénot* 'он сам не идет открывать дверь правления'; *fúna-š dih mahkám vot, nážumbot* 'вбей в нее клин, чтобы была прочной, не качалась'; *nek qand nárahnomišť xo aróm* 'но я не осмеливаюсь есть сахар'; *atūni jáxomišt aniš ark kunóm* 'я сейчас встану, чтобы сделать эту работу'; *šamol vot, ke mrtišť* 'будет ветер, тогда он содохнет (о жуке)'.

§ 109. Формы настоящего-будущего времени сослагательного наклонения могут употребляться в определительных и во временных придаточных предложениях, но только в тех случаях, когда речь идет не о подлинном действии, а о представляемом, допускаемом, возможном (время действия будущего, реже — настоящего): *káx-ik vot, zalár náventišt* 'кто бы ни был, ему не будет вреда'; *kasóne-k ark kunót pul bisyór*

nósči 'тот, кто /хорошо/ поработает, тот много денег получит'; *kū vot, ark kun* 'где бы ни было, работай'; *taksá tim ásti porútni mošín, kúm-iš xoy naháwi vór-is kuníšt* 'такси есть, попутная машина, на какую ни захочешь, на такую и погрузишь'.

Прошедшее время

§ 110. Прошедшее время сослагательного наклонения образуется путем сочетания причастия на *-ta* с формами настоящего будущего времени сослагательного наклонения вспомогательного глагола *vi-* 'быть'.

§ 111. Спряжение глагола *wov-* 'говорить' в прошедшем времени сослагательного наклонения:

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>wófta vom</i>	<i>wófta vim</i>
2-е л.	<i>wófta vi</i>	<i>wófta vit</i>
3-е л.	<i>wófta vot</i>	<i>wófta vant</i>

§ 112. Основное модальное значение этих форм такое же, как и у форм настоящего-будущего времени сослагательного наклонения, но только в аспекте прошедшего времени. Сфера употребления их, однако, значительно уже. В наших материалах зафиксированы следующие случаи употребления форм прошедшего времени сослагательного наклонения:

1) при выражении предположения (о прошедшем действии): *mošín tórta vot* 'машина, наверное, уехала'; *ax tumkín izm éta vot* 'он, наверное, ушел за дровами';

2) при недоуменном вопросе о возможности прошедшего действия: *Xudayór vóŭta vot?* 'пришел ли Худаер?'; *náŕivom soát čof víta vót-a?* 'не знаю, сколько могло бы быть времени, а?'

§ 113. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в сочетании с модальными словами (*tumkín* 'возможно', 'вероятно', *gumón* 'вероятно', 'наверное') вместо ожидаемого обязательного употребления форм прошедшего времени сослагательного наклонения используются формы прошедших времен изъявительного наклонения: *tumkín kat-š íkta oy* 'возможно, он уже построил дом'; *šarmandagí-š nŕniz gumŭn* 'он, наверное, не вышел из-за стыда'.

То же самое наблюдается и в придаточных условных и условно-временных, если действие в них относится к прошлому: *peštár zóyi-k atŭpor, kam-š apiráxs, áni nŕdag tumkín náoy* 'раньше, когда косили участок, если мало осталось, то больше нельзя было садиться /отдыхать/'; *agár sang agárdišt, íkiraxani vóra avóšt* 'если камень сдвигался /с места/, то сажались друг на друга верхом'.

Повелительное наклонение

§ 114. Имеется две формы повелительного наклонения — единственного и множественного числа.

Форма единственного числа представляет собой основу с нулевым окончанием: *šaw!* 'иди!', *kun!* 'сделай!'

Форма множественного числа образуется присоединением к основе окончания *-t* (для западного и переходных говоров) или *-s* (для восточного говора).

В западном говоре и в части переходных говоров, призывающих к западному (селения Номиткон, Хисокидарв), форма множественного числа используется также в качестве формы вежливости при обращении к одному лицу. В остальных говорах это не наблюдалось.

Примеры: *xšiftsar čin ŭr xarim!* 'собери сливки, принеси, мы поедим!'; *Xudayór, táski ŕor!* 'Худаер, смотри сюда!'; *x^o at-šint xort!* 'сами ешьте!'; *devól kuns!* 'сделайте забор!'

Зависимые парадигмы

§ 115. Если в предложении употребляются два или более глаголов, имеющих одинаковую форму времени, лица и числа, то обычно лишь первый из них бывает оформлен согласно правилам, описанным выше, остальные же спрягаются по так называемым зависимым парадигмам⁶⁷.

Эти зависимые парадигмы характерны только для изъявительного наклонения и различаются в соответствии с временными формами.

Зависимые парадигмы простого прошедшего времени, прошедшего длительного и перфекта характеризуются нулевыми окончаниями во всех лицах и числах.

Примеры: *man aǰaxim ósta avés* 'я встал и медленно спустился'; *man ašáwim atiráš* 'я пошел и упал'; *aǰaxim Númitkon amón atír* 'я взял да пошел в Номиткон'; *ī xšar jām avóm šikóri ašáw* 'однажды ночью мы собрались и пошли на охоту'; *odámt bisyór jām avór aǰax šikóri ašáw* 'собралось много народу, встали, пошли на охоту'; *čūpūni asáni čo akún?* 'когда ты ходил пасти скот, то что делал?' ... *atísošt jāyki apúrs* ... '... входили и спрашивали дочь ...'; *ištit jām akunóšt, ke avár ī yókay hiss akún* 'они собирали, уносили и где-нибудь делили'; *īsol man maydá óyim, aǰaxim hamróti-pi-m Qúli Worsowút ašáw. Kíšta-mox oy, arūrom-š, ke aūr xirámi amūn, tik anīž du - se rūzi máyni aláks* 'однажды, был я /тогда/ маленький, пошел я со своими спутниками в Кули Ворсовут. У нас был /там/ участник, мы его сжали, потом принесли на гумно и сложили, потом пошли и два-три дня побыли в селении'.

Зависимой парадигме настояще-будущего времени изъявительного наклонения свойственны следующие личные окончания:

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	-om	-im
2-е л.	нулевое окончание	-t (зап. и перех. говоры) -s (вост.)
3-е л.	-t	-or

Примеры: *ax jāxtišt sahári tiráy odámi ī lālī tifórt, nūn tifórt, čoy tifórt* 'он встает и утром трем человекам дает блюдо, дает лепешки, дает чай'; *man sáynomišt ríti-šin mūnom* 'я поднимаю и ставлю перед ними'; *áxtit xoát-šint aǰqót kunóšt xoarór* 'они сами готовят /себе/ пищу и едят'.

Неличные глагольные формы

Причастия прошедшего времени

§ 116. Имеется три формы причастий прошедшего времени. Одна образуется от основы глагола при помощи суффикса *-ta*: *wófta, púrsta, žóyta* и т.д. Вторая представляет собой усеченную форму причастия на *-ta*⁶⁸: *woft, purst, žoyt*. Третья форма образуется от причастия на *-ta* присоеди-

нием к ней суффикса *-gi*, заимствованного из таджикского языка: *woftagí, purstagi, žoytagi*⁶⁹.

§ 117. Некоторые исконно ягнобские глаголы сохранили исторические формы причастий на *-ta*. Список этих глаголов с их причастными формами приводится ниже⁷⁰:

Основа глагола	Основное значение	Причастие прошедшего времени
<i>budúfs-</i>	'липнуть'	<i>budúfta</i>
<i>bujúnč-</i>	'воровать'	<i>bujúšta</i>
<i>vant-</i>	'вязать', 'затворять'	<i>vásta</i>
<i>ves-</i>	'спускаться'	<i>úxta</i>
<i>virín-</i>	'остригать шерсть животного'	<i>viríta</i>
<i>vír-</i>	'находить'	<i>viyórta</i>
<i>wen-</i>	'видеть'	<i>wéta</i>
<i>wīd-</i>	'бросать'	<i>wísta</i>
<i>divár-</i>	'вносить'	<i>díyáta</i>
<i>živár-</i>	'выносить', 'выводить'	<i>žiyáta</i>
<i>yuxs-</i>	'привыкать'	<i>yúxta</i>
<i>kun-</i>	'делать'	<i>íkta</i>
<i>nipíd-</i>	'лежать', 'ложиться спать'	<i>nipísta</i>
<i>nos-</i>	'брать'	<i>nóta</i>
<i>pen-</i>	'открывать'	<i>péta</i>
<i>piráxs-</i>	'оставаться'	<i>piráxta</i>
<i>puxs-</i>	'вариться'	<i>púxta</i>
<i>san-</i>	'подниматься'	<i>sáta</i>
<i>sayn-</i>	'поднимать'	<i>sáyta</i>
<i>suxóy-</i>	'поднимать'	<i>suxásta</i>
<i>tir-</i>	'идти', 'уходить'	<i>tórta</i>
<i>tuxóy-</i>	'убивать'	<i>tuxásta</i>
<i>unxóy-</i>	'ломать', 'разбивать'	<i>unxásta</i>
<i>ūr-</i>	'приносить', 'приводить'	<i>úxta</i>
<i>ūfs-</i>	'спать'	<i>úfta</i>
<i>xirín-</i>	'покупать'	<i>xiríta</i>
<i>xoy-</i>	'молотить'	<i>xasta</i>
<i>šaw-</i>	'идти'	<i>éta</i>
<i>žurós-</i>	'просыпаться'	<i>žuróta</i>

§ 118. Обращают на себя внимание закономерности изменений слогов при образовании причастий от некоторых глаголов. Так, глаголы, оканчивающиеся в основе на *-хоу*, в причастиях прошедшего времени изменяются на *-xasta*, глаголы же, оканчивающиеся на согласные *-л* или *-s*, в формах причастий теряют эти согласные.

§ 119. Причастие на *-ta* может выполнять несколько функций:

1) участвует в образовании форм преждепрошедшего времени перфекта (§§ 97-102);

2) употребляется самостоятельно в предикативной функции независимо от лица, совпадая по значениям с формами перфекта: *čūpūni mox ihta ī wáxte, néki iṣṣi dṣr jógahi nárūpta* 'мы одно время пастушествовали, но в таком далеком месте не косили /траву/'; *nahwóka čo-pó-šint ihta* 'там она приготовила для вас чай'; *pirūnta koy?* 'он продал хлев?'; *ī xar mūrta tat* 'один осел умер здесь'; *mox áwi-pi gab nádihta* 'мы с ним не разговаривали';

3) употребляется в предикативной функции в сочетании с энклитическими местоимениями и формой 3-го лица единственного числа глагольной связки или вспомогательного глагола *vu-*. При этом действующее лицо выражается энклитическим местоимением: *naiš arg ihta-t-x yo na?* 'ты сделал эту работу или нет?'; *mákšay-pi čágdorta-t-x* 'ты поймал /их/ с помощью телят'; *kúti-š xášta-š vúta* 'он, оказывается, свою собаку потащил'; *firūmič ihta-t-xoy* 'я забыл'⁷¹.

§ 120. Причастия прошедшего времени некоторых глаголов употребляются самостоятельно в качестве отглагольных прилагательных: *divár péta mūnt* 'оставьте дверь открытой'; *iš nonipišta vúta-x* 'эта, оказывается, не исписанная' (о тетради).

§ 121. Усеченная форма причастий прошедшего времени, снабженная частицей отрицания, сочетаясь с глаголом *kun-* (при переходных глаголах) или глаголом *vu-* (при глаголах непереходных или переходных, употребленных без логического субъекта действия), образует особую грамматическую форму со значением невозможности осуществления действия: *nážaft kúnomišt* 'я не могу пить'; *nárūpt kuništ* 'ты не можешь

кать'; *mox nážoyt kunimišt* 'мы не можем прочитать'; *be hamrá náed višt* 'без спутника нельзя идти'.

В наших записях не встречаются положительные формы, зафиксированные в отдельных случаях предыдущими исследователями. Вполне возможно, что они окончательно вытеснены сочетанием полной формы инфинитива с модальным словом *tumkín* (см. примеры в § 132).

§ 122. Причастия на *-gi* употребляются в предикативной (самостоятельно или в сочетании со связкой) и атрибутивной функциях: *hámma butún kalxosči vitagi* 'все стали колхозниками'; *hayvonóti-xotír haštót kóyi pūšontagi-mox ast* 'для скота мы построили восемьдесят хлевов'; *Dahána itk vastagi-x-o?* 'В /селении/ Дахана установлен мост, а?'; *Qosim néki šáhri tinj vitagi* 'Касым, однако, в городе хорошо устроился'; *kabýd rūptagi* 'зеленая /трава/ скошена'; *pír vutagi odám-x, ne?* 'он состарившийся человек, нет?'; *nalakstagi odam* 'нигде не бывавший человек'.

Причастие настояще-будущего времени

§ 123. Причастие настояще-будущего времени образуется от основы глагола присоединением к ней неударного суффикса *-na*: *wónna, šáwna, rúbna* и т.д.

§ 124. Причастие настояще-будущего времени глагола со значением делать «делать» образуется от основы *kar-*: *kárna*⁷³.

§ 125. Причастия настояще-будущего времени используются в основном в предикативной функции. При этом они сочетаются с глагольной связкой или со вспомогательным глаголом *vu-* 'быть', 'становиться'. Такие предикативные сочетания чаще всего выражают намерение в настоящем, будущем или в прошлом (в зависимости от временной формы глагольной связки и обстоятельственных слов): *man ī yókay šáwna im* 'я собираюсь пойти в одно место'; *nahiš žántum man rúbna im* 'эту пшеницу я собираюсь жать'; *ax-š tim rúbna xoy* 'он тоже собирался жать'; *čo ark kárna vot?* 'что он собирается делать?'; *čo kárna iš?* 'что ты собираешься делать?'; *man Hišór šáwna býim* 'я собирался поехать в Гиссар'; *tárma tírna vúta iš?* 'ты, оказывается, собрался идти по снежной ла-

вине!'; *man anís či taw púrсна ім* 'я об этом собираюсь спросить тебя'.

§ 126. Значительно реже в таких конструкциях причастия настоящего-будущего времени выступают в роли собственно причастия настоящего времени: *púlla bisyór róyna-x, híčči-pi šug návitišt* 'мальчик большой плакса (букв. очень плачущий), ничем /его/ не успокоить'; *iš xušnǫkt kat rúxsna vant?* 'когда начнут созревать (букв. станут созревающими) /плоды/ на этих кустах барбариса?'.

§ 127. Причастия настоящего-будущего времени в сочетании с формами 3-го лица единственного числа и множественного числа перфекта глагола *vi-*, употребляясь в предикативной функции, часто выражают действие прошедшее (длительное или многократное), известное с чужих слов: *bosmači vúta peštár, vóyna vútor odámti díhna* 'раньше были басмачи, они приходили, говорят, били людей'; *peštár mórtit tim bozí kárna vútor* 'раньше и мужчины, говорят, играли'; *peštár, mūysafétt awóvošt, mehmūni fays-š anáranka naxs xoy. Agár aníd viyóra barísq mehmūn vot, i časmá vúta, rújin nížna vúta-x; kálla várna vúta-x mūpna, čóf-ik nížot anáx mehmūni-xotír aǫqót kárna vúta* 'раньше, рассказывали старики, щедрость /в отношении/ гостя была вот какой хорошей. Если в этот вечер будет гость, достойный угощения, то был источник, /из него/, говорят, выходило масло; нес кувшин, ставил, сколько выйдет, столько для гостя и приготавливал еды'.

§ 128. В «секретной лексике» причастия настоящего-будущего времени субстантивировались и приобрели все свойства существительных (§ 281).

Деепричастия

§ 129. Имеется две формы деепричастий: одна образуется от основы глагола при помощи неударного суффикса *-ki* (*kárki* 'делаю', *róyki* 'плачу'), другая, употребляющаяся значительно реже первой, — при помощи неударного суффикса *-on* (*véson* 'спускаясь', *páron* 'летя').

§ 130. Деепричастия употребляются только в адвербиальной функции: *ke tox gabzanón kárki tírimišt* 'потом мы, беседа, пойдем'; *atíri bozí kárki?* 'ты ушел играя?'; *i odám lánki*

atír ašáǫ piná avú 'один человек, хромая, ушел, скрылся'; *atísim, jógahi nívtrim dasmiró kárki avírim jógah* 'я вошел, не нашел постель, пошарив, нашел постель'; *gar xišóyki díhtiš* 'он говорит невнятно (букв. жуя)' *tu xáški žaf* 'ты выпей залпом (букв. втягивая)'; *tármay páron véson či kúti-dym avésim* 'спускаясь по снежной лавине, я спустился вслед за собакой'.

Инфинитив

§ 131. В ягнобском языке существуют две формы инфинитива: одна из них совпадает с глагольной основой (краткая форма), другая образуется от глагольной основы при помощи суффикса *-ak* (полная форма): *šaw — šáwak* 'идти', 'хождение'; *voj — vówak* 'приходить', 'приход' и т.д.

§ 132. Инфинитив обладает почти всеми признаками имени: он изменяется по падежам, сочетается с энклитическими местоимениями, предлогами и послелогами. Ему, однако, не присуща категория числа.

Обладая именными свойствами, инфинитив может выступать в предложении в функции подлежащего, определения, дополнения и обстоятельства.

Примеры: *be čarǫn láksak tumkín nest* 'без халата ходить нельзя'; *agár xǫr anǫž, be čarǫn tim láksak tumkín* 'если взойдет солнце, то и без халата можно ходить'; *nūni račáki wáxti-š vúta-x* 'наступило время печь хлеб'; *narǫraki-pi náviči* 'не ехать нельзя'; *viyóra kǫ šawíšt rǫraki? — tigób* 'ты вечером куда пойдешь косить /траву/? — в ушелье'; *man i- yókay žóyak šáwomišt* 'я поеду куда-нибудь учиться'; *sántiš-sánaki-š čág-dortiš* 'он поднимается — а во время подъема он /его/ хватает'; *tíraki-š man kasál óyim* 'во время его отъезда я был болен'; *ǫfsaki-š hurrást akún* 'он храпел во сне'.

§ 133. Употребляясь в именной функции, инфинитив в то же время сохраняет глагольные свойства, которые выражаются в том, что он может иметь при себе управляемые им дополнения и обстоятельства. Таким образом возникают развернутые инфинитивные сочетания: *čarǫn ūrak-šind darkór xoy* 'им надо было принести халат'; *tox čáwok gárdaki-mox šáwna vúta išt* 'ты, оказывается, собрался идти, когда мы оттуда

вернемся!'; *da wáxti tūy karáki, agár žúta vot, tūy-mox ī mes davóm tafórči* 'во время празднования, если будет сын, то наш праздник продлится один день'.

§ 134. Сочетание полной или краткой формы инфинитива с глаголом бытия в форме *ast* (3-е л. ед.ч. наст. вр.) или *nes* (при отрицании) обозначает действие, которое совершается в момент речи. Субъект действия при таких сочетаниях бывает выражен либо формой косвенного падежа существительного или местоимения, либо энклитическим местоимением, присоединяемым к инфинитиву: *īmet bórak ast havóy* 'сегодня идет дождь'; *xurúsi qoqoqú káarak ast* 'петух кукарекает'; *man yo časpón róti šaw ast?* 'или я быстро иду?'; *mox čoy káarak ast* 'мы готовим чай'; *kay vówak ast?* 'кто идет?'; *du-tiráy odámi sának ast* 'идут два-три человека'; *xunúki kar ast* 'становится холодно'; *mox xári yáxšak ast?* 'наш осел виднеется?'; *nays kówak-š ast* 'он ковыряет в носу'; *čoy dámi kár-im ast* 'я завариваю чай'; *hárray vi-m ast* 'я падаю'; *hózir kūy šau-t ast?* *hózir maktábi šáw-im ast* 'ты куда сейчас идешь? — я иду сейчас в школу'; *qožúnak-šind ast yo na?* 'Вы пьете /сейчас/ большими глотками или нет?'; *mayda-čuydá nósak-mox ast tírak* 'мы забираем /свои/ пожитки /и/ уходим'.

§ 135. Иногда при таких сочетаниях наблюдается плеонастическое употребление энклитических местоимений: *žówi ruškáray kar-š ast* 'корова жует'; *áwi xápi-pi-š gápi di-š ast tírak* 'он идет и разговаривает сам с собой'; *man bovári kár-im nest* 'я не верю'; *peš-peš kam-š kar-š ast* 'постепенно его становится все меньше и меньше'.

В таких случаях существительное, выражающее субъект действия, нередко употребляется в форме прямого падежа: *ī mergán vówak-š ast či rit* 'один охотник идет впереди'; *hózir mórtit weš rúpak-šind ast* 'сейчас мужчины косят траву'; *mūzób-jiččasti kar-šind ast* 'сапоги скрипят'; *sutúr weš xo ar-š ast* 'баран ест траву'.

§ 136. Сочетание инфинитива с глаголом бытия в форме 3-го лица единственного числа прошедшего времени (*xoy*) обозначает действие, имевшее место в момент совершения другого действия, выраженного формой простого прошедшего

времени: *ašáym Nómitkon, ačórim: ī odám xišifst žaf-š oy, Yórof moy* 'пошел я в Номиткон, увидел /как/ один человек пил /в это время/ молоко, это был Еров'.

§ 137. На наш взгляд, пока нет оснований считать перечисленные выше инфинитивные сочетания формами настоящего и прошедшего определенного времени⁷⁴, ибо эти сочетания имеют еще явно синтаксический характер и вряд ли могут быть отнесены к формообразованию⁷⁵, как, например, формы со вспомогательным глаголом *istodan* в таджикском языке. Можно, однако, допустить, что под влиянием таджикских диалектных форм настоящего определенного времени типа *raftán dorád* 'он идет', *xúrdán dorád* 'он ест'⁷⁶ и т.д. возникли инфинитивные сочетания, близкие к указанным формам, о чем свидетельствуют следующие примеры: *bobí-t čo moy ast?* 'что говорит твой дедушка?'; *rang gumún nížak ast* 'чернила как будто вытекают'; *pódot-im dáxšak ast* 'у меня болят ноги'.

§ 138. Краткая форма инфинитива в косвенном падеже, употребляясь в сочетании с личной формой глагола *vu-* 'делаться', 'становиться', образует предикативный оборот со значением начала действия: *wáfir réxsi vútišt* 'снег начинает идти'; *čoy žávi avú* 'она стала пить чай'; *bozi kári avór* 'они стали играть'; *kam-kam bizúni avú* 'понемногу он стал понимать'; *šumóx tíri vid, man biyóbomišt* 'вы идите — я /вас/ догоню'; *zaifot napád róyi vošt* 'женщины начинают там плакать'.

§ 139. Полная или краткая форма инфинитива сочетается с модальными глаголами *jav-* 'долженствовать' и *ton-* 'мочь', образуя предикативные обороты со значением необходимости или возможности совершения действия: *man méti nipídak nátonomišt* 'я не могу спать днем'; *man bekór láksak nátonomišt* 'я не могу гулять без работы'; *ána, ark kar nátonči* 'вот, /видишь/, он не умеет работать'; *pamadórti op tifár ačáú, piyósi op tifár ačáú* 'нужно было полить помидоры, нужно было полить лук'.

§ 140. Употребляясь вместе с предикативным оборотом *čúdda na*, инфинитив образует сочетание со значением субъективной невозможности совершения действия: *čúdda ná-īm šá-*

wak 'я не могу пойти'; *ax aniš ark gúdda na-x káarak* 'он не может делать эту работу'.

Отрицание при глаголе

§ 141. Отрицание при глаголе выражается главным образом при помощи частицы *na-*, присоединяемой к личным и неличным глагольным формам.

При присоединении частицы *na-* к формам простого прошедшего времени или длительного прошедшего имеют место фонетические изменения, рассмотренные в § 7а.

§ 142. Отрицание при причастии прошедшего времени на *-ta* может быть иногда выражено при помощи неударной частицы *no-*, однако лишь в том случае, если причастие выступает в качестве отглагольного прилагательного (см. § 120).

НАРЕЧИЕ

§ 143. Наречие как самостоятельная часть речи включает в себя немногочисленный разряд слов.

Это объясняется тем, что в ягнобском языке широкое распространение имеет употребление существительных (в прямой и косвенной формах) и прилагательных в функции обстоятельств.

По значениям наречия в ягнобском языке делятся на три группы: обстоятельственные, являющиеся показателями временных, пространственных и причинных отношений; образа действия, обозначающие качество признака или действия; количественные, указывающие на количественные оттенки действия или качества.

§ 144. Наречия времени: *gaštá // gaštáy* 'снова', 'опять'; *hózir* 'сейчас', 'теперь'; *firónta* 'завтра', *piyón* 'вчера', *ámet* 'тогда', 'в тот день', *viyóra* 'вечером', *imet* 'сегодня', *innyr* 'сегодня', *ragohi* 'утром', *tík* 'потом', 'затем', *ke* 'потом', 'затем', *peštár* 'раньше', 'прежде', *áŭsol* 'в прошлом году', *isol* 'в этом году'; *duyumbóra* 'снова', 'опять', *awál* 'сперва', *sóni* 'потом', 'затем', *ynyr* 'сегодня', *firók* 'завтра', *imet* 'однажды', *piyóso* 'в прошлом году', *iyóso* 'в этом году', *čid riti / čiti riti* 'прежде', *asaraka* 'снова', 'опять', *futúmet* 'по-

слезавтра', *futurúmet* 'послезавтра'; *nukfatarúmet* 'на четвертый день', *nuksitiryón* 'три дня назад', *naxké* 'сейчас'; *ger* 'поздно', *kad* 'когда'; *itün, tüní* 'сейчас', 'теперь'.

Примеры: *duyumbóra tík aǰáxim aŭ zoy tík xórkan adí* 'я снова встал и потом еще прополос тот участок'; *firónta xár-mox tifarišt yo na?* 'завтра ты дашь нам /своего/ осла?'; *tík kíšt(a) akúnim áŭso* 'потом мы посеяли в тот год'; *ámet Pullaróut ašáwim* 'тогда я ходил в Пулларовут'; *ka(d) tírišt?* 'когда ты уходишь?'; *innyr nášaymišt, firónta šáyimišt* 'сегодня мы не пойдем, завтра пойдем'; *peštár mána íranka kat návuta* 'раньше вот такого дома не было'; *piyóso aǰáxim ašáŭ rayóni* 'в прошлом году я отправился в район'; *tík sóni aǰórim: tūy bas avú* 'потом я посмотрел: праздник кончился'; *Olím Qúli šawót, ke tíromišt* 'пусть Олим пойдет в Куль, тогда мы уйдем'; *ke sūni avésim, Daŭláti kat anipíd* 'потом я спустился, спал в доме Давлята'; *tu ger avówi* 'ты поздно пришел'; *naxké síhát víta-x* 'теперь он выздоровел'; *kad? - ámet?* 'когда? - тогда'; *atūni jáxomišt aniš ark kunóm* 'сейчас я встану, чтобы сделать эту работу'; *tūni havó xunúk víči* 'теперь похолодает'.

§ 145. Наречия места: *idóka // idókay* 'здесь', 'сюда'; *čidók // čidóka // čidókay* 'отсюда'; *tat* 'здесь', 'сюда'; *wat* 'там', 'туда'; *natát* 'здесь', *nawát* 'там', *na(h)wóka* 'там', 'туда'; *awóka* 'там', 'туда'; *nahidóka* 'здесь'; *táski // natáski* 'сюда'; *wáski // nawáski* 'туда'; *máski* 'сюда'; *mástar* 'сюда', *wástar* 'туда', *kū* 'где', 'куда'; *kúski* 'куда-то'; *sárvik* 'наверх', 'наверху'; *bidŭnvik* 'посредине'.

Примеры: *xišáŭ nawókay apiráxsim* 'ночью я остался там'; *máski voŭ* 'иди сюда'; *mástar voŭ* 'иди сюда'; *tad voŭ* 'иди сюда'; *wástar šaŭ* 'иди туда'; *Sobír kū víta-x?* 'куда делся Собир?'; *čoy nahwóka ǰor* 'посмотри там чай'; *hózir čawóka jáxta-x* 'сейчас он оттуда встал'; *piyón natát xoy* 'вчера он был здесь'; *Dŭmbi ašáwim ī čoy-roy axó ar* 'я пошел в Думб, выпил там чай'; *kúski asán atír* 'он куда-то ушел'; *natáski sántiš?* 'Вы сюда поднимаетесь?'; *īǰom tad, īǰom wat* 'один раз здесь, один раз там'.

§ 146. Наречия образа действия: *ípaŭ* 'так'; *ípirauŭ*, *ápirauŭ* // *napirauŭ* 'так', 'потому'; *yagbóra* 'сразу'; *qatí* 'вместе'; *óstá-óstá* // *óstay-óstay* 'медленно'; 'потихоньку'; *čúkkeši* 'прямо', 'вертикально'; *čukí* 'почему?'; *ču* 'почему'; *ózma-ózma* 'постепенно'; *raftá-raftá* 'постепенно'; *pit* 'так'; *dáraŭ* 'сразу'; *áslo* // *ás* // *ā* 'совершенно', 'вовсе'; *qaytán* 'совершенно', 'абсолютно' (только при отрицательных формах глагола).

Примеры: *man ípaŭ beáql náuŭm*, 'я не так глуп'; *čukí tu násaništ?* – *napirauŭ* 'почему ты не поднимаешься? – так'; *apiréz yagbóra voxurdí níkun* 'он убежал и не поздоровался сразу'; *Muhammádi kátí tox qatí avím čof sóli-sa* 'в доме Мухамеда мы несколько лет были вместе'; *ču alánki?* 'почему ты захромал?'; *apirauŭ dunk-x* 'так, холм'; *tat ípirau yod nánostišt* 'здесь так не выучите'; *xγr pit agárd* 'солнце повернулось так'; *dáraŭ gard níšt* 'сразу возвращайтесь'; *óstá-óstay asá-nim* 'потихоньку я поднялся'.

§ 147. Количественные наречия: *čof* 'сколько?'; *kam-kam* 'немного', *qarib* 'почти'; *bisyór* 'много'; *kam* 'мало'; *butún* 'совсем', *sála* // *sāl* 'немного'; *ī gárdake* 'немного', *xéli* 'очень'; *ī barge* 'немного'; *ipti* 'столько', 'настолько'; *γulú* // *γulí* 'много'; *čihád* 'очень', *ipóra* 'так', 'до такой степени'.

Примеры: *áslo tu andéša nákuŭništ* 'ты совсем не думаешь'; *sāl dγrtár xast* 'немного дальше есть'; *butún ax'arór* 'совсем съели'; *anáx čihád purmaná* 'он очень болтливый'; *qaytán ī odámi náranjūnči* 'совсем не обижает никого'; *ās čor kelo γálla náviči* 'совсем не будет четыре кило зерна'; *ā násata ūm!* 'я вовсе не поднимался /туда/!'; *qarib avūnti* 'вы почти закончили'; *ipóra beh na-x* 'не так уж хорошо!'; *ipóra hamγrí nákuŭ* 'не хитри так'; *ipti jirék náčos* 'не разбрасывай так землю'; *ī gárdake anđim* 'я немного поси- дел'.

§ 148. Как видно из приведенных выше примеров, многие наречия представляют собой заимствованные из таджикского слова и словосочетания, использованные в адвербиальной функции.

Исконно ягнобские обстоятельственные наречия произошли в основном либо из сочетаний косвенных форм указатель-

ных местоимений с существительными (*ámet < aŭ met*; *ínγr < id nγr* и т.д.), либо из сочетаний предлога *či(č-)* с косвенными формами указательных местоимений и существительных (*čawóka < či áwi ókaŭ*).

Сложные наречия *idóke-awóke* 'там и сям', *táski-wáski* 'туда-сюда', *kam-kámi* 'мало', 'понемногу', *γulú-γulú* 'помногу' образовались из сочетания двух простых.

МЕЖДОМЕТИЯ

§ 149. Число междометий в ягнобском языке невелико. По значениям их можно разделить на две группы: междометия, выражающие чувства, и повелительно-побудительные междометия.

§ 150. Междометия, выражающие чувства: *voy* // *e(h)* *vóyi* (выражает горе); *hiy* (выражает испуг); *kix* (выражает отвращение), *oh-ho* (выражает недовольство); *náye* // *ī náye* (выражает недоверие)⁷⁷ *hay-ho* (выражает восторг); *ī* (выражает восторженное удивление); *eh-he* (также выражает восторженное удивление); *háyed ha* (выражает удивление).

§ 151. Повелительно-побудительные междометия:

hoγ, (h) ey, e, o – употребляются, когда зовут людей;

búči-búči – употребляется, когда зовут козу;

biš-biš – употребляется, когда зовут кошку;

kúči-kúči – употребляется, когда зовут собаку;

iš-be – таким возгласом погоняют осла;

boš-be – таким возгласом погоняют быков;

tāk-tāk-tāk – таким возгласом погоняют лошадь;

háyed – употребляется, когда хотят прогнать человека;

ča // *čáyed* – употребляется, когда хотят прогнать козу;

túred – употребляется, когда хотят отогнать собаку;

γáyed – употребляется, когда хотят прогнать барана.

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА

Предлоги

§ 152. Значения предлогов и послелогов выясняются как в связи со значением имен, с которыми они сочетаются, так

и в связи со значениями тех слов, которые при помощи предлогов и послелогов управляют именами⁷⁸.

§ 153. Предложная система ягнобского языка развита слабо⁷⁹. Она состоит всего из пяти предлогов: *či, to //ta, be, par, be ħárzi*.

§ 154. Предлог *či* употребляется в основном с именами в прямом, реже в косвенном падеже, но всегда с косвенными формами местоимений⁸⁰. В записях отмечены следующие случаи его самостоятельного употребления вне сочетания с послелогом:

1) при указании на исходный пункт в пространстве и времени: *či Dahána Símiči amón atír* 'из Даханы он пошел в Симич'; *či Sókan xúdi Kánsi ašáwim* 'из Сокана мы пошли до самого Канси'; *tamóm akunim sínfi čor, či sínfi čóri xūġagíyi qiš-lóq sar avú* 'я окончил четвертый класс, с четвертого класса стал заниматься сельским хозяйством'; *či kūs atiráš* 'он упал с крыши'; *či tak arúpm* 'я жал снизу'; *či panjumi may ašáwim čoy... Leninobót, či Leninobót ašáwim šáhri Kazán* 'с пятого мая я поехал в этот, как его, Ленинабад, из Ленинабада поехал в город Казань';

2) при указании на источник происхождения или приобретения: *man či Márxtimayn im* 'я из Мархтимайна'; *či Bidóni Qul Boboġin xast...* 'из Бидоникуля Бободжон есть...'; *rapirós šaym či magazin úrim hášim nídím* 'пойдем-ка за папиросами, принесем из магазина, посидим, покурим'; *či bozór maydá-čaydá axirínim anós avóŭ* 'я купил и принес с базара разную мелочь'; *ġumáy ħar xiřinta. — či kay?* 'Джума купил осла. — У кого?'; *či Wórsowut írranka odam nest* 'из Ворсовута такого человека нет'; *kaġ (<kad+ =š)nota-x? - Piyón.-Piyón či kay? - či Pitír-Samádi* 'когда он его взял? — Вчера. — Вчера у кого? — у Самада из Питипа';

3) при указании на целое, от которого отделяется часть: *či haždá ġuŧti gówi hózir xast saráy ġuŧti gówi* 'из восемнадцати пар волов теперь осталось три пары волов'; *digár qišlóqi piráxta či duwozdá xoġagí yo či bistupanč xoġagí panč xoġagí* 'в других кишлаках из двенадцати или двадцати пяти хозяйств

осталось пять хозяйств'; *či das du nósomišt ašt piráxsči* 'я отнимаю от десяти два, остается восемь';

4) при указании на источник сравнения: *či háma ax baġay-rát-x* 'он всех ловчее'; *...ġ odám oy, tik či moġ bisyór azób hášta oy* 'был один человек, он больше нас измучился'; *či čidók nah-wád beh* 'там лучше, чем здесь';

5) при указании на объект в следующих выражениях: *man či taw umedvór im* (тадж. *man az tu umedvoram*) 'я надеюсь на тебя'; *či oča-m xavotír im* (тадж. *az oča-m xavotíram*) 'я беспокоюсь за свою мать'.

§ 155. Употребляясь с глаголом *piráxs-* 'оставаться', предлог *či* указывает на отсутствие чего-либо, кого-либо: *mox či radár apiráxsim yoš iyóm* 'когда мы остались без отца, мы были маленькими'; *nusóla saġirá apiráxsim či dodó-yim, nusóla* 'девяти лет я остался без отца, девяти лет'.

О предлоге *či* в составе наречий и наречных выражений см. § 148.

§ 156. Предлог *be* 'без' указывает на отсутствие кого-либо, чего-либо: *be hamrá náed višt* 'без спутника нельзя идти'; *idóka be iġozát ġalla náwitt* 'не сыпьте здесь зерно без разрешения'; *be aŭqót nissta om* 'мы сидим без еды'; *namáki-pi xoarišt yo be namák?* 'ты с солью ешь или без соли?'

§ 157. Предлог *to*, реже *ta*, указывает на предел в пространстве и времени; в этих значениях он всегда сочетается с послелогом *-sa* или *-pi* (см. §§ 195-197)⁸¹.

§ 158. Предлог *par* еще не вышел из употребления⁸². Он используется в следующих функциях:

1) указывает на предел в пространстве: *na par Márxtimayn rástiš, na par Bidév* 'ни до Мархтимайна не дойдешь, ни до Бидева'; *innyr par Márxtimayn arásim* 'сегодня мы дошли до Мархтимайна';

2) в сочетании с послелогом *-něma* или *-taráfi* указывает на направление: *par Buġuri Ĥámpay-něma nazdík vot yo par Ká-šixoni-něma?* 'со стороны Бугури Хампа близко или со стороны Кашихон?'; *tu par Qúli Worsowúti-něma nšawi* 'ты не ходил в сторону Кули Ворсовута?'; *kūmókay-sa atír? — par Worsowúti-němay-sa* 'куда он ушел? — в сторону Ворсовута'; *par Zitti-*

néta yáxštišt 'со стороны Зидди виднеется'; *par dayrby-taráfi* 'в сторону реки';

3) употребляется в ряде фразеологических сочетаний: *róda par róda anipídošt* 'они спали ногами к ногам'; *par ort-š kúntišt?* 'Вы сменяете это на муку?'; *ínyr kat par kat aláksim* 'сегодня я бродил из дома в дом'; *yažnobí par yažnobí ravió-š pažz* 'у ягнобца с ягнобцем хорошее общение'.

§ 159. Предлог *be žárzi* 'кроме' заимствован из окружающих таджикских говоров: *be žárzi Qurbún áxtit hámmaš atirór* 'кроме Курбана все они ушли'.

§ 160. Предлог *pu* 'без', еще встречающийся в текстах М.С. Андреева и Е.М. Пещеревой при глаголе *piráxs-* 'оставаться'⁸³, в современной ягнобской речи не употребляется. М.Н. Боголюбов указывает, что этот предлог был вытеснен таджикским предлогом *be*⁸⁴.

§ 161. В наших текстах наблюдается употребление ряда таджикских предлогов (*ba, bo, dar, az(a), bad az, pas az, ba vositai, ba názdi, nazár < nazar ba, qáddi*). Они встречаются в основном в составе заимствованных таджикских словосочетаний и не принадлежат к грамматической структуре ягнобского языка. Их использование зависит от индивидуальных особенностей речи. В речи бывалых людей, хорошо знающих таджикский язык, можно чаще встретить заимствованные выражения, следовательно, и указанные предлоги в составе этих выражений. Но в ряде случаев отдельные таджикские предлоги уже входят в состав калек, например: *ba maktáp atíšor* (тадж. *ba maktab daromadand*) 'они поступили в школу'; *kolxóz-mox hózir nazár ríti solt xéli taraqqí avú* 'наш колхоз теперь в сравнении с прошлыми годами очень укрепился' (ср. тадж. *nazár ba solhói peš*). И в этих случаях употребление предлогов связанное и также принадлежит пока к индивидуальным речевым особенностям. Эти явления, однако, постепенно прогрессируют, и в ходе дальнейшего развития языка многие таджикские предлоги будут входить в предложную систему языка ягнобцев. Схематически этот путь внедрения таджикских предлогов в грамматическую структуру ягнобского языка можно представить следующим образом: упо-

требление в заимствованных выражениях, употребление в синтаксических калках и, наконец, использование как элемента системы.

Послелоги

Послелоги, употребляющиеся с косвенным падежом существительных

§ 162. *-sa* указывает на направление движения, временной предел, а также на адресат действия: *hózir tírišt xóni-sa?* 'ты пойдешь сейчас на летовку?'; *firónta álbatta šáwišt kantóri-sa* 'завтра обязательно пойдешь в контору'; *dodó-m Hisóri-sa amún atír* 'мой отец ушел в Гиссар'; *ī zimistón buhóri-sa nahwát anídim* 'однажды мы сидели там до вечера'; *man xápi-sa níwof* 'самому мне он не сказал'; *anáwi-sa yozún* 'ему прогнали'.

В редких случаях послелог *-sa* может указывать на место нахождения или пункт во времени, а также выражать целевые отношения: *faqát buhóri-sa kayf* 'только весной блаженство'; *aqubáti-sa apiráyž amón* 'в конце концов она убежала'; *darýni-sa olóŷ olxáš* 'внутри загорелся огонь'; *čoyníki darýn tim axirúni-sa surx vítišt šaut* 'внутренность чайника тоже потом покраснеет'; *yo ízmi-sa tórta-x ax?* 'или за дровами пошел он?'

§ 163. *-ríti* 'перед', 'у', 'к' выражает пространственные отношения (соответствует тадж. предлогу *péši*): *asánim káti-ríti* 'мы поднялись к дому'; *ma-ríti gudár* 'иди ко мне'; *Tabúrovi-ríti ažóyim* 'я учился у Табурова'; *aŷ met ašáwim Burhúni-ríti* 'тот день я пошел к Бурхону'; *žówi-ríti mún* 'положи перед короной'.

§ 163а. *-ríti* 'реже', *-rit* 'по' указывает на объект, поверхность которого является местом действия (соответствует тадж. предлогу *rūi*): *du odámi dášti-rit dawodáw ast* 'два человека бегут по ровному месту'; *ustál anós adíh ustáli-ríti* 'он взял стул /и/ ударил /им/ по столу'.

Послелог *-ríti* возник из существительного *rit* в значении «передняя часть», а *-ríti* из *rit* в значении «лицо». Таким

образом, *-riti₁* и *-riti₂* — это омонимы, этимологически связанные с разными значениями одного слова.

§ 164. *-nūt* ‘в’, *i* ‘внутри’ выражает пространственные отношения: *awál ustóyi ūrimišt káti-nūt* ‘сначала приводим мастера в дом’; *asuxóy-š sandúqi-nūt apartóŭ* ‘поднял ее, бросил в сундук’; *kartušká anósim satli-nūt apartóŭ* ‘я взял картошку, бросил ее в ведро’; *ǰalla awídím túri-nūt* ‘я ссыпал зерно в мельничный ящик’.

§ 165. *-táki* ‘под’ выражает пространственные отношения: *tármaŷ-táki apiráxsim...* ‘мы остались под лавиной...’; *asánim ǰar, šáxi-táki avés* ‘я поднялся на гору, спустился под скалу...’; *ragah Sobir ixi-taki tamom vuta* ‘на следующий день Собрив скончался подо льдом’.

§ 166. *-darŭni* // *-darŷni* ‘внутри’, ‘внутри’, ‘в’ выражает пространственные отношения (ср. тадж. предлог *darŭni*): *it káti-darŭni aft odám(i) iyór* ‘в этом доме было семь человек’; *peštár hámma ǰám avóšt ŷ káti-darŭni* ‘раньше все собирались в одном доме’; *sandúqi-darŷni xoy, ná-š-anosi?* ‘внутри сундука было, не взял?’; *Dehbalánd nówi-darŭni xast* ‘Дехбаланд внутри лошины’.

§ 167. *-čintir* — синоним послелога *-darŭni* употребляется только в языке фольклора: *xarbŭza arŷxs nah xŭnay-čintir* ‘дыня созрела внутри той комнаты’.

§ 168. *xotír* ‘для’, ‘ради’, ‘из-за’ выражает причинные и целевые отношения: *man momŷ-xotír-im sallát(a) axirŷnim* ‘я купил для своей бабушки платок’; *man ark kunomišt hukumáti-xotír* ‘я работаю для государства’; *áwi-xotír róyta oy* ‘из-за него он плакал’; *táŷ-xotir avím ǰang akŭn* ‘из-за тебя я подрался’; *ǰállay-xotír nášawišt-o?* ‘ты не пойдешь за зерном, а?’; *šumó(x)-xotír op aŷr* ‘он принес для Вас воду?’.

Отмеченный в текстах М.С. Андреева и Е.М. Пещеревой вариант *-xotíri* (стр. 361) в наших записях не встречается.

§ 169. *-báxša* // *-baxšá* ‘за’, ‘для’, ‘ради’, ‘из-за’ является синонимом послелога *-xotír* (§ 168): *man ǰnǰr yo firók tigób izmi-báxša šáwomišt* ‘я сегодня или завтра пойду в ущелье за дровами’; *nahŷti-baxš(a) hayrŷn naháx piráxtor* ‘из-

за этого они так удивились’; *karasini-báxš(a) avésim* ‘я спустился за керосином’; *man šumóx-baxšá lampá asénim* ‘я принес для Вас керосин’; *man-baxšá xar ǰám kunt* ‘соберите для меня ослон’.

§ 170. *-mánta* (зап.), *-méta* (вост. и перех. говоры) ‘подобно’, ‘как’ указывает на сходство, подобие, сравнение: *hičči méti-mánta širtn nest* ‘ничего нет приятнее дня’; *iš xórtišt ǰówi-mánta* ‘он ест, как корова’; *moǰ rot šumóŷ-mánta dŷr na-x* ‘наш путь не так далек, как ваш’; *ax dodóy-méta-x* ‘он как отец’; *man-méta kátta-x* ‘он такой большой, как я’.

§ 171. *-yow* (зап.) — синоним послелога *-mánta*: *méxki-yow ŷm* ‘я крепок, как гвоздь’; *xápi-yoŷ-š maydá* ‘как сам он, маленький’; *rank-š ximiči-yoŷ-x* ‘его чернила, как химические чернила’; *ax balánd ǰári-yoŷ* ‘он высокий, как гора’; *man kat šumóx káti-yoŷ kátta xast* ‘мой дом, подобно вашему, большой’.

§ 172. *-ránka* // *ráangi* указывает на сходство, подобие: *ašáu šumóŷ-rangi odámi-riti* ‘он пошел к человеку, как вы’; *man áwi-ranka kátta ŷm* ‘я, как он, большой’; *iš weš víǰnay-ránka súčči* ‘эта трава, как «вигна», жжет’.

§ 173. *-dódi* указывает на сравнение: *man taw-dódi árki ǰúdda náŷm?* ‘разве/ я не могу работать, как ты?’; *man taw-dódi rot šáwi ǰúdda náŷm* ‘я не могу ходить пешком, как ты’.

§ 174. *-divári* ‘возле’, ‘у’, ‘около’ выражает пространственные отношения: *káti-divári anidošt* ‘они сидели возле дома’; *darvozáy-divári aúštim* ‘я остановился у ворот’.

§ 175. *-bidóni* // *bidŭni* ‘посреди’, ‘посредине’ выражает пространственные отношения: *xirs avés qutáni-bidóni* ‘медведь забрался посреди загона’; *moǰ maŷn du dayróy-bidóni piráxta-x* ‘наше селение оказалось посреди двух рек’; *zóyi-bidóni avés* ‘он спустился на середину земельного участка’; *devoli-biduni oy* ‘он находился посреди стены’.

§ 176. *-kŷni* ‘под’, ‘у’ указывает на нахождение у основания или на направление к основанию чего-нибудь: *ŷ arčáyi-kŷni atšsim* ‘вошли под одну арку’.

§ 177. *-daráy* ‘внутри’, ‘в’ выражает пространственные отношения, употребляется редко: *ašáu ǰóri-daráy rŷst avú* ‘она пошла и спряталась в пещере’.

§ 178. *-dým, -dum// -dými, -dúmi* 'вслед за', 'за' выражает пространственные отношения: *man bekóra gápti-dými ná-dawomišt* 'я не бегаю за пустыми словами'.

Послелог *-dum* употребляется чаще в сочетании с предлогом *či* (§ 198).

§ 179. *-sitámi* 'позади', 'за' выражает пространственные отношения: *divári-sitámi aúšt dod awón* 'он стал за дверью и завопил'; *áūtiti káti-sitámi boj ast* 'позади этого дома есть сад'; *man káti-sitámi i ovóz asán* 'позади моего дома раздался голос'.

§ 180. *-lápi* 'около', 'у края чего-либо' выражает пространственные отношения: *Maḥmúdi inč xáni-lápi nísta-x birinč sinóyak-š ast* 'жена Махмуда сидит на берегу ручья и промывает рис'.

§ 181. *-rúgah // -rúgay* указывает на нахождение на поверхности или на движение по поверхности чего-либо: *sutúni-rúgah piráxta-x* 'он остался на середине колонны'; *tármay-rúgah anž atir* 'он пошел по снежной лавине'; *naháwi-rúgah amón* 'он положил на него'; *mošini-rúgah avésti?* 'на машине приехали?'.

§ 182. *-tórki*, указывает на нахождение наверху или на движение наверх: *anáwi-tórki-x* 'он наверху его'.

§ 183. *-piyóra* 'для' — синоним послелогов *-báxša, -xotir*, употребляется лишь в речи старшего поколения: *ziréki-t man tifár, man-piyóra úštót* 'отдай мне свою куропатку, пусть она будет для меня'.

§ 184. *-biqíni* 'рядом с', 'возле': *šoftri-biqíni anídim* 'я сел рядом с шофером'.

§ 185. *-qábati* — синоним послелога *-biqíni*: *man taw-qabati nídomist* 'я сяду возле тебя'.

Послелог, употребляющиеся с косвенным и прямым падежами существительных

§ 186. Как правило, все рассматриваемые ниже послелог с формой прямого падежа употребляются гораздо реже, чем с формой косвенного.

§ 187. *-vik (-vig)* указывает на нахождение на поверхности или на движение по поверхности чего-либо, а также на направление действия: *id viyóra žárti-vik qiráv ikta* 'этим вечером на горах появилась пороша'; *i odám dayró-vik agudár i kúti-pi* 'один человек по реке перешел с собакой'; *xúddi Anzož žári-vik tírimišt* 'я пойду до самого Анзобского перевала'; *libós-im bisyór tank-x qistí kúntišt, badáni-vik-im budúfstišt* 'моя одежда узкая, жмет, прилипает к телу'; *itki-vik gudórči* 'он идет по мосту'; *vosk-vik šaŭ* 'иди по меже'; *xúni-vik žort* 'посмотрите на летовку'.

§ 188. *-sári* 'на', 'наверху', 'по' указывает на нахождение вверху, на поверхности чего-либо или на движение по поверхности или на поверхность чего-либо: *tiráy odám(i) iyóm, ašawim sánki-sári aníd* 'нас было три человека, пошли и сели на камень'; *aká šox-sári kat ikta* 'сорока свила на скале гнездо'; *kūs-sári anídim...* 'сели мы на крыше'; *ragohi čáwi hay akuním avóŭ, Namozgáhi-sári anipíd* 'на следующий день мы оттуда погнались скот, пришли и переночевали на /местности/ Намозга'; *ke aŭaxór kūš-sári asán* 'потом встали, поднялись на крышу'; *kóyi-sári apartóŭ* 'он бросил /это/ на хлев'.

§ 189. *-pi* очень употребительный послелог, служащий для выражения:

а) совместности: *bobóyi-pi-m čūrūni ašawim* 'я пошел со своим дедушкой пастушествовать'; *mox piyóda asánim, móli-pi* 'мы пешком поднялись, со скотом'; *káy-pi iyót?* 'с кем вы были?'; *man raísi-pi asánim* 'я поднялся с председателем';

б) орудийности, способа действий: *har zimistón uxš avd ohú čak doróšt, kúti-pi, militiqi-pi duhóšt* 'каждую зиму ловят по шесть-семь серн собакой, убивают из ружья'; *kalón xá-gi-pi yagráh kup* 'отправь с большим ослом'; *mox dýrbíni-pi či Šáxsara avénom* 'мы видели в бинокль из /селения/ Шахсара'; *nórta-pi rúromišt* 'я жну по норме'; *lóyi-pi devól kunimišt* 'мы строим стену из глины';

в) явления или состояния, которыми сопровождается действие (как правило, с прямым падежом): *ax šodí-pi amón*

atír 'он ушел довольный'; *irranka-pi modár-k amír, či modár apiráxsim* 'вот, как умерла мать, остались мы без матери';

г) объекта действия при предикативных оборотах состояния: *móx-pi maalím qahrí avú* 'учитель на нас рассердился'; *mardúm kitóbi xirínaki-pi ovorá or* 'люди заняты покупкой книг'; *odámti-pi mašxúl víta-x* 'он занялся людьми';

д) адресата действия при глаголе *tifár-* 'давать': *pašm šiš ton, xūr, tifárimišt mox davláti-pi* 'шерсти мы, так, тонн шесть сдаем государству'.

Составные послелого

§ 190. *-rítisa* (< *-riti* + *-sa*) выражает направление действия к кому-либо, чему-либо: *raisi-rítisa agudár Boqí* 'к председателю пошел Боки'.

§ 191. *-rítivik* (< *-riti* + *-vik*) — синоним послелога *-rítisa*: *atísim ašáú kištagaróti-rítivik* 'мы вошли к земледельцам'.

§ 192. *-sárisa* (< *-sári* + *-sa*) выражает направление действия на поверхность чего-либо: *porú či káti zóti-sárisa avárim* 'удобрение мы из дому вынесли на пашни'; *járí-sárisa yagráh akún* 'он послал на гору'.

§ 193. *-sárivik* (< *-sári* + *-vik*) — синоним послелога *-sárisa*: *ix-sárivik ašáym tárma avés* 'пошли по льду, спустились к (участку) Тарма'; *jar-sárivik hárra avú avés atír* 'она сорвалась и покатила по горе';

§ 194. *-tákisa* (< *-táki* + *-sa*) выражает местонахождение под чем-либо: *naháwi-tákisa-š kištgáh* 'под тем находится посеv'.

Совместное употребление предлогов и послелогов

§ 195. Предлоги *to//ta* и *či* часто употребляются совместно с послелогом, выражая различные отношения в зависимости от значения послелогов.

§ 196. *to...-sa* (*ta...-sa*) выражает предельность в пространстве, времени и количестве: *ta Xónisari-sa asánim* 'я поднялся до Хонисар'; *to Ánzowi-sa* 'до Анзоба'; *to siyúmi-sa* 'до тридцатого'; *peštár misól har ī méni haždá, bist, to sī júfti gówi-sa oy* 'раньше, например, в каждом селении было

восемнадцать, двадцать, до тридцати пар волов'; *to Navobódi-sa qatí šáútišt-o?* 'до Навобода Вы пойдете вместе?'; *to xúni-sa salqín-x* 'до летовки прохладно /идти/'; *tírma to bahóri-sa mán vítišt* 'осенью до весны он закрывается (о перевале)';

§ 197. *to...-pi* (употребляется редко) указывает на предельность в пространстве: *wafr to bidovánka-pi* 'снегу до пояса'.

§ 198. *či...-dum* 'вслед за': *či kúti-dum avésim* 'мы спустились вслед за собакой'.

§ 199. *či...-darpá* 'вслед за': *či mox-darpá ašawór* 'они пошли вслед за нами'.

§ 199a. *či...-riti* 'до', 'раньше (чего-либо)': *či níspi to-bistúni-ríti nínžošt* 'раньше середины лета не выходили';

š-id-ríti 'до этого'; *či-revalúsiyay-ríti* 'до революции'.

§ 200. *či...-táski* указывает на приближение или нахождение ближе к чему-либо: *Samarqándi-sa samalóti-pi avó-wim, či Samarqánd Ánzowi-sa mošini-pi, či Ánzou-táski piyóda* 'в Самарканд я прибыл на самолете, из Самарканда в Анзоб на машине, от Анзоба пешком'.

§ 201. *či...-wáski* указывает на удаление от чего-нибудь, нахождение снаружи или в стороне от чего-нибудь, а также временную последовательность: *č-áw-wáski-š kalxósi birgát avím* 'после того я стал бригадиром в колхозе'; *man či Márxtimayn-wáski náveta-x* 'я дальше Марэтимайна /ничего/ не видел'; *či Dúmzoj-wáski* 'в сторону от Думзоя'.

§ 202. *či...-séči* указывает на нахождение или движение лица или предмета выше чего-либо: *warf xúdi bidovánka-séči* 'снег выше пояса'; *či Zumzumá-séči asánim* 'мы поднялись выше Зумзумы'; *č-áwi hay akuním asán či rayón-séči aniríd* 'оттуда мы погнажи, поднялись, заночевали выше райцентра'.

§ 203. *či...-núči* указывает на нахождение или движение лица (предмета) ниже чего-либо: *na či Navobód-núči odám pépiraxs* 'ниже Новабада не осталось людей'; *či xan-núči ná-gūr* 'ниже ручья не жни'; *či xan-núči iyóm* 'мы были внизу от

ручья'; *óziray-ríti čoyxūna xast, čī rod-nūci* 'перед озером есть чайхана, вниз от дороги'.

§ 204. Послелогои *-sēči* и *-nūči*, образовавшиеся из соответствующих наречий, требуют прямого падежа и самостоятельно, вне сочетания с предлогом, не употребляются.

Синонимия послелогов

§ 205. Одни и те же отношения могут выражаться различными послелогоми или сочетаниями предлогов с послелогоми, что приводит к синонимии.

Синонимия послелогов в ягнобском языке имеет широкое распространение. Одной из причин этого является влияние предложно-послеложной системы таджикского языка. Синонимия возникает не только за счет пополнения послеложного и, в меньшей степени, предложного инвентаря, но и в результате типологического приспособления имеющихся грамматических средств к соответствующим средствам окружающих говоров таджикского языка.

Характер синонимии бывает различным. Встречаются случаи, когда послелогои заменяют друг друга, не внося дополнительных оттенков в значение. Это относится прежде всего к послелогом *-xotír* и *-báxša* (§§ 168-169). Полная синонимия указанных послелогов хорошо прослеживается на следующем примере: *akó-t kū-x? - Dušambé. - čoy-báxša ašáū? - žállay-xotír* 'где твой брат? — в Душанбе. — для чего он пошел /туда/? — за зерном'.

Аналогичные синонимические отношения, по-видимому, имели место и между послелогоми *-darūni* и *-čintir*. В результате этого послелог *-čintir* был вытеснен из обиходной речи и остался пока в языке фольклора.

Чаще, однако, послелогои являются синонимами не во всех присущих им значениях, а лишь в некоторых. Так, *-sa* и *-vik* являются синонимами, лишь когда указывают на направление действия; *-sa* и *-pi* выступают в качестве синонимов, когда они указывают на адресат действия (§§ 162, 189). Синонимия наблюдается также между послелогоми *-sári*, *ri*, *vik* и *-sárivik* (§§ 187, 188, 193), между сочетаниями *to...*

-pi и *to...-sa* (§§ 196-197) при передаче пространственных отношений.

До сих пор мы рассматривали такие случаи синонимии, в которых замена одного синонима другим в общем не вносила никаких дополнительных оттенков в передаваемое значение. Однако часто синонимия бывает неполной, т.е. выражаемая в принципе одни и те же отношения, послелогои различаются между собой оттенками значений.

Так, послелогои *-darūni* и *-nūt* используются для выражения направления внутрь чего-нибудь, однако *-nūt* употребляется лишь при глаголах, выражающих действие, направленное сверху вниз.

При возможности полной взаимозамены предлогов и послелогов активно развивается процесс вытеснения одних инвентарных единиц другими (так было с предлогами *be* и *pu*, послелогоми *-darūni* и *-čintir*).

При частичной же синонимии наблюдается тенденция к сохранению инвентарных единиц. Отсюда понятно, почему, например, послелог *-nūt*, несмотря на наличие других послелогов-синонимов (*-čintir*, *-darūni*, *-daráy*), занимает прочное положение в послеложной системе ягнобского языка.

Морфологическая классификация послелогов

§ 206. По происхождению все послелогои могут быть разделены на простые, или первообразные, отыменные и наречные. Простых послелогов всего четыре: *-sa*, *-vik*, *-pi*, *-nūt*.

Самые многочисленные — это отыменные послелогои: *-ríti₁*, *ríti₂*, *-táki*, *-sári*, *-darūni*, *-xotír*, *-báxša*, *-divári*, *-bidóni*, *-kúni*, *-daráy*, *-dum* // *dúmi*, *-sitám*, *-lápi* и т.д.

Наречные послелогои *-sēči*, *-nūči*, *-wáski*, *-táski*, *-darpá* употребляются только в сочетаниях с предлогом *či*.

Выделяется также небольшая группа составных послелогов, представляющих собой сращения отыменных и основных послелогов: *-sárivik*, *sárisa*, *-rítisa*, *-rítivik*, *-tákisa* (§§ 190-194).

Таджикские послелогии в составе заимствованных выражений

§ 207. В составе выражений, заимствованных из таджикского языка, встречаются послелогии, еще не вошедшие в грамматическую систему языка ягнобцев. Употребление этих послелогов, так же как и таджикских предлогов (§ 161), зависит от индивидуальных речевых особенностей: *xūr-š*, *magár yagón du tox-pas besadiržáni opruská nósom* 'ладно, я должен буду через месяца два взять отпуск без содержания'; *bad az haft ruz-bad ašáwim* 'через семь дней я пошел'; *čūrūni ašáwim viróti-m-qatí* 'я пошел пастушествовать вместе с младшим братом'.

СОЮЗЫ

Сочинительные союзы

§ 208. *-at* (*-t* после гласных) 'и' — энклитический соединительный союз, употребляющийся только для связи однородных членов предложения, выраженных существительными: *xo árimišt-u gaštá i-du móli kušóšt-u óš-at šurbó kunóšt tifarór xálqi* 'мы едим /это/, и опять режут пару мелкого скота и готовят плов и суп /и/ дают людям'; *vir-at inči róyak ou* 'муж и жена плакали';

Fálğar-ad Yágnob asosi láf-šin i-x gumún 'в Фальгаре и Ягнобе в основном, наверное, одна речь'; *man xár-im séb-at šaftolú vor kun* 'погрузи на моего осла яблоки и персики'; *soxūy nos, xów-ad mól-it čak* 'возьми согу*, подои корову и коз'; *néki hózir daftár-at qalám ná-m-nòta* 'но я еще не достал тетрадь и ручку'.

§ 209. *tim* 'и', 'также', 'тоже' — очень употребительный соединительный союз (соответствует таджикскому *ham* 'и', 'также', 'тоже'): *sári kalxós tim byd akún* 'и верхний колхоз тоже выполнил /план/'; *mána móhi sentábr tim avú* 'вот и сентябрь месяц наступил'; *xo at tim ažávi-o?* 'сам ты

* Деревянное ведро для воды или молока.

тоже выпил, а?'; *man žúta tim xoy* 'у меня и сын был'; *man tim nipíd adužúšim* 'и я так слышал'; *šumóx tim čūrūn iyót?* 'вы тоже были пастухом?'; *díndak-šin tim fúrt-or* 'у них и зубы выпали'.

§ 210. *tim...tim* 'и... и' — соединительный парный союз, связывающий однородные члены предложения, а также целые предложения: *«tort» tim mumkín ásti*, *«furt» tim mumkín* '«торт» можно /сказать/, и «фурт» можно /сказать/'.

§ 211. *-u* 'и', 'а' — соединительно-противительный энклитический союз, заимствованный из таджикского; он связывает как однородные члены предложения, так и целые предложения; в последней функции полностью вытеснил исконно ягнобский союз *-at* (§ 208), употребляется, однако, сравнительно редко: *tox tim apiréžim-u Masčó ašáú* 'мы тоже убежали и ушли в Матчу'; *nahít karáti harakát-šint ást-u rapjó prasént bóyad vot to siyúmi-sa* 'на этот раз они стараются, и до тридцатого должно быть пятьдесят процентов'; *ažaxim-u čóy-sa avés atír... Ğisóri-sa* 'я взял и поехал в этот, как его, в Гиссар'; *tufór žúta-š-x-u du-š-x jayk* 'у него четвере сына и две дочери'.

§ 212. *néki* 'но' — широко употребительный противительный союз, заимствованный из окружающих таджикских говоров (лит. тадж. *lékin*): *néki rogíza nárūptišt* 'но он не жнет чисто'; *xysnǰk púxta-x, néki tíšpa-x* 'барбарис поспел, но кислый'; *néki zimistóni awóke bisyór šikór kunóšt* 'но зимой там много охотятся'.

§ 213. *yo* 'или' — разделительный союз, заимствованный из таджикского: *byd avú yo na?* 'готово или нет?'; *hózir waxt beh, bobó, yo peštárik?* 'теперешнее время лучше, девушка, или прежде?'; *juvóli sar avánti yo na?* 'вы завязали мешок или нет?'.

§ 214. *ham...ham* 'и...и', 'как...так и' — соединительный парный союз, заимствованный из таджикского: *ham ustó, ham dork-š nažz or* 'и мастер, и его древесина хороши'; *ham xo át-im axórim, ham virót-im* 'и сам я ел, и мой младший брат'; *ham xar ást-u ham mošin bisyór, mošin kun dar kun či Lenino-*

bót Dušambéy-sa 'и осел есть и машин много, машины одна за другой от Ленинабада до Душанбе'.

§ 215. *na...na* 'ни...ни' – соединительный парный союз, заимствованный из таджикского: *na xšar qarór iyóm, na mes qarór iyóm* 'ни ночью нам не было покоя, ни днем не было покоя'.

Подчинительные союзы

§ 216. *-k(-ik)* – универсальный энклитический союз, вводящий различные придаточные предложения, чаще всего условные, временные и причины; соответствует таджикскому союзу *ki*, когда тот употребляется в середине придаточного предложения⁸⁵.

Союз *-k(-ik)* может присоединяться к любому члену предложения, но при наличии отрицательных форм глагола обязательно помещается после частицы *na-*.

Примеры: *či darʻn gugirt-k anósim atísim* 'после того как я взял внутри /дома/ спички, я вошел'; *ná-k-tisfaránt, naʻz návutišt* 'если не дадут, будет нехорошо'; *ná-k-tisfarót, čo foidá-š ast* 'коли он не даст, то какая от этого польза?'; *kū-k ašawóm, sutúr akúš* 'куда бы мы ни пошли, везде резали барана'; *ke axiš čov odámi-k or, anáŋ met-k čof čágdorant ke hiss kunóšt* 'вообще, сколько людей ни есть, сколько в тот день ни поймают, потом делят...'; *alulú adó-k avú jašóšt šawór* 'как только кончилась погоня, они идут/туда/'; *ními šaw vítišt-k jašóšt raakí vor* 'когда наступает полночь, они встают и собираются уходить'; *sahár-k aʻjaxóm, adír-ti-vig aláks* 'когда утром встали, погуляли по холмам'; *čóf-ik avú, nósimišt* 'сколько ни получится, мы возьмем'; *ná-k-avūnošt tīk xoát-im arʻpromišt* 'если бы они не кончили, я бы еще сам жал'; *uxš túxmi-š-k adíhim akafūn, darūn-šin čūjót* 'как только я расколот шесть яиц, /так увидел:/ и внутри их птенцы'.

§ 217. *agár* 'если' – подчинительный союз, заимствованный из таджикского; употребляется в условных придаточных предложениях, где может ставиться в начале, середине или, гораздо реже, в конце предложения.

Примеры: *agár xar nívīrim xoat nátfarišt?* 'если я не найду осла, /то/ ты не дашь?'; *bīstu nuhúm agár tiróm, náfatomišt* 'если я пойду двадцать девятого, /то/ я не успею'; *agár anáŋ met agár ī odám xoāš tim čágdorot hámmay-pi-š hiss kar ʻajūt* 'если в тот день один человек сам поймает, он должен со всеми поделиться'; *agár divári anīžimišt aláks, ʻarm avīrimišt* 'если бы мы вышли наружу и погуляли, мы бы согрелись'; *jógah-mox bīm-x: warf agár bisyór dihót, tárma véšči* 'наше место опасное: если насыпет много снега, то спускается снежная лавина'; *hárra aví agár, irranka nákun* 'если ты свалился, то не делай так'.

§ 218. *to //ta* 'пока' – заимствован из таджикского, употребляется во временных придаточных предложениях: *ta nášaym, náviči* 'пока не пойдем, не получится'; *to xʻr parayšūn vítišt man mūnomišt sanóm* 'пока совсем взойдет солнце, я /уже/ поднимаюсь'; *ta fotihá-š kúntišt ya sol gudórtišt* 'пока ты ее выдашь замуж, пройдет год'; *mána bóyad véšot ta rasót* 'вот он должен спускаться, пока доберется'.

§ 219. *aní* – союз, вводящий прямую речь; употребляется только после глагола *wov-* 'говорить': *fayróš-š akún: ey, Šukrullo, tu kū šawišt?* – *awóv aní: man ósirim* 'он позвал его: «Ей, Шукрулло, ты куда идешь?» – Он сказал: «Я замерз»'; *ax awóv aní: čoy taráq-taráq ast?* 'он сказал: «Что за стук?»'.

§ 220. *wáxtek* (< *wáxte+k*) 'когда' (ср. тадж. *váxte ki* 'когда'), *bádek* (< *bade+k*) 'после того как' (ср. тадж. *bade ki* 'после того как'), *awálek* (< *awale+k*) 'как только' (ср. тадж. *avále ki* 'как только') – союзы, вводящие придаточные предложения времени; очевидно, являются полукальками соответствующих таджикских союзов.

Примеры: *wáxtek či róyiz avésom, ašawóm čoxūnay aníd* 'когда я слез с поезда, я пошел посидел в чайхане'; *wáxtek du mési agudár, tī sohíbi duxtár odámti jašči káti-š vorči* 'когда прошло два дня, потом отец невесты приглашает и приводит людей в свой дом'; *bádek vówot, man piráxsoništ* 'после того как он придет, я останусь'; *awálek aʻjaxim, awénim kūsi-lápi níssta* 'как только я встал, то увидел: он сидит на краю крыши'.

§ 221. В речи некоторых ягнобцев иногда встречаются другие таджикские союзы, не отмеченные выше (например, *hamín ki* 'как только', *pas az ónki* 'после того как', *čúnki* 'потому что' и т.д.). Эти союзы, однако, аналогично ряду предлогов и послелогов (§§ 161, 207) нельзя пока включать в грамматическую систему ягнобского языка.

ЧАСТИЦЫ

§ 222. По значениям частицы, употребляемые в ягнобском языке, можно разделить на следующие группы:

1. Утвердительные: *ho // ha* 'да', *oho-ho-ho!* 'да, да, да!'; *oxía* 'а как же', 'конечно'; *Uróteba arzoní? - ha, arzoní* 'в Ура-тубе все дешево? — да, дешево'; *piyós xast? — oxía* 'лук есть? — а как же':

2. Отрицательные: *na* 'нет', *naye* 'нет же', *ne* 'нет': *áspi vóga návíšt? — na* 'ты не сядешь на лошадь? — нет'; *weš nágvīšít? — ne, ne* 'ты не будешь косить траву? — нет, нет'.

3. Указательные: *ma // mána* 'вот'; *hóyla* 'вон' (употребляется при ответе): *ma, kitópt nost, akó!* 'вот, возьмите книги, брат!'.
4. Определительные: *ána* 'так', 'так вот': *ána tox davrá nahíranka xoy* 'так вот, наше время было такое'; *ána čo wom?* 'так что мне сказать?'; *ána, ark kar nátonči* 'так вот, он не умеет работать'.

5. Вопросительные: *-(y)o, -(y)a, ané: nášawomišt-o?* 'не пойду, а?'; *farbí vúta-x-o?* 'он стал жирным, а?'; *nígvīvi-yo?* 'ты не знал, а?'; *kūmókay, Dušambé-o?* 'где, в Душанбе?'; *dumóč xoy-a?* 'у него был зять, а?'; *čof-a* 'сколько, а?'; *ané, xolák?* 'не так ли, дядя?'.
6. Усилительные: *e, -e, o, -o, oxí, -k: yód-im-x-e* 'я же помню'; *ax zūr-e* 'он же сильный!'; *durūg návov-e!* 'да не ври же!'; *xóat-šint séči odám oxí* 'сам ведь он хороший человек'; *o, opirbalíti-ríti magazin!* 'да ведь перед театром оперы и балета магазин!'; *ípa zūr-xo!* 'он ведь такой сильный!'; *e, ví-gót-im avów-e* 'да ведь мой младший брат пришел!'; *e, íti žog-e!* 'да посмотри же на него!'; *ná-k-awófti* 'Вы же не ска-

зали!'; *vóyta-k-or!* 'они же прибыли!'; *mána arūpim-š-k* 'вот сжал же!'; *avés-k-atír!* 'он же ушел!'.
§ 223. В функции побудительной частицы при глагольных формах повелительного наклонения и настояще-будущего времени сослагательного наклонения употребляется слово *íjom* (< *ī* 'один' + *jom* 'раз'): *íjom tifár vóga-m vom* 'ну-ка, дай-ка я сяду верхом'; *íjom gvrom* 'ну-ка, дай-ка я пожну'.
§ 224. В роли ограничительной частицы иногда выступают числительное *ī* 'один' и местоимение *áni* 'другой': *ī xóat-im apiráxsim* 'остался только я сам'; *áni nívīrim* 'больше я не нашел'.

Модальные слова

§ 225. В ягнобской речи помимо частиц употребляется также группа слов, утративших свое конкретное лексическое значение и функционирующих как средство описательного выражения модальности. К этой группе относятся следующие слова:

1) *xa // xay // xayr* 'ладно', 'ладно уж', 'ну так вот': *xa, ašáwim, ke* 'ладно, когда пойдем, тогда /сделаем/'; *xay, mo(x) xullás ark akuním* 'ну так вот, короче говоря, мы поработали'; *čo kuním, xay, nahíš/zindagi* 'что делать, ладно уж, такова жизнь';

2) *máyliš* 'ладно': *máyliš, zalár-š nest* 'ладно, не беда';

3) *naxót ané* 'неужели' (при недоверчивом отношении к высказыванию собеседника);

4) *kóški, zóro* 'хоть бы' (см. § 106);

5) *magár, magám, gumón* (см. § 106).

СИНТАКСИС ПРЕДЛОЖЕНИЯ

ПРОСТОЕ РАСПРОСТРАНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Подлежащее

§ 226. Подлежащее может быть выражено существительным в форме прямого падежа, субстантивированным прилагательным, местоимением, количественным числительным, инфинитивом, а также в редких случаях энклитическим местоимением (см. § 64).

§ 221. В речи некоторых ягнобцев иногда встречаются другие таджикские союзы, не отмеченные выше (например, *hamín ki* 'как только', *pas az ónki* 'после того как', *čúnki* 'потому что' и т.д.). Эти союзы, однако, аналогично ряду предлогов и послелогов (§§ 161, 207) нельзя пока включать в грамматическую систему ягнобского языка.

ЧАСТИЦЫ

§ 222. По значениям частицы, употребляемые в ягнобском языке, можно разделить на следующие группы:

1. Утвердительные: *ho* // *ha* 'да', *oho-ho-ho!* 'да, да, да!'; *oxía* 'а как же', 'конечно'; *Uróteba arzoni?* - *ha, arzoni* 'в Ура-тубе все дешево? - да, дешево'; *piyós xast?* - *oxía* 'лук есть? - а как же':

2. Отрицательные: *na* 'нет', *naye* 'нет же', *ne* 'нет': *áspi vóra návišt?* - *na* 'ты не сядешь на лошадь? - нет'; *weš nárvrišt?* - *ne, ne* 'ты не будешь косить траву? - нет, нет'.

3. Указательные: *ma* // *mána* 'вот'; *hóyla* 'вон' (употребляется при ответе): *ma, kitópt nost, akó!* 'вот, возьмите книги, брат!'

4. Определительные: *ána* 'так', 'так вот': *ána tox davgá nahíranka xoy* 'так вот, наше время было такое'; *ána čo wot?* 'так что мне сказать?'; *ána, ark kar nátonči* 'так вот, он не умеет работать'.

5. Вопросительные: *-(y)o, -(y)a, ané: nášawomišt-o?* 'не пойду, а?'; *farbí vúta-x-o?* 'он стал жирным, а?'; *nǎjirivi-yo?* 'ты не знал, а?'; *kūmóka, Dušambé-o?* 'где, в Душанбе?'; *dutóč xoy-a?* 'у него был зять, а?'; *čof-a* 'сколько, а?'; *ané, xolák?* 'не так ли, дядя?'.

6. Усилительные: *e, -e, o, -o, oxí, -k: yód-im-x-e* 'я же помню'; *ax zūr-e* 'он же сильный!'; *durǎj náwov-e!* 'да не ври же!'; *xóat-šint séči odám oxí* 'сам ведь он хороший человек'; *o, opirbalíti-ríti magazín!* 'да ведь перед театром оперы и балета магазин!'; *ípa zūr-xo!* 'он ведь такой сильный!'; *e, ví-gót-im avów-e* 'да ведь мой младший брат пришел!'; *e, íti γog-e!* 'да посмотри же на него!'; *ná-k-awòsti* 'Зы же не ска-

зали'; *vóŭta-k-or!* 'они же прибыли!'; *mána arǎpim-š-k* 'вот сжал же'; *avés-k-atír!* 'он же ушел!'.

§ 223. В функции побудительной частицы при глагольных формах повелительного наклонения и настояще-будущего времени сослагательного наклонения употребляется слово *ǎγom* (< *ǎ* 'один' + *γom* 'раз'): *ǎγom tifár vóra-m wot* 'ну-ка, дай-ка я сяду верхом'; *ǎγom γǎrom* 'ну-ка, дай-ка я пожну'.

§ 224. В роли ограничительной частицы иногда выступают числительное *ǎ* 'один' и местоимение *áni* 'другой': *ǎ xóat-im apirǎxsim* 'остался только я сам'; *áni nǎvǎrim* 'больше я не нашел'.

Модальные слова

§ 225. В ягнобской речи помимо частиц употребляется также группа слов, утративших свое конкретное лексическое значение и функционирующих как средство описательного выражения модальности. К этой группе относятся следующие слова:

1) *xa* // *xay* // *xayr* 'ладно', 'ладно уж', 'ну так вот': *xa, ašáwim, ke* 'ладно, когда пойдем, тогда /сделаем/'; *xay, mo(x) xullás ark akuním* 'ну так вот, короче говоря, мы поработали'; *čo kuním, xay, nahíš zindagí* 'что делать, ладно уж, такова жизнь';

2) *máyliš* 'ладно': *máyliš, zalár-š nest* 'ладно, не беда';

3) *naxót ané* 'неужели' (при недоверчивом отношении к высказыванию собеседника);

4) *kóški, zóro* 'хоть бы' (см. § 106);

5) *magár, magám, gumón* (см. § 106).

СИНТАКСИС ПРЕДЛОЖЕНИЯ

ПРОСТОЕ РАСПРОСТРАНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Подлежащее

§ 226. Подлежащее может быть выражено существительным в форме прямого падежа, субстантивированным прилагательным, местоимением, количественным числительным, инфинитивом, а также в редких случаях энклитическим местоимением (см. § 64).

§ 227. Подлежащее выражается и сочетанием количественного числительного с существительным: *siráy ħáyki-š ast* 'у него есть три дочери'; *raftá-raftá senzdá kalxóz ĩ kalxós avú* 'постепенно тринадцать колхозов стали одним колхозом'.

§ 228. Как подлежащее следует рассматривать также инфинитивную группу в сочетаниях, обозначающих действие, которое совершается в момент речи или совершалось в момент совершения другого действия (см. §§ 134-137).

Сказуемое

Глагольное сказуемое

§ 229. Глагольное сказуемое может быть выражено личной глагольной формой (§§ 81-114), причастиями *na-ti*, на *-ta*, *-gi* и *-na* (§§ 116-127), а также рядом предикативных оборотов (§§ 121, 138, 139).

Именное сказуемое

Именное сказуемое со связкой

§ 230. В качестве связки в составе именного сказуемого выступают глагол бытия (§§ 94-97) и глагол *vi-* 'делать-ся', 'становиться'.

§ 231. Именная часть может быть выражена существительным, прилагательным, местоимением, числительным, отрицательной формой причастия прошедшего времени с частицей отрицания *no-*: *ĩk kalxosčí avĩm* 'а еще я стал колхозником'; *šumóx ĩm čĩrĩn iyót?* 'вы тоже были пастухом?'; *op sort xast* 'вода холодная'; *ħáyk-ĩm káttá víta-x* 'моя дочь стала большой'; *ħyġ arár, surx avú* 'солнце село, оно стало красным'; *mox uxš iyótm* 'нас было шестеро'; *goĩ-bĩn iš-x* 'пастух он'; *dást-šint čo víta* 'что с вашей рукой?'; *qismát-š naháx víta-x* 'судьба его такова'; *soát-š řiti-x* 'его часы спешат (букв. впереди)'; *iš nonipĩšta vúta-x* 'эта, оказывается, неисписанная (о тетради)'.

§ 232. В качестве именной части выступают иногда и устойчивые именные словосочетания, в том числе таджик-

ская изафетная конструкция, воспринимаемая ягнобцами как единое лексическое целое: *Odiná bisyór odámi naxs-x* 'Одина — очень хороший человек'; *tu zĩr odám víta išť* 'ты стал важным человеком'.

§ 233. Именная часть может быть выражена сочетанием существительного с послелогом сравнения *-mápta*, *-méta*, *-yow* (§§ 170-171).

Именное сказуемое без связки

§ 234. В редких случаях именное сказуемое может быть выражено существительным, прилагательным или местоимением, употребленными без связки: *ax zĩr-e* 'оx и силен он!'; *birgád-mox Raħmónov* 'наш бригадир Раħманов'; *ħállá řudó arzonĩ* 'зерно очень дешевое'; *ax-š ĩm nahránka* 'то тоже такое'; *ħaxč čo?* 'а сам он чт о?'; *anáx čihád purmaná* 'он очень болтлив'.

Согласование сказуемого с подлежащим

§ 235. Как правило, подлежащее и сказуемое согласуются в числе: *iš katt xolí avór* 'эти дома опустели'; *ħaykt arħušť šawóšť* 'девочки танцуют'; *mortit bisyór iyór* 'мужчин было много'.

§ 236. При подлежащем, выраженном сочетанием количественного числительного с существительным, сказуемое имеет форму единственного числа: *id méni siráy mórtiy ma-ĩm ásti* 'в этом селении трое мужчин являются учителями'; *šumóħ du xári ast?* 'у вас два осла?'; *du hamráy-mox oy* 'у нас было два спутника'.

§ 237. Иногда, однако, наблюдается нарушение грамматического согласования и на передний план выдвигается согласование по смыслу: *řóda-moħ agirũnor* 'у нас ноги отяжелели'; *arasót řúlla hózir atirór* 'много ребят сейчас ушло' (ср. *ĩnnyr Sarħádi arasót zařĩf ášdũ atir* 'сегодня много женщин ушли в верховья'); *duwozdá xořagĩ vútor* 'их стало двенадцать хозяйств'; *du - tiráy iyór* 'их было два-три'; *ħámmaš táwik-x* 'все твое' (ср. *yordamčí iyór ħámmaš* 'все они были помощниками'; *ħámmaš kuhná or* 'все они старые').

§ 238. Если в предложении имеется несколько сказуемых, выраженных личными глагольными формами, то в большинстве случаев лишь первое из них представляет собой форму самостоятельной парадигмы, в то время как остальные употребляются в форме зависимой парадигмы (§115) *asanóm Maašarífi kat atís* 'мы поднялись, вошли в дом Маашарифа'; *čũjá váromišť Dušambé piróntom* 'я понесу птенца в Душанбе, продам'; *man ašáwim atiráš* 'я пошел, упал'; *atirašór aínxoy* 'они упали /и/ разбились'; *áxtit vŭnost, ke nížor* 'они закончат, потом выйдут'; *moj ašawóm Márxtimayn atís* 'мы пошли /и/ вошли в Мархтимайн'; *ašawóm čor móhi čoyxŭnau ark akún* 'мы пошли /и/ четыре месяца проработали в чайхане'; *Dŭmbi ašáwim, nahwád ĩ čoy-roy axár* 'я пошел в Думб, там выпил чаю'.

§ 239. Значительно реже встречаются случаи, когда все однородные глагольные сказуемые употребляются в форме самостоятельной парадигмы: *éta xoy, ranč-uxš túxmi viyórta xoy* 'он пошел, нашел пять-шесть яиц'; *kúsi-sári anđim aŭqót-rajqót axárim* 'сели мы на крыше, поели всякой еды'; *man nížom, nišón tifaróm?* 'я выйду, покажу?'; *man ašáwim, wayš arŭpim vor avántim awúrim* 'я пошел, накопил травы, связал охапку, принес'.

§ 240. В ряде случаев сочетание двух глаголов следует считать не двумя однородными сказуемыми, хотя формально это вполне допустимо, а одним, ибо в таком сочетании один из глаголов выполняет роль модификатора.

В качестве модифицирующих употребляются следующие глаголы:

1) *vow-* 'приходить', 'приезжать', 'прибывать'; в сочетании с глаголами движения указывает, что действие направлено в сторону приближения: *sutúri akúšór, tĭk čawóka agárdor avóŭ, žalánki anđdor xŭmn akún* 'они зарезали барана, потом оттуда вернулись, остановились и переночевали в Галанке'.

Формы повелительного наклонения глагола *vow-* в сочетании с формой 1-го лица множественного числа настоя-

щего времени сослагательного наклонения указывают на побуждение к действию: *voy šáyim baŭó vim* 'давай пойдём спрячемся'; *vóŭt čukerŭnim-š* 'давайте испугаем его';

2) *šaw-* 'идти', *tir-* 'уходить' в сочетании с глаголами движения указывают, что действие направлено в сторону удаления: *ĭ odám lánki atír ašáŭ, piná avú* 'один человек, хро-мая, ушел, скрылся'; *astobrŭ vésumišť tiróm tĭk* 'а еще я спущусь на солнечную сторону'; *kŭski asán atír* 'он куда-то поднялся'; в сочетании с глаголом *vu-* 'делаться', 'становиться' указывают на законченность действия: *čoyníki darŭn tim axirŭni-sa surx vítist šaŭt* 'внутренность чайника тоже в конце концов покраснеет'; *sŭxta-x lúnda víta tort* 'оно сгорело, стало круглым';

3) *jax-* 'вставать', 'вскакивать' указывает на начало действия, на побуждение к действию: *jax kartišká viráŭ* 'поджарь-ка картошку'; *jaxim jaráppim* 'давай пойдём спать'; *ĭ met aŭaxim bozór ašáwim* 'однажды я взял да и пошел на базар'; *duyumbóra tĭk aŭaxim aŭ zoy tĭk xórkan adĭh* 'я вторично взял да и прополол тот участок земли';

4) *mon-* 'класть' указывает на результативность, законченность действия: *aŭaxim Númitkon amón atír* 'я взял да и ушел в Чомиткон'; *xay, maŭbúr aŭaxim amón atír* 'ну ладно, вынужден был взять да и уйти'; *to xŭr parayšŭn vítišt, man nŭnomišť sanóm* 'пока взойдет солнце, я поднимусь';

5) *nos-* 'брать' указывает на то, что субъект совершает действие для себя: *nŭtc anipíšim anós* 'я записал его названием';

6) *vŭn-* 'кончать' указывает на законченность действия (употребляется редко): *ačínór-š avŭn* 'его совсем оборвали (о кусте)'.

Определение

§ 241. Определение всегда располагается перед определяемым. Оно может быть выражено:

1) прилагательным, местоимением в функции прилагательного (при этом местоимение согласуется с существительным в падеже), причастиями прошедшего времени на *-ta*

и *-gi*, которые связываются с определяемым путем примыкания: *nahwád ī mayda kat axirín* 'он купил там маленький дом'; *ax tayminí odám-x* 'он ненадежный человек'; *yakunim-sóla žúta xásti* 'есть полуторагодовалый сын'; *múškin umóč tayór vúta-x* 'бобовый суп готов'; *judó xūm maalím hoy* 'он был очень хорошим учителем'; *néki moy rásim piráũ nest* 'наш же обычай не таков'; *ána moy dawrá nahíranka hoy* 'наше время было вот такое'; *čo foidá-š ast?* 'какая от этого польза?'; *iš xépi kdti-m-x* 'он в моем доме'; *sarpéta mošin* 'машина с открытым кузовом'; *ix ikta rúxin-šint ast?* 'есть у вас застывшее масло?'; *pír vutagi odám-x ne?* 'он составившийся человек, не так ли?';

2) существительным и местоимением в функции существительного в форме косвенного падежа: *atšim Qosími kat* 'я вошел в дом Касыма'; *bozóri met ažórim* 'я видел /его/ в базарный день'; *lampáyu rúxin sétišt-o?* 'ты принес керосин?'; *Ražabžjuni wayš ačóš atir* 'трава Раджабджун рассыпалась'; *iti áspi vúta-x* '/это/ его лошадь, оказывается'; *kay piyóla oy* 'чья пиала была?';

3) энклитическим местоимением, присоединяемым к существительному или, очень редко, к местоимению в функции существительного: *devólš úšta-x* 'стена его стоит'; *ax-š tožiki avú* 'то получилось по-таджикски';

4) сочетанием числительного или местоимения *čof* 'сколько' с существительным: *tufór xári weš ašrim* 'я привез траву в количестве груза четырех ослов'; *iš čof odámi orčakori-x?* 'это огород скольких людей?'.
 § 242. Атрибутивное сочетание может представлять собой группу из трех элементов: существительное в косвенном падеже + существительное (или местоимение) в прямом падеже + энклитическое местоимение 3-го лица единственного числа *-(i)š*: *Nazrullóy mól-iš pažz* 'скот Назруллы хороший'; *pówi bidún-š dyk avú* 'середина жёлоба прохудилась'; *Yážnobi šaroit-š čuttí?* 'каковы условия Ягноба?'; *aníd žóyti kūm-š pažz vot?* 'какая из этих коров лучше?' *Pullarowúti syrát-š pažz jáxta-x* 'снимок /селения/ Пуляровута получился хороший'.

Дополнение

Прямое дополнение

§ 243. Прямое дополнение в ягнобском языке чаще всего не имеет формальных признаков.

В качестве прямого дополнения используются существительные, субстантивированные прилагательные, числительные, местоимения, и, значительно реже, инфинитивы: *xšift diváynimišt* 'мы процеживаем молоко'; *piyóla kalxūn, poktza kun* 'сполосни пиалу, вытри'; *džšot seč akunim* 'я засучил рукава'; *man wayš kašūnomišt* 'я таскаю траву'; *mox pirt, mýsa-fétt ħurmát kunt* 'нас, старых, стариков, уважайте'; *či das du nósomišt-ašt piráxsči* 'отнимем от десяти два — останется восемь'; *ávuyōra pañč-uxš avšrim* 'в тот вечер я нашел пять шесть /штук/'; *rūpak avóni?* 'ты закончил косить?'.
 § 244. Иногда прямое дополнение бывает выражено существительным в форме косвенного падежа. По всей видимости, это имеет место в тех случаях, когда речь идет о предмете определенном, известном: *xári sárivik sen* 'осла поднимай поверху'; *man xári váromišt poyóm* 'я веду осла, чтобы пасти его'; *vúzi akúšim, qáyla akúnim, žútay-xoitr-im-š akusélim* 'я заколола козленка, пожарила мясо, послала его своему сыну'; *xe, šumóx kúti žort* 'эй, посмотрите на свою собаку!'; *čoyžjūši mómomišt* 'я поставлю кувшин для кипячения воды';

§ 245. Личное местоимение, используемое в качестве прямого дополнения, употребляется в форме косвенного падежа: *man áwi adihim* 'я его ударил'; *ax man apúč* 'он меня ущипнул'.

§ 246. Энклитическое местоимение, выступающее в функции прямого дополнения, чаще всего присоединяется к личной форме глагола (при отрицательных формах — к отрицанию), но может быть, однако, употреблено и с другими членами предложения: *arūpti-šint* 'вы их сжали?'; *ná-šin-žumbūn!* 'не трогай их!'; *čofi-š apirónti?* 'за сколько ты ее продал? (о корове)'; *kū-ž vórtišt?* 'куда он его тащит?'; *móx-šint awénim* 'мы их видели'.

Косвенное дополнение

§ 247. Косвенное дополнение может быть выражено:

1) существительным или местоимением в косвенном падеже без предлога и послелого: *gugird akóy-t tifár* 'дай спички своему брату'; *múrxī tuxm amónim, čūǰá aživár* 'я положил курице яйцо, она вывела цыпленка'; *man gap taw náforči* 'мои слова тебе не нравятся'; *áǰtiti gap ast* 'у них есть дело'; *man du naberáy oy* 'у меня были два внука';

2) существительным или местоимением в косвенном падеже с послелогом: *man afarmóyim Ramazoni Avázi-xotír* 'я заказал для Аваза Рамазони'; *man raǰsi-pi asánim* 'я поднялся с председателем'; *anáwi-sa yozǰn* 'ему протяни'; *man xá-pi-sa níwov* 'мне самому он не сказал';

3) энклитическим местоимением (при наличии в предложении прямого дополнения энклитическое местоимение присоединяется к нему): *aspóp-šint tim ast* 'у них есть и инструмент'; *máxša-š xast* 'у него есть теленок'; *ná-m-wofči* 'он не говорит мне'; *na-m-ast wíta* 'нет у меня веревки'; *hoy, nún-im živórt!* 'эй, вынесите мне хлеба!'; *ponzdá súmi-m atifár* 'он дал мне пятнадцать рублей'.

§ 248. Как косвенное дополнение следует рассматривать также форму косвенного падежа существительного или местоимения в предложениях, где имеются инфинитивные сочетания, обозначающие действие, которое совершается в момент речи или совершалось в момент совершения другого действия (см. §§ 134-137).

Обстоятельство

Обстоятельства места

§ 249. В роли обстоятельств места выступают наречия, существительные в форме косвенного падежа, а также сочетания существительных с предлогами и послелогоми.

Примеры: *natáski sántiš?* 'сюда подниметесь?'; *čoy nāwát xoy* 'чай там был'; *Qurbún natát xoy* 'Курбан был здесь'; *man syrát devóli čókara-x?* 'каков мой снимок на стене?'; *xutánne tórta-x* 'он ушел на мельницу'; *šáhri or* 'они в городе'; *šáhri avésim* 'я спустился в город'; *či Dušambé qoǰáz*

nóta vúta-x 'он, оказывается, получил письмо из Душанбе'; *xóyi-bidóni avés* 'он спустился на середину земельного участка'; *devóli-bidúni oy* 'он был посреди стены'; *it káti-sitámi boǰ ast* 'позади этого дома есть сад'; *atír maktábi-sa* 'он пошел в школу'; *šumóx šáhri-darǰni iyót?* 'вы были в городе?'

§ 250. Имена собственные, выполняющие функцию обстоятельств места, часто употребляются в форме прямого падежа: *man Anzop šáwomišt* 'я иду в Анзоб'; *Šukrulló Pullarowút-x* 'Шукрулло в Пулларовуте'; *šumóx Bidév iyót-o?* 'Вы были в Бидеве?'; *Dahána itk vastagi-x-o?* 'В Дахане установлен мост, а?'

Обстоятельства времени

§ 251. В роли обстоятельств времени выступают наречия, существительные в форме косвенного падежа, сочетания существительных с предлогами и послелогоми, а также полная форма инфинитива в косвенном падеже (§ 132).

Примеры: *ax ǰnnǰr vóǰči* 'он сегодня придет в село'; *ámet Pullarowút ašáwim* 'в тот день я ходил в Пулларовут'; *Nurali, firónta kú šawiš?* 'Нурали, ты куда завтра пойдешь?'; *ǰiyún sáta xoy* 'он вчера поднялся'; *ī zimistón buhóri-sa nah-wát anǰdim* 'однажды зимой я сидел там до весны'; *tobistúni šókay serodám-x* 'летом здесь многолюдно'; *xšápi aláhsom wóǰ* 'ночью мы вернулись'.

§ 252. Иногда в функции обстоятельств времени выступают существительные в форме прямого падежа, что происходит, вероятно, под влиянием таджикского языка: *ax sa-ǰár aǰáxišt* 'он вставал рано утром'; *zimistún tim isturúž wó-niš?* 'зимой тоже я буду сторожем'.

§ 253. В качестве обстоятельств времени выступают также таджикские словосочетания типа *soǰti šiš* 'в шесть часов'; *soǰti šiš avésimišt to duvozdáhi šábi-sa* 'с шести часов мы спускались до двенадцати часов ночи'.

Обстоятельства цели

§ 254. В роли обстоятельств цели выступают сочетания существительных с послелогоми *-báxša*, *-xotír*, *-sa* в зна-

чении 'для', 'за' (§§ 162, 168, 169), а также инфинитив в прямой или косвенной форме (§ 132).

Обстоятельства причины

§ 255. В роли обстоятельств причины выступают сочетания существительных и личных местоимений с послелогом *-xotír* 'из-за'; *áwi-xotír róyta oy* 'из-за него она плакала'.

Обстоятельства образа действия

§ 256. Функцию обстоятельств образа действия выполняют наречия, сочетания существительных или инфинитивов с предлогами *-pi* (§ 189), *-vik* (§ 187), а также деепричастия (§ 130).

Обстоятельства меры

§ 257. Обстоятельства меры выражаются количественными наречиями (§ 147) и сочетанием числительного с существительным.

Примеры: *se rúzi qoq víči* 'за три дня она высохнет (о траве)'; *se rúzi anídím* 'мы сидели три дня'; *yag ma táxta xoу* 'он уезжал на один месяц'.

Порядок слов в простом предложении

§ 258. Наиболее употребительным и типичным порядком слов можно считать такой, при котором подлежащее предшествует сказуемому. Другие члены предложения могут располагаться между ними, однако чаще всего обстоятельства предшествуют подлежащему.

Примеры: *ax iyóso maktáp šáŷči* 'он в этом году пойдет в школу'; *mox piyóso šikóri ašáyim* 'мы ходили в прошлом году на охоту'; *íssol wáfir žulú ast* 'в этом году на горах много снега'; *čukí nahidókay nah tíšrax seb návitišt?* 'почему здесь не растет это кислое яблоко?'; *sezdá rúz áni maktáp sar vítišt* 'через тринадцать дней начнется учеба'.

§ 259. Обстоятельства могут следовать также непосредственно за сказуемым: *xolák sáta xoу táski?* 'дядя поднялся сюда?'; *žer anížim piyūn viyóra* 'я поздно вышел вчера вечером'; *hámmas apirūnt pokíza* 'он все продал дочиста'; *qaríp tórta óyim táki-sa* 'я чуть не упал вниз'; *firūnta álbatta šáwišt*

kantóri-sa 'завтра обязательно пойдешь в контору'; *žalla awídím túri-nūt* 'я ссыпал зерно в мельничный ящик'.

§ 260. Прямое дополнение обычно примыкает к сказуемому, но в редких случаях (когда, очевидно, логическое ударение падает на сказуемое или другие члены предложения) может следовать за ним: *butūn axóarór hámma zoу* 'совсем съели весь участок /посева/'.

§ 261. Определение всегда предшествует определяемому (§ 241).

§ 262. Обратный порядок слов, т.е. такой, при котором сказуемое предшествует подлежащему, имеет место, если логическое ударение падает на сказуемое: *čókara xoу naháx?* 'каким он был?'; *har sol náŷranka-x op* 'каждый год такая вода'; *nágarči zivók-im* 'не поворачивается у меня язык'; *kužoi vútor íštít?* 'откуда они?'; *kū bobí-š?* 'где его дедушка?'.

БЕСПОДЛЕЖАЩИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 263. В бесподлежащих предложениях сказуемое бывает выражено личными глагольными формами, которые в окончаниях содержат указание на действующее лицо. Эти предложения имеют широкое распространение как в монологической речи, так и в диалогической: *kat tírtišt?* 'когда вы уезжаете?'; *avés-k atír!* 'он же ушел /в низовья/!'; *néki pogíza nárūptiš* 'но он не жнет чисто'; *olów akunóšt* 'они развели огонь'; *vóŷta-k-or!* 'они же прибыли!'.

НЕПОЛНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 264. В диалогической речи очень часто встречаются неполные контекстуальные предложения, т.е. такие предложения, в которых «недостающие» элементы подсказываются данной ситуацией речевого общения⁸⁶: *čófi iyót? — das* 'сколько вас было? — десять'; *čófi íšt, Qurbonalí? — čordáhi* 'сколько тебе лет, Курабанади? — четырнадцать'; *dodó-t kū-x? — wáyšrūpi* 'где твой отец? — на покосе'; *kay kort-x? — Soléhik* 'чей нож? — Солеха'; *káy-pi atír? — ū urotébgí-pi* 'с кем он ушел? — с одним уратюбинцем'; *žumáy xar xirínta. — či kay?* 'Джума купил осла. — у кого?'.

ПРОЛЕПСИС

§ 265. Как и во многих других иранских языках, в ягнобском языке довольно часто встречаются случаи пролепсиса⁸⁷: *sabzi sár-iš kánta-x* ‘у морковки отломилась головка’; *néki méni weš mazá-š nest* ‘однако трава в селении нехорошая’; *man goýt kũm-š xušrũ-x?* ‘которая из моих коров лучше?’.

СЛОЖНОСОЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

§ 266. Союзы, употребляющиеся в сложносочиненных предложениях, отмечены в §§ 209-215.

Бессоюзные сложносочиненные предложения

§ 267. Бессоюзное сочинение как один из видов связи имеет широкое распространение в ягнобском языке. Оно используется в следующих случаях:

1) при перечислении нескольких действий, следующих друг за другом: *bugalák arũčč, adihim-š atuxóy* ‘слепень укусил, я ударил его и убил’; *idorá Piskũn xoy, avés Nũmitkon, čĩ Nũmitkon Dũmzoy avarór* ‘правление было в Писконе, спустилось в Номиткон, из Номиткона перевели в Думзой’; *ark tamót avũ, man otruská anĩžim* ‘работа закончилась, я пошел в отпуск’; *buhór Soũrũ ašáwim, omóč akunór, omóč axóarim* ‘весной я пошел в Совру, приготовили похлебку, поел похлебки’;

2) при противопоставлении одного явления или действия другому: *ašáym, raís náxoy* ‘я пошел, /но/ председателя не было’; *arasót gab díhtišt, nářirivomišt* ‘он много говорит, /но/ я не понимаю’; *fayród-im akũn – néĩsim* ‘он позвал меня – я не вошел’; *kax éta, kax náeta* ‘кто ушел, кто не ушел’;

3) при выражении отношений причины: *ob bisyór náxar: ródot-it dáxšošt* ‘не пей много воды: у тебя заболят ноги’; *ey, řũrá, idóka voũ, ĩ gáp-im ast* ‘эй, друг, иди сюда, у меня есть дело’; *Rařáb náxoy, Qazaqstũn xoy-š* ‘Раджаба не было, он был в Казахстане’; *xar mũndá víta-x, yaũ náxortišt* ‘осел устал, он не ест ячменя’;

4) при выражении отношений следствия, результата или вывода: *zũr adihim ayóž* ‘я натянул, /и/ она растянулась’ (о

резине); *xũma nũn axóarim, dindakt-im řiččást ast* ‘я съел сырой хлеб, /и/ у меня заныли зубы’; *odám daanvozák akũn, xũmn-iš nósčĩ* ‘человек зевнул, /значит/ ему хочется спать’; *nũn čĩ dásti-im atiráš, kax yód-im akũn* ‘хлеб выпал у меня из рук, кто-то вспомнил меня’.

К последнему типу предложений примыкают также такие сложные предложения, в которых первое простое предложение содержит в себе глаголы *řor-* ‘смотреть’ или *wen-* ‘видеть’, произносимые с повышением тона: *naháwi wáxti ařórim: diodĩh-šind ast* ‘в то время я посмотрел: они дерутся’; *áwi řor:maktábi-sa-š tírak ast* ‘посмотри на него: он идет в школу’; *ašáwim ařor: ray – odámi ray* ‘я пошел, посмотрел: след – след человека’; *ařórim: naháx modbũz ariráxs* ‘я посмотрел: та коза осталась’; *awólek ařáxim, awénim: kũsi-lápi nĩssta-x* ‘как только я встал, то увидел: он сидит на краю крыши’.

СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

§ 268. Союзы, вводящие придаточные предложения, рассмотрены в §§ 216-220.

Бессоюзные сложноподчиненные предложения

§ 269. В ягнобском языке встречаются следующие типы бессоюзных сложноподчиненных предложений:

1) условные: *sál yará vot, nipáytišt duxtũr* ‘чуть будет рана, врач уложит /в постель/’; *gap adih – řũš nádor* ‘если он /тебе что-нибудь/ скажет, не слушай /его/’; *tu nahĩš kun čo vítišt?* ‘если ты это сделаешь, то что будет?’; *eřtiyót nákun, diród díhčĩ dásti* ‘если не будешь осторожен, серп ударит по руке’; *čoy bisyór řavóm, zardá kũnomišt* ‘если я выпью много чаю, у меня появляется изжога’;

2) временные: *sođt yak oy, bas akũnim* ‘было времени час, когда я закончил’; *bist rũz avũ, tórta ot* ‘уже двадцать дней, как вы уехали’; *tu avési, mũrta xoy?* ‘ты спустился, он уже умер?’; *man řáhri řawóm, oyo čo kunóm?* ‘когда я поеду в город, что я буду делать?’; *man avóyim, tũy tamót víta-x* ‘я пришел, когда праздник уже кончился’.

3) цели: *tifár, paššóti dŷr kunóm* 'дай я отгоню мух'; *riđ nos áx-im náwenot* 'закрой меня собой, чтобы он меня не увидел', *hámma ĵám kun imiši*; *hiččuxs nápiraxsot* 'мы всех соберем, чтобы никто не оставался'; *xišŷú nīd, čang návot* 'сиди хорошо, чтобы не было пыли';

4) дополнительные: *kax awón, yáxši víta-x* 'кто-то сказал, /что/ он появился'; *xiyól akunim xar virót-im awénim* 'я думал, что я увидел своего брата'; *náŷirivom, soát čof víta vót-a?* 'не знаю, сколько могло бы уже быть времени /сейчас/, а?'.

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

§ 270. Прямая речь вводится либо при помощи союза *apí* (§ 219), либо посредством паузы после глаголов *wov-* 'говорить', *purs-* 'спрашивать', *ĵawór tifár-* 'отвечать' (при этом указанные глаголы произносятся с повышением тона): *tox apursóm: ču róyišt?* – *awón: xšab ĵów-im avóŷ loy tirášta-x* 'мы спросили: «Ты почему плачешь?» – Он сказал: «Ночью моя корова упала в грязь».

ЛЕКСИКА

§ 271. В лексическом фонде ягнобского языка исконно ягнобская лексика составляет примерно 40 процентов.

Сюда входят и общесогдийские слова, и слова, не известные согдийскому языку, но по фонетическому облику и словообразовательным признакам относящиеся к восточно-иранской лексике. Такое разграничение, однако, является условным, ибо еще не все согдийские материалы расшифрованы и хорошо изучены.

Наибольший процент собственно ягнобских слов прослеживается в сфере глагола и местоимений.

Среди остальных частей речи, включая и прилагательные⁸⁸, процент заимствований значительно выше.

В сфере числительных исконно ягнобские элементы сохранились лишь в пределах первого десятка. Но даже здесь

наблюдаются ограничения: ягнобские числительные используются почти исключительно в сочетаниях с исконно ягнобскими существительными. В сочетаниях же, включающих заимствованную лексику, употребляются таджикские числительные.

§ 272. Значительный интерес представляют тополексемы – слова, употребляющиеся в настоящее время только в составе топонимов. Когда-то они составляли часть исконно ягнобской лексики. Установить этимологию этих тополексем – задача чрезвычайной сложности, подчас пока неразрешимая на уровне современных знаний древне- и средне-иранских языков. Однако даже простой перечень этих тополексем дополняет словарь ягнобской лексики.

Вполне допустимо, что значительное число ягнобских тополексем восходит к разряду диалектной согдийской лексики.

§ 273. Основной путь пополнения лексического фонда ягнобского языка – это массовое заимствование таджикских слов. К настоящему времени таджикские заимствования составляют более половины всей ягнобской лексики. Процесс заимствования таджикской лексики осуществлялся на протяжении веков. Таджикские слова, проникшие в ягнобский язык на ранних ступенях взаимодействия этих двух языков, подверглись фонетическим изменениям, например: *xipár* 'известие' (< тадж. *xabar*), *kūr* 'могила' (< тадж. *gūr*).

Поздние заимствования, как правило, фонетическим изменениям почти не подвергались.

подавляющее большинство заимствованных слов наблюдается в сфере существительных, прилагательных, числительных, послелогов и союзов. Существительные заимствуются в форме единственного числа. Ударение в заимствованных таджикских словах либо сохраняется на конце слова, либо переносится на предпоследний слог (см. § 23).

В сфере глагола заимствуются только таджикские глагольные основы, которые структурно близки к ягнобским. К числу заимствованных относятся, например, следующие ос-

3) цели: *tifár, paššóti dŷr kunóm* 'дай я отгоню мух'; *rid nos áx-im náwenot* 'закрой меня собой, чтобы он меня не увидел', *hámma ĵám kun imišť*; *híčŷuxs nápiraxsot* 'мы всех соберем, чтобы никто не оставался'; *xišŷú nĭd, ŷang návot* 'сиди хорошо, чтобы не было пыли';

4) дополнительные: *kax awón, yáxši víta-x* 'кто-то сказал, /что/ он появился'; *xiyól akuním xar virót-im awénim* 'я думал, что я увидел своего брата'; *náŷirivom, soát čof víta vót-a?* 'не знаю, сколько могло бы уже быть времени /сейчас/, а?'

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

§ 270. Прямая речь вводится либо при помощи союза *apí* (§ 219), либо посредством паузы после глаголов *wov-* 'говорить', *purs-* 'спрашивать', *ĵawór tifár-* 'отвечать' (при этом указанные глаголы произносятся с повышением тона): *tox apursóm: ču róyišť?* – *awón: xšab ĵów-im avóŷ loy tirášťa-x* 'мы спросили: «Ты почему плачешь?» – Он сказал: «Ночью моя корова упала в грязь».

ЛЕКСИКА

§ 271. В лексическом фонде ягнобского языка исконно ягнобская лексика составляет примерно 40 процентов.

Сюда входят и общесогдийские слова, и слова, не известные согдийскому языку, но по фонетическому облику и словообразовательным признакам относящиеся к восточно-иранской лексике. Такое разграничение, однако, является условным, ибо еще не все согдийские материалы расшифрованы и хорошо изучены.

Наибольший процент собственно ягнобских слов прослеживается в сфере глагола и местоимений.

Среди остальных частей речи, включая и прилагательные⁸⁸, процент заимствований значительно выше.

В сфере числительных исконно ягнобские элементы сохранились лишь в пределах первого десятка. Но даже здесь

наблюдаются ограничения: ягнобские числительные используются почти исключительно в сочетаниях с исконно ягнобскими существительными. В сочетаниях же, включающих заимствованную лексику, употребляются таджикские числительные.

§ 272. Значительный интерес представляют тополексемы – слова, употребляющиеся в настоящее время только в составе топонимов. Когда-то они составляли часть исконно ягнобской лексики. Установить этимологию этих тополексем – задача чрезвычайной сложности, подчас пока неразрешимая на уровне современных знаний древне- и средне-иранских языков. Однако даже простой перечень этих тополексем дополняет словарь ягнобской лексики.

Вполне допустимо, что значительное число ягнобских тополексем восходит к разряду диалектной согдийской лексики.

§ 273. Основной путь пополнения лексического фонда ягнобского языка – это массовое заимствование таджикских слов. К настоящему времени таджикские заимствования составляют более половины всей ягнобской лексики. Процесс заимствования таджикской лексики осуществлялся на протяжении веков. Таджикские слова, проникшие в ягнобский язык на ранних ступенях взаимодействия этих двух языков, подверглись фонетическим изменениям, например: *xipár* 'известие' (< тадж. *xabar*), *kūr* 'могила' (< тадж. *gūr*).

Поздние заимствования, как правило, фонетическим изменениям почти не подвергались.

подавляющее большинство заимствованных слов наблюдается в сфере существительных, прилагательных, числительных, послелогов и союзов. Существительные заимствуются в форме единственного числа. Ударение в заимствованных таджикских словах либо сохраняется на конце слова, либо переносится на предпоследний слог (см. § 23).

В сфере глагола заимствуются только таджикские глагольные основы, которые структурно близки к ягнобским. К числу заимствованных относятся, например, следующие ос-

новы: *par-* 'летать', (ср. тадж. *par(r)idan*), *purs-* 'спрашивать' (ср. тадж. *pursi-dan*), *ras-* 'достигать' (ср. тадж. *rasidan*), *duzd-* 'воровать' (ср. тадж. *duzdidan*), *kuš-* 'убивать' (ср. тадж. *kuštan*) и т.д.

§ 274. Менее распространенный путь пополнения словарного состава — это образование лексических калек.

Здесь следует, прежде всего, выделить словообразовательные калки, возникшие в результате перевода таджикских слов по составляющим их морфологическим частям: *diodih* < тадж. *zanzani* 'драка'; *xūmnašya* < тадж. *čoruqdūz* 'сапожник'; *šowi* < тадж. *siyohi* 'темнота'. Словообразовательные калки встречаются довольно редко.

Также редко употребляются и семантические калки, т.е. исконно ягнобские слова, в которых одно из лексических значений появилось в результате влияния таджикского эквивалента. К этому разряду слов можно отнести глагол *ɟaw-* в значении «хотеть», «желать»: *čoy-im ɟaūt* < тадж. *čoy-am mébot* 'мне хочется чаю' (глагол *boyistán* в окружающих таджикских говорах в самостоятельном употреблении имеет значение «хотеть», «желать»); *ná-šin-ɟaūt* < тадж. *namébot-šon* 'им не хочется'.

Чаще употребляются полукальки, т.е. слова, состоящие частично из ягнобских морфем, частично — из таджикских: *damnósak* < тадж. *damgirák* 'привал', *ɟogbuɟunjá* < тадж. *ɟok-dúzd* 'Млечный путь'.

Наибольшее число полукалек встречается среди сложных глаголов, в которых именная часть таджикская, а вспомогательный глагол ягнобский: *azób wen-* 'страдать', 'мучиться' (тадж. *azob didan*); *azóp tifár-* 'мучить' (тадж. *azob dodan*); *dod wov-* 'кричать', 'вопить' (тадж. *dod guftan*); *ɟawóp tifár-* 'отпускать' (тадж. *ɟawób dodan*); *gab dih-* 'говорить' (тадж. *gar zadan*) и т.д.

§ 275. Слова тюркского происхождения составляют незначительный процент ягнобской лексики. Подавляющее большинство этих слов проникло в ягнобский через таджикский, так что может быть и в данном случае правильнее было бы говорить о заимствованиях из таджикского.

Непосредственно из узбекского или киргизского языков некоторые слова могли проникать через речь пастухов: Это прежде всего термины животноводства: *ayɟir* 'жеребец бурного нрава', *baytal* 'кобыла', *buqqá* 'бык', *qil* 'конский волос', *qušqór* 'баран — производитель', *toy* 'жеребенок', *tuýoq* 'копыто'⁸⁹.

Тюркские заимствования встречаются и среди терминов родства, например: *qaysingil* 'сестра мужа', 'сестра жены'; *qudó* 'родители жены или мужа'; *kelin* 'невестка'; *akó* 'старший брат'.

В данном случае можно сделать два предположения о путях их проникновения в ягнобский: либо они заимствованы из окружающих таджикских говоров, либо частично унаследованы из согдийского⁹⁰.

§ 276. Заимствования из русского языка представляют собой самый молодой лексический слой ягнобского языка.

Первые русские слова попали в ягнобский не раньше конца прошлого века. Их, по-видимому, принесли с собой отходники.

Сюда относятся, например, такие слова как *čoynik* 'чайник', *kalúš* 'галоши', *kartušká* 'картошка', *karasín* 'керосин', *qamfit* 'конфета'.

Интенсивное проникновение русской лексики, главным образом через таджикский язык, началось после 1917 г.

Практически в ягнобском языке употребляются теперь почти все слова русского происхождения, которые свойственны общеразговорному таджикскому языку. Это термины делопроизводства, названия профессий, орудий производства, машин, колхозного строительства, предметов домашнего обихода, месяцев, термины, относящиеся к области культуры и искусства.

В основном эти термины усваиваются ягнобцами в той фонетической оболочке, в какой бытуют в окружающих таджикских говорах⁹¹. Однако, в отличие от таджикского, некоторые слова часто произносятся с ударением на тех слогах, что и в русском языке: *tráktor* 'трактор', *ubórník* 'уборная', *gastínisa* 'гостиница', *póyiz(d)* 'поезд'.

Поскольку в ягнобском языке, как и в русском, имеет-ся фонема *ž*, то в словах русского происхождения она со-храняется, а не переходит в *j*, как в таджикском. В отдель-ных словах происходит переосмысление. Так, слово *pažár* (< русск. *пожарник*) означает 'сторож', 'охранник', сло-во *birgát* (< русск. *бригада*) кроме значения 'бригада' име-ет значение 'бригадир'; слово *rayón* — это и 'район', и 'рай-центр'; *člénsik* (< русск. *член ЦК*, или *член ВЦИК*) употреб-ляется в значении 'депутат'; *séksiya* (< русск. *секция*) 'сес-сия'; *lampá* (< русск. *лампа*) 'керосин'. В речи некоторых бывалых людей, а также лиц, служивших в рядах Советской армии, нередко можно встретить отдельные русские слова, еще не вошедшие в лексический фонд языка, например: *prámo ašáwim Dušambé* 'я поехал прямо в Душанбе'; *pastayáni ní-dak muyassár nákunči?* 'с постоянным поселением /ничего/ не выходит?'; *ópšim haždá ruz aláksim* 'в общем, я восемнад-цать дней гулял'.

Заемствованные слова приобретают все те грамматиче-ские свойства, которые характерны для слов собственно яг-нобских.

Примеры употребления русских заимствований во фра-зах: *Pénza du sol haš mo-xizmát akunim, čáwok agárd avóu rayón, či rayón dakumént tah akunim asán kalxósi, či kalxós híčokay etagi* 'в Пензе я прослужил два года и восемь меся-цев, оттуда вернулся в район, оформил документы в рай-центре, приехал в колхоз, из колхоза никуда не пошел'; *nah agarótti čo avór?* 'что стало с огородами?'; *soát-im tiráy mi-núti satámi-x* 'мои часы отстают на три минуты'; *čawóhkaý Panžikáti ašáwim gastínisay aniprd* 'оттуда я поехал в Пен-джикент, переночевал в гостинице'; *taksá tim ásti, porútni mošin...* 'и такси есть, и попутная машина...'; *Yágnobi revá-š vúzi xšift, aráw-š žówi xšift-x* 'пиво Ягноба — козье моло-ко, водка — коровье молоко'; *kay kartuškót or?* 'чьи /это/ грядки картофеля?'; *aváns tifórči* 'он даст аванс'; *du sol bataréx náxirtnci* 'два года он не покупает батарей'; *pirmiz vayrún-x* 'примус сломан'; *bóyad pažár štirór kunót oki* 'сто-рож должен же /его/ оштрафовать'; *téxnukim kusélot, šau*

maktáb žoy, voŭ elektirmantór višt 'пошлю-ка я тебя в техни-кум, иди, учись, приходи, будешь электромонтером'; *pama-dórti op tifár ačáŭ* 'нужно было полить помидоры'; *posilká kunomišt* 'я пошлю посылку'.

§ 277. Многозначность слова не имеет широкого рас-пространения в ягнобском языке. Довольно редко встре-чаются слова, имеющие более двух-трех значений.

§ 278. Для синонимии характерно наличие ягнобско-таджикских синонимических пар:

<i>dáxša - dard</i>	'болезнь', 'боль'
<i>mirda - marjón</i>	'бусы'
<i>tann - tar - лар</i>	'влажный'
<i>oč - čiz</i>	'вещь'
<i>živórt - gard-</i>	'возвращаться'
<i>bužúnč - duzd-</i>	'воровать'
<i>van - balánd</i>	'высокий'
<i>lična - hamvór</i>	'гладкий'
<i>kapuč - kaštár</i>	'голубь'
<i>met - ruz</i>	'день'
<i>rask - rost</i>	'прямой'
<i>tóra - torík</i>	'темный'
<i>tuxóy - kuš-</i>	'убивать'
<i>raxšin - sahár</i>	'утро'
<i>živók - zabón</i>	'язык'

Это, как правило, полные синонимы. Они могут употреб-ляться в речи одного и того же лица.

Синонимы встречаются и среди исконно ягнобских слов, но в этом случае характер синонимии зачастую бывает, оче-видно, не абсолютным. В качестве подобных синонимических пар выступают, например, слова:

<i>firók - firónta</i>	'завтра'
<i>vūd - firón</i>	'запах'
<i>virič-</i>	'стричь' (волосы, шерсть)
<i>virin-</i>	'стричь' (шерсть животного),
<i>roy-</i>	'плакать' - <i>wak-</i> 'плакать' (заливаясь).

Особый вид синонимии наблюдается при употреблении слов нейтральной речи и их эквивалентов из разряда «секретной лексики» (см. § 281).

§ 279. Омонимы в ягнобском языке встречаются сравнительно редко, в основном среди лексики, заимствованной из таджикского: *čak*₁ ‘густой’ – *čak*₂ ‘жребий’ – *čak*₃ ‘схватывание’; *čank*₁ ‘пыль’ – *čank*₂ ‘лапа’; *dam*₁ ‘вздых’ – *dam*₂ ‘лезвие’; *kūr*₁ ‘слепой’ – *kūr*₂ ‘могила’; *rođa*₁ ‘нога’ – *rođa*₂ ‘стадо’; *tána*₁ ‘ствол’ – *tána*₂ ‘сметана’.

§ 280. В ягнобской фразеологии преимущественно встречаются глагольно-предикативные сочетания и очень редко субстантивные.

Большинство фразеологических выражений имеет эквиваленты в окружающих таджикских говорах, что наводит на мысль о возникновении многих ягнобских фразеологизмов путем калькирования с таджикского. Однако это только гипотеза, ибо в условиях Ягноба и верховьев Зеравшана нельзя забывать и о субстратных явлениях, т.е. о воздействии согдийского языка на таджикский.

Ниже даны примеры употребления различных фразеологических сочетаний в предложениях: *rūyi dil-im išči* ‘у меня изжога’; *ax tox nazari nanosči* ‘он нас недолюбливает’; *xepi-š xūtni awīd* ‘он притворился спящим’; *pūstaki dūx dīhtišt* ‘он сильно воображает’; *sarapuči wōftišt* ‘он говорит ерунду’; *badan-im wafrāk suxāsta* ‘у меня на теле появилась гусиная кожа’; *dimōg-im rus^tvīta-x* ‘у меня нос заложило’; *tākā-š dōrta nisqta-š* ‘он сидит надувшись’; *i xāri gap adīhi* ‘ты сказал глупость’; *šāl^tparr avīm* ‘я очень устал’; *nahāwi tim xāp-iš odam ikta (odam-š nōta)* ‘этот тоже строит из себя взрослого’; *Wešābi xšāpi gudōrta išt* ‘ты не видел ничего хорошего’ (букв. ‘ты ночью прошел /селение/ Вешаб’),⁹²

§ 281. В речи ягнобцев встречаются слова, относящиеся к так называемой секретной лексике. обстоятельное объяснение причин возникновения этих слов дано С.И. Климчицким⁹³. Он приводит список около 50 слов «секретной лексики», который теперь дополнен материалами М.С. Андреева, Е.М. Пещеровой, М.Н. Боголюбова и автора этих строк.

«Секретная лексика», или, как еще говорят, «секретный язык», включает в себя «условные или изобразительные слова», употребляющиеся либо в пределах определенных половозрастных групп, либо в тех случаях, когда ягнобские слова по звучанию близки или совпадают с таджикскими – для затруднения понимания ягнобской речи окрестным таджикоязычным населением.⁹⁴

Слова и выражения, дополняющие существующий список лексики «секретного языка», помещены в словаре и снабжены пометой «секр.» (см. ниже).

В данном разделе мы ограничимся несколькими примерами употребления «секретных» слов и выражений во фразах: *dirōn nōsomišt ničam^tay šāwomišt wayš rūrom* ‘я возьму серп, пойду на сенокос, накошу травы’ (*ničam^tma* < *ničam^tna* – причастие наст.вр. глагола *ničam^t*, который теперь уже не употребляется); *nūči nūva nākun* ‘не болтай чепухи’ (в обычной речи *nūva kun-* ‘выть’, *nūci* ‘низкий’, ‘вниз’); *xišōyna nūči pāšitiš* ‘она плохо печет хлеб’ (*xišōyna* – причастие наст.вр. глагола *xišōy-* ‘жевать’); *hōzir puškāra kunīm, ke* ‘сейчас поедим, тогда’ (в обычной речи *puškāra kun-* ‘жевать’, если речь идет о животных); *nos, puškāray hāri vu* ‘бери, ешь’; *piyōla dih unxōy* ‘принеси пиалу’ (букв. – ‘ударь, разбей пиалу’); *vēsimišt kūppa vtm* ‘мы спустимся и ляжем спать’ (в обычной речи *kūppa* ‘толчок’, ‘подталкивание’); *hārra nhāvu!* ‘не ври!’ (в обычной речи *hārra vu-* ‘срываться’).

В настоящее время «секретный язык», как таковой, потерял свое значение, ибо большинство слов этого разряда лексики употребляется и в обычной ягнобской речи. Скорее всего мы можем говорить теперь о жаргонной лексике, возникшей на базе «секретного языка».

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Словообразование именных частей речи

§ 282. Именное словообразование в современном ягнобском языке развито слабо, ибо основное пополнение словарного состава осуществляется путем заимствований из таджикского языка.

Особый вид синонимии наблюдается при употреблении слов нейтральной речи и их эквивалентов из разряда «секретной лексики» (см. § 281).

§ 279. Омонимы в ягнобском языке встречаются сравнительно редко, в основном среди лексики, заимствованной из таджикского: *čak*₁ 'густой' — *čak*₂ 'жребий' — *čak*₃ 'схватывание'; *čank*₁ 'пыль' — *čank*₂ 'лапа'; *dam*₁ 'вздых' — *dam*₂ 'лезвие'; *kūr*₁ 'слепой' — *kūr*₂ 'могила'; *rođa*₁ 'нога' — *rođa*₂ 'стадо'; *tána*₁ 'ствол' — *tána*₂ 'сметана'.

§ 280. В ягнобской фразеологии преимущественно встречаются глагольно-предикативные сочетания и очень редко субстантивные.

Большинство фразеологических выражений имеет эквиваленты в окружающих таджикских говорах, что наводит на мысль о возникновении многих ягнобских фразеологизмов путем калькирования с таджикского. Однако это только гипотеза, ибо в условиях Ягноба и верховьев Зеравшана нельзя забывать и о субстратных явлениях, т.е. о воздействии согдийского языка на таджикский.

Ниже даны примеры употребления различных фразеологических сочетаний в предложениях: *rūyi dil-im išči* 'у меня изжога'; *ax tox nazari nanosči* 'он нас недолюбливает'; *xepi-š xūtni awīd* 'он притворился спящим'; *pūstaki dūx dīhtišt* 'он сильно воображает'; *sarapuči wōftišt* 'он говорит ерунду'; *badān-im wafrāk suxāsta* 'у меня на теле появилась гусиная кожа'; *dimōg-im rus^tvīta-x* 'у меня нос заложило'; *tākā-š dōrta nisqta-š* 'он сидит надувшись'; *i xāri gap adīhi* 'ты сказал глупость'; *šāl^t parr avīm* 'я очень устал'; *nahāwi tim xār-iš odam ikta (odām-š nōta)* 'этот тоже строит из себя взрослого'; *Wešābi xšāpi gudōrta išt* 'ты не видел ничего хорошего' (букв. 'ты ночью прошел /селение/ Вешаб)',⁹²

§ 281. В речи ягнобцев встречаются слова, относящиеся к так называемой секретной лексике. обстоятельное объяснение причин возникновения этих слов дано С.И. Климчицким⁹³. Он приводит список около 50 слов «секретной лексики», который теперь дополнен материалами М.С. Андреева, Е.М. Пещеровой, М.Н. Боголюбова и автора этих строк.

«Секретная лексика», или, как еще говорят, «секретный язык», включает в себя «условные или изобразительные слова, употребляющиеся либо в пределах определенных половых возрастных групп, либо в тех случаях, когда ягнобские слова по звучанию близки или совпадают с таджикскими — для затруднения понимания ягнобской речи окрестным таджикоязычным населением»⁹⁴.

Слова и выражения, дополняющие существующий список лексики «секретного языка», помещены в словаре и снабжены пометой «секр.» (см. ниже).

В данном разделе мы ограничимся несколькими примерами употребления «секретных» слов и выражений во фразах: *dirōn nōsomišt ničamma šāwomišt wayš rūrom* 'я возьму серп, пойду на сенокос, накошу травы' (*ničamma* < *ničamna* — причастие наст.вр. глагола *ničam-*, который теперь уже не употребляется); *nūči nūva nākun* 'не болтай чепухи' (в обычной речи *nūva kun-* 'выть', *nūci* 'низкий', 'вниз'); *xišōyna nūči pāšitiš* 'она плохо печет хлеб' (*xišōyna* — причастие наст.вр. глагола *xišōy-* 'жевать'); *hōzir puškāra kunīm, ke* 'сейчас поедим, тогда' (в обычной речи *puškāra kun-* 'жевать', если речь идет о животных); *nos, puškāray hāri vu* 'бери, ешь'; *piyōla dih unxōy* 'принеси пиалу' (букв. — 'ударь, разбей пиалу'); *vēsimišt kūrpa vtm* 'мы спустимся и ляжем спать' (в обычной речи *kūrpa* 'толчок', 'подталкивание'); *hārra nhāvu!* 'не ври!' (в обычной речи *hārra vu-* 'срываться').

В настоящее время «секретный язык», как таковой, потерял свое значение, ибо большинство слов этого разряда лексики употребляется и в обычной ягнобской речи. Скорее всего мы можем говорить теперь о жаргонной лексике, возникшей на базе «секретного языка».

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Словообразование именных частей речи

§ 282. Именное словообразование в современном ягнобском языке развито слабо, ибо основное пополнение словарного состава осуществляется путем заимствований из таджикского языка.

Словосложение

Основные модели копулятивного словосложения:

а) существительное + связка *-at (-ad)*⁹⁵ + существительное-существительное: *bod-at-havo* 'климат' (*bod* 'ветер', *havo* 'воздух', 'погода'), *mol-ad-ḡoī* 'скот' (*mol* 'мелкий рогатый скот', *ḡoī* 'корова'), *ḡul-ad-band* 'сбруя' (*ḡul* 'попона', *band* 'завязка'), *dilaḡūš* ← *dil-ad-ḡūš* 'потроха' (*dil* 'желудок', *ḡūš* 'ухо');

б) редупликация основы с добавлением согласного *p-* во втором элементе, если основа начинается с гласного, или с заменой начального согласного основы на *p-* или на *m-* (если начальный согласный основы — *p-*): *aūqót-paūqót*, *yáḡa-páḡa*, *asp-prasp*, *wayš-payš*, *ḡúta-rúta*, *púlla-múlla* и т.д. Этот способ словосложения весьма продуктивен.

Таким путем, так же как и в таджикском языке, образуются существительные с оттенком собирательности, обобщения, экспрессивности. Это хорошо прослеживается на следующих примерах: *kúsi-sári anđim aūqót-paūqót axóđim* 'сели мы на крыше, поели всякой еды'; *púlla-múlla-š ast?* 'вообще дети у него есть?'; *peštár magazin-pagazin náḡoy* 'раньше вообще /никаких/ магазинов не было'; *čóbi (avári) ḡūḡin-pūḡin?* 'что ты принес, масло там всякое?'; *asp-prasp agár vot...* 'если будет лошадь или что-нибудь еще...'; *buz-ruz-iš xast?* 'есть у него коза или что-нибудь другое?'; *ḡúta-rúta-š xast?* 'есть у него вообще сын?'; *ḡóla-póla návot* 'не было бы града или чего-нибудь еще'.

В ягнобской речи практически допустимо образование копулятивных словосложений такого рода почти от любой именной основы. Поэтому было бы возможно правильное не относить это явление к области словообразования, а считать своеобразным грамматическим средством выражения категории собирательности, обобщения. Вопрос этот проблематичен. Он касается не только ягнобского языка, но прежде всего языка таджикского, где подобные образования многообразнее.

По принципу копулятивного сложения построены и слова *diodih* 'драка' и *ritórit* 'впереди', 'вперед'. В них мы наблюдаем

редупликацию основ с соединительной связкой *-o-*. Эти слова являются кальками таджикских слов *zapozaní* 'драка' и *pešoréš* 'впереди', 'вперед'.

§ 283. Основные модели детерминативного словосложения:

а) существительное (определение) + существительное (определяемое) = существительное: *izmḡúna* 'сарай для дров' (*izm* 'дрова', *ḡúna* 'дом'), *rútaḡárd* 'запор' (*rúta* 'кишка', *ḡárd* 'боль'), *xšiftsár* 'сливки' (*xšift* 'молоко', *sar* 'верх', 'верхняя часть'), *sícaḡotk* 'воробьиное гнездо' (*síca* 'воробей', *ḡotk* 'гнездо'), *wáfirlúnda* 'снежок' (*wáfir* 'снег', *lúnda* 'комоч');

б) существительное + причастие прош.вр. = существительное: *ḡaxpéta* 'разиня' (*ḡax* 'рот', *péta* — причастие прош.вр. глагола *pen-* 'открывать'), *sarpéta mošin* 'машина с открытым кузовом'.

Словопроизводство

Продуктивные словообразующие суффиксы

§ 284. *-a* — неударный суффикс, участвующий в образовании существительных путем сращения (§§ 291-292).

§ 285. *-á* — ударный суффикс, участвующий в образовании существительных путем сращения (§§ 291-292).

✓ § 286. *-ak* — безударный суффикс со значением уменьшительности, ласкательности: *púlla* 'ребенок' — *púllak* 'ребеночек'; *ḡúta* 'сын' — *ḡútak* 'сынок'.

✓ § 287. *-akí* — суффикс, образующий имена деятелей от основ существительных: *wayšakí* 'человек, несущий траву'.

✓ § 288. *-ina* — суффикс, образующий относительные прилагательные от основ — существительных: *loy* 'глина' — *loyina* 'глиняный'; *dork* 'дерево' — *dorkina* 'деревянный'.

§ 289. *-ik* — неударный суффикс, образующий имена с притяжательным значением от любой именной основы (при этом местоименные словообразовательные основы всегда выступают в форме косвенного падежа): *man šumóxik asaraká anipíšim* 'я ваше снова написал (речь идет о записи)'; *iš tákik*

Hasánik-x 'один нижний, Хасана'; *iš kat mánik-x* 'этот дом мой'; *idókaýik?* 'здесьний?'; *Navobótik xoy šumóx-séči* 'Новобадский был выше вас'; *táwik kú-x?* '/а/ где твой?'; *tapartá kalxósik tim xast* 'разный колхозный тоже есть'; *kay kort-x? - Soléhik* 'чей нож? - Солеха'; *káýik anídi? - Qosímiki anídim* 'у кого /в доме/ ты остановился? - я остановился /в доме/ у Касыма'; *horirikt-š notuyri wovóšt* 'теперешние неправильно говорят (о языке)'.

Как видно из приведенных примеров, имена на *-ik* по грамматическим признакам скорее всего можно отнести к существительным, а не к прилагательным, как это считалось до сих пор⁹⁶. Во-первых, эти имена, в противоположность прилагательным, никогда не выступают в роли определений. Во-вторых, они, как и обычные существительные, склоняются и даже могут, правда очень редко, изменяться в числе. В предложении имена на *-ik* выступают в функциях предикатива, прямого и косвенного дополнений и определяемого. На русский же язык их удобнее переводить притяжательными или относительными прилагательными. Возможности образования имен при помощи суффикса *-ik* неограниченны. Поэтому в речи ягнобцев нередко экспромтом возникают подсказанные речевой ситуацией слова с этим суффиксом, которых нет в лексическом фонде.

Непродуктивные словообразующие суффиксы⁹⁷

§ 290. К числу непродуктивных словообразующих суффиксов относятся следующие:

- а) суффиксы имен существительных: *-don*, *-ik*, *-ič*, *-č*, *-anč* (*-an*), *-ok*, *-oč*;
- б) суффиксы имен прилагательных: *-nóka*, *-noyk*, *-čik*, *-ča*, *-či*, *-ča*.

При помощи суффикса *-ča* образовывались также названия, указывавшие на происхождение лица из какой-либо местности: *piskónča* 'писконец', *čarménča* 'гармонец' (ср., однако, *worsowudí* 'ворсовудец', *dumzoyí* 'думзоец', *vačinzoyí* 'вагиззоец').

Сращение

§ 291. Сращение — это особый, усложненный способ словообразования существительных. Суть его состоит в том, что новое слово образуется при помощи суффиксации или субстантивации на базе целого (разложимого или неразложимого) словосочетания⁹⁸.

В ягнобском языке мы встречаемся с двумя типами сращений.

Первый тип: в основе сращения, образованного при помощи суффиксации, лежит именное словосочетание, точнее сочетание двух существительных: *divarsára* (< *divári sar* =-a) 'верхняя часть двери'; *divarpahlúya* (< *divári pahlu* + -a) 'боковая часть двери'; *noixána* (*nówi xan* + -a); 'ручей, по которому вода подводится к мельнице'; *kirraknáysa* (*kíraki nays* + -a) — прозвище человека с тонким длинным носом.

§ 292. Второй тип: в основе сращения, образованного при помощи суффиксации, лежит глагол с дополняющими его словами, т.е. глагольное словосочетание: *oloýtuxóya* 'пожарник' (*olów* 'огонь', *tuxóy* 'убивать', -a — суффикс); *dirot-teskára* 'брусочек для точки серпа' (*dirót* 'серп', *tez kun* 'точить'); *aldakára* 'обманщик' (*aldá kun* 'обманывать'); *vižnaruipa* 'человек, который косит траву «вигну»'; *čiročdūnovozonkará* 'провода, на которой подвешивается лампа к потолку' (*čiročdūn* 'лампа', *ovezón kun* 'подвешивать'); *sinčimūna* 'чехол для хранения иголок' (*sinčín* 'игла', *mūn* 'класть').

Словообразование глагола

§ 293. В настоящее время основной способ пополнения состава ягнобской глагольной лексики — заимствование глагольных основ из таджикского (§ 273).

Образование переходных глаголов

§ 294. Как и в таджикском языке, основы переходных глаголов образуются при помощи суффикса *-on* (*-ūn*), присоединяемого к основе первичного (переходного или непереходного) глагола:

<i>rixs-</i>	‘вариться’	— <i>rixsón</i>	‘варить’
<i>xaš-</i>	‘тащить’	— <i>xašón</i>	‘перетаскивать’;
<i>budúfs-</i>	‘липнуть’	— <i>budúfsón-</i>	‘прилеплять’;
<i>čukáyr-</i>	‘пугаться’	— <i>čukáyrón-</i>	‘пугать’;
<i>daw-</i>	‘бежать’	— <i>dawón-</i>	‘погонять’.

Некоторые глагольные основы вообще не употребляются без суффикса *-on (-ón)*: *qožún-* ‘пить большими глотками’, *širiqqún-* ‘скрипеть’, *mižún-* ‘шевелить’.

В очень редких случаях при помощи суффикса *-on* образуются понудительные глаголы: *rou-* ‘плакать’ — *rouón-* ‘заставлять (вынуждать) плакать’; *šiu-* ‘шить’ — *šiuón-* ‘заставлять шить’.

Сложные глаголы

§ 296. Сложные глаголы, как в таджикском языке, образуются сочетанием существительного с глаголом. В таких сочетаниях наиболее употребительны следующие глаголы:

kun- ‘делать’: *ark kun-* ‘работать’, *furúmič kun-* ‘забывать’;
vu- ‘делаться’, ‘становиться’: *hárra vu-* ‘срываться’, *baǰó vu-* ‘прятаться’, *yáxši vu-* ‘показываться’, ‘появляться’;
dih- ‘бить’: *gab dih-* ‘говорить’, *qurt dih-* ‘глотать’, *likát dih-* ‘лягаться’;
dor- ‘держаться’: *čak dor-* ‘схватывать’, *žuš dor-* ‘слушать’;
tifár- ‘давать’: *žawóp tifár-* ‘отвечать’, ‘отпускать’; *fotihá tifár-* ‘благославлять’;
nos- ‘брать’: *kipáš nos-* ‘обнимать’, *dam nos-* ‘отдыхать’,
yod nos- ‘запоминать’, ‘заучивать’;
xaš- ‘тащить’: *azóp xaš-* ‘мучиться’.

В образовании ряда сложных глаголов участвуют также глаголы *xoar-* ‘есть’ (*žam xoar-* ‘печалиться’), *wep-* ‘видеть’ (*tayorí wep-* ‘готовиться’), *ūr-* ‘приносить’ (*šuk ūr-* ‘молчать’).

В ягнобской речи допустимо образование и употребление многих сложных глаголов, представляющих собой кальки соответствующих таджикских сложных глаголов (§ 274).

Приставочный глагол *bardi-*

§ 297. *bardi-* ‘засучивать рукава’ (< *dih-* ‘бить’ + приставка *bar-*) единственный приставочный глагол в ягнобском языке, является скорее всего калькой таджикского глагола *barzadan*, имеющего то же самое значение.

РАЗЛИЧИЯ ПО ГОВОРАМ

Почти через 30 лет после первого знакомства с ягнобским языком было обнаружено, что этот язык имеет говорные разновидности. Впервые на это обратил внимание К.Г. Залеман. В своем отчете о поездке в Среднюю Азию в 1898 году он писал: «2-го сентября ко мне был приведен молодой ягнобец, по имени Шах Махмат, который сначала сильно трусил, но вскоре стал более доверчивым. С ним я занимался по 13-е сентября по примененной в Оше программе, проверил и собрал материалы по грамматике и словарю и записал несколько переводных текстов. От него же я узнал, что непонятный для таджиков ягнобский язык имеет два наречия или говора — факт остававшийся не известным для прежних исследователей»⁹⁹.

Некоторые результаты работы К.Г. Залемана по выявлению говорных различий отмечены В. Гейгером: «По сведениям информанта Залемана, ягнобский язык распадается на два говора. Установление различий между ними остается делом будущего. В "Ягнобских этюдах" Залемана я нашел многочисленные рукописные поправки, часть которых, по всей видимости, основывается на диалектных различиях. Так, часто дифтонг *ai* материалов Куна исправлен на *ē*, *ī*: *waiš-wēš* ‘трава’, *apiraiž-apirēž* ‘он убежал’. Вместо формы на *-tišt* (3-е л. ед. ч. наст. вр.) часто вставляется форма на *-či*: *kuntišt-kunči* ‘он делает’, *tirtišt-tirči* ‘он уходит’; вместо формы на *-ārtišt* (3-е л. мн. ч. наст. вр.) форма на *-āšt*: *nidārišt-nidāšt* ‘они садятся’, *warārišt-warāšt* ‘они несут’. Говорные соответствия одного и того же слова представлены в *darās* и *dirāt* ‘серп’, 100.

Схематичная характеристика говоров ягнобского языка была дана Р. Готью. Французский исследователь выделяет два основных говора — восточный и западный, кото-

<i>rixs-</i>	‘вариться’	— <i>rixsón</i>	‘варить’
<i>xaš-</i>	‘тащить’	— <i>xašón</i>	‘перетаскивать’;
<i>budúfs-</i>	‘липнуть’	— <i>budúfsón-</i>	‘прилеплять’;
<i>čukáyr-</i>	‘пугаться’	— <i>čukáyrón-</i>	‘пугать’;
<i>daw-</i>	‘бежать’	— <i>dawón-</i>	‘погонять’.

Некоторые глагольные основы вообще не употребляются без суффикса *-on (-ón)*: *qožǎn-* ‘пить большими глотками’, *širiqǎn-* ‘скрипеть’, *miǎn-* ‘шевелить’.

В очень редких случаях при помощи суффикса *-on* образуются понудительные глаголы: *rou-* ‘плакать’ — *rouón-* ‘заставлять (вынуждать) плакать’; *šiu-* ‘шить’ — *šiuón-* ‘заставлять шить’.

Сложные глаголы

§ 296. Сложные глаголы, как в таджикском языке, образуются сочетанием существительного с глаголом. В таких сочетаниях наиболее употребительны следующие глаголы:

kun- ‘делать’: *ark kun-* ‘работать’, *furǎmič kun-* ‘забывать’;
vu- ‘делаться’, ‘становиться’: *hárra vu-* ‘срываться’, *baǎó vu-* ‘прятаться’, *yáxši vu-* ‘показываться’, ‘появляться’;
dih- ‘бить’: *gab dih-* ‘говорить’, *qurt dih-* ‘глотать’, *likát dih-* ‘лягаться’;
dor- ‘держаться’: *čak dor-* ‘схватывать’, *ǎuš dor-* ‘слушать’;
tifár- ‘давать’: *ǎawóp tifár-* ‘отвечать’, ‘отпускать’; *foǎihá tifár-* ‘благославлять’;
nos- ‘брать’: *kipáš nos-* ‘обнимать’, *dam nos-* ‘отдыхать’,
yod nos- ‘запоминать’, ‘заучивать’;
xaš- ‘тащить’: *azóp xaš-* ‘мучиться’.

В образовании ряда сложных глаголов участвуют также глаголы *xoar-* ‘есть’ (*ǎam xoar-* ‘печалиться’), *wen-* ‘видеть’ (*ǎayorí wen-* ‘готовиться’), *ǎur-* ‘приносить’ (*šuk ǎur-* ‘молчать’).

В ягнобской речи допустимо образование и употребление многих сложных глаголов, представляющих собой кальки соответствующих таджикских сложных глаголов (§ 274).

Приставочный глагол *bardi-*

§ 297. *bardi-* ‘засучивать рукава’ (< *dih-* ‘бить’ + приставка *bar-*) единственный приставочный глагол в ягнобском языке, является скорее всего калькой таджикского глагола *barzadan*, имеющего то же самое значение.

РАЗЛИЧИЯ ПО ГОВОРАМ

Почти через 30 лет после первого знакомства с ягнобским языком было обнаружено, что этот язык имеет говорные разновидности. Впервые на это обратил внимание К.Г. Залеман. В своем отчете о поездке в Среднюю Азию в 1898 году он писал: «2-го сентября ко мне был приведен молодой ягнобец, по имени Шах Махмат, который сначала сильно трусил, но вскоре стал более доверчивым. С ним я занимался по 13-е сентября по примененной в Оше программе, проверил и собрал материалы по грамматике и словарю и записал несколько переводных текстов. От него же я узнал, что непонятный для таджиков ягнобский язык имеет два наречия или говора — факт остававшийся не известным для прежних исследователей»⁹⁹.

Некоторые результаты работы К.Г. Залемана по выявлению говорных различий отмечены В. Гейгером: «По сведениям информанта Залемана, ягнобский язык распадается на два говора. Установление различий между ними остается делом будущего. В “Ягнобских этюдах” Залемана я нашел многочисленные рукописные поправки, часть которых, по всей видимости, основывается на диалектных различиях. Так, часто дифтонг *ai* материалов Куна исправлен на *e*, *i*: *waiš-wěš* ‘трава’, *apiraiž-apirěž* ‘он убежал’. Вместо формы на *-tišt* (3-е л. ед. ч. наст. вр.) часто вставляется форма на *-či*: *kuntišt-kunči* ‘он делает’, *tirtišt-tirči* ‘он уходит’; вместо формы на *-artišt* (3-е л. мн. ч. наст. вр.) форма на *-āšt*: *nidārišt-nidāšt* ‘они садятся’, *warārišt-warāšt* ‘они несут’. Говорные соответствия одного и того же слова представлены в *darās* и *dirāt* ‘серп’, 100.

Схематичная характеристика говоров ягнобского языка была дана Р. Готью. Французский исследователь выделяет два основных говора — восточный и западный, кото-

рые четко противопоставляются друг другу по следующим фонетическим признакам: в восточном говоре – *daros* ‘серп’, *saray* ‘три’, *men* ‘селение’, в западном соответственно – *dirot*, *tiray*, *mayn*. Р. Готьо отмечает, однако, наличие зоны переходных говоров и, в частности, приводит пример, когда в одном селении формы *siray*, *men* и *dirot* употреблялись параллельно¹⁰¹.

Сравнительно подробное описание ягнобских говоров содержится в работе Г. Юнкера, который устанавливает наличие двух диалектных областей – восточной и западной, четко различающихся изоглоссами *s/t* и *a/i* (*sarai* – *tirai*, *daros* – *dirot*). Граница между двумя этими диалектными областями проходит, по Г. Юнкеру, восточнее селения Питип, но западнее селений кульской группы. Таким образом, в восточную диалектную область Г. Юнкер включает говоры селений Дехбаланд, Пискон, Гармен, Сокан, Симич, Кули-Дахана, Кули-Миёна и Кули-Боло. Говоры остальных ягнобских селений образуют западную диалектную область, хотя и здесь немецкий исследователь выделяет ряд изоглосс, пересекающих долину Ягноба с северо-запада на юго-восток. Это изоглосса *-ai/-e-* (*main-men*), совпадающая с изоглоссой *firok/fironta* ‘завтра’, и *i/-e-* (*ix-ex* ‘лед’)¹⁰².

Классификация, предложенная Г. Юнкером, несколько отличается от классификации, намеченной Р. Готьо. Для Г. Юнкера изоглосса *-e/-ai-*, не совпадающая с изоглоссами *s/t* и *a/i*, не имеет решающего значения при делении ягнобского языка на восточный и западный диалекты. Г. Юнкер в противоположность Р. Готьо ничего не говорит о наличии группы переходных говоров, а лишь ограничивается констатацией того факта, что в кишлаке Питип слово со значением «три» произносится как «*sirai//sarai*».

Г. Юнкер правильно определил отдельные фонетические различия между говорами ягнобских селений, но предложенная им классификация представляется до некоторой степени нечеткой.

Если, согласно классификации Г. Юнкера, к востоку от линии изоглосс *s/t* и *a/i* мы имеем ярко выраженный во-

сточнаягнобский диалект (*ein ausgesprochenes Ost-Jaghnobi*), а к западу от нее – западноягнобский (*ein West-Jaghnobi*), то при таком делении понятие «западный диалект» включает в себя довольно разнородные говоры, различающиеся между собой изоглоссами *tr/ sr*, *-ai/ -e*, *i/ e*, *firok/ fironta*, которые нельзя объединить в одну группу, о разделении же их на какие-либо подгруппы в работе Г. Юнкера ничего не говорится.

Совершенно иное диалектное членение предложено М.С. Андреевым. Основываясь на высказываниях самих ягнобцев, он различает четыре ягнобских говора: «теновой» (говор селений, расположенных на левом берегу р. Ягноб, и правобережного селения Бидев), «солнечный» (говор селений, расположенных на правом берегу р. Ягноб, кроме сел. Бидев), верхний (говор селений Дехбаланд и Пискон) и кульский (говор селений, расположенных вдоль левого притока р. Ягноб, впадающего между селениями Питип и Пискон). «Главные основы деления, – отмечает М.С. Андреев, – это переход в ряде слов тенового и солнечного *т* в *с* в кульском и, в значительной степени, в верхнем говоре, а также переход тенового *а* в остальных группах в *еⁱ*, *е^е*». По мнению М.С. Андреева, разница между отдельными ягнобскими говорами наблюдается только в фонетике¹⁰³. Однако тексты, записанные М.С. Андреевым и Е.М. Пещеревой, позволяют говорить о наличии морфологических и лексических различий.

С.И. Климчицкий, вслед за Р. Готьо и Г. Юнкером, выделяет два основных говора – западный и восточный, подразделяя их на подговора: западный – на мархтумайнский (нижний) и номитканский (верхний), восточный – на кашинский и писконский. Местность селений Куля и Симича он считает зоной смешанного говора с преобладанием восточного¹⁰⁴. К сожалению, осталось неясным, какие различительные признаки служили С.И. Климчицкому основанием для такого деления.

По мнению В.А. Лившица, ягнобский язык делится на два основных говора – западный, или «теновой» (говор се-

лений, расположенных на склонах левого берега р. Ягноб, обращенных на север), и восточный, или «солнечный» (говор селений, расположенных по правому берегу реки). Важнейшие различия между ними фонетические: зап. *ay* – вост. *ε*; зап. *t* – вост. *s* (согд. *ʃ*)¹⁰⁵.

Ошибочность такого деления очевидна, ибо селения Дехбалад и Пискон, говор которых всеми исследователями называется восточным, лежат на левом, т.е. «теновом» берегу р. Ягноб.

К тому же самим В.А. Лившицем несколько ранее было высказано мнение, что западному говору соответствуют «теновой» и «солнечный» говоры, а восточному – «кульский» и «верхний»¹⁰⁶.

Самая обстоятельная классификация говоров ягнобского языка содержится в работах М.Н. Боголюбова. Опираясь на выводы своих предшественников и на собранный им материал, М.Н. Боголюбов пришел к заключению, что ягнобский язык имеет два говора: западный и восточный. Основными классификационными признаками, по его мнению, являются признаки фонетические, главные из которых следующие:

- 1) зап. *t* – вост. *s* (< согд. *ʃ*);
- 2) зап. *ay* – вост. *ε*;
- 3) зап. *-st* в слове *past* 'дым' – вост. *-zd(pazd)*;
- 4) зап. *xap* 'свой' – вост. *xep*;
- 5) в открытом слоге, образованном кратким гласным, западному *-i-* противостоит в восточном говоре *-a-* (зап. *dirot* – вост. *daros*).

Кроме того, по М.Н. Боголюбову, восточный говор отличается суффиксальное неударное *-i*, прибавляемое к личным глагольным формам (*ásti* вместо *ast* 'имеется', *apursóri* вместо *apursór* 'они спросили').

Западный говор М.Н. Боголюбов подразделяет на две группы: мархтумайнскую и номитконскую, которые отличаются друг от друга следующими особенностями:

- 1) сочетание окончания 3-го лица единственного числа настоящего времени *-tс* частицей *išt* в мархтумайнской груп-

пе звучит *tišt*, в номитконской группе *-či*, которое характерно также для говоров чукатской (сел. Чукат, Каши, Пулла-Роут, Роут, Питип), кульской (сел. Куль, Симич) и писконской групп селений;

- 2) в мархтумайнской группе слово «семь» произносят *aft*, в Номитконе – *avd*; звонкий исход присущ и остальным группам;

- 3) в мархтумайнской группе *atiráyš* 'он упал', *payst* 'дым', в Номитконе – *atiráš*, *past*;

- 4) в мархтумайнской группе причастие прошедшего времени от *tifár* 'давать' имеет форму *tifórta*, в Номитконе – *tifórta*, *tiráfta*; форма *tiráfta* присуща и чукатской группе; в писконской группе – *tafórta* и *saráfta*¹⁰⁷.

Согласно указанной классификации типично западным автор считает говор селений Бидив, Мархтумайн, Вагинзой, Муштиф, Шахсара, Шовита, Думзой, Хисокидарв, Номиткон, а типично восточным – селений Пискон, Дебалад, Гармен, Сокан.

По М.Н. Боголюбову, говор селений Чукат, Каши, Пулла-Роут, Роут, Питип по признакам *-t* (*met* 'день'), *-st* (в слове со значением «дым»), *-i* (в открытом безударном слоге: *di-var* 'дверь') относится к западному, а по признакам *ε* (*wεs* 'трава'), *xep* 'свой' – к восточному говору. В кульской группе селений, отмечает автор, *s* вытесняется западным *t*: от жителя Куля, произносящего в речи *dirot* 'серп', *rot* 'дорога', можно услышать вост. *afahmsi* 'вы поняли' вместо зап. *afahmti*.

Речь внешних ягнобоязычных селений – Куктепа, Зуманг, Рог – М.Н. Боголюбов относит к номитконской говорной группе¹⁰⁸.

Таким образом, начиная с Р. Готью, все исследователи, кроме М.С. Андреева, пришли к единому мнению: в ягнобском языке следует различать два основных говора – восточный и западный. Каждый из них, однако, по-разному определяет границы распространения этих говоров. Частично это объясняется тем, что все внимание было сосредоточено на схеме «восточный» – «западный», и высказанная Готьо мысль о на-

личии зоны переходных говоров долгое время не получала дальнейшей разработки¹⁰⁹.

Между тем во многих ягнобских селениях встречаются говоры, которые по одним признакам примыкают к восточному говору, по другим — к западному. Игнорируя этот факт и сводя все только к схеме «восточный — западный», мы не сможем составить полного объективного описания ягнобского языка, ибо говоры любого бесписьменного языка, в том числе и ягнобского, являются единственно реальной формой его существования. Одинаково важно различать как говоры тех территорий, на которых отмечены резко противопоставленные и взаимно исключают друг друга члены ряда соответственных явлений, так и тех, на которых наблюдается взаимопроникновение, взаимоналожение языковых явлений. Зоны переходных говоров — это зоны наиболее активного междialeктного воздействия, по-разному протекавшего в разных конкретно-исторических условиях. Совмещение в этих говорах генетически разнодиалектных черт не является механическим. На территории этих зон складываются определенные системы говоров с характерными для них закономерностями, на основе которых и строится совмещение этих черт¹¹⁰.

Условные понятия «западный говор» и «восточный говор», впервые введенные в научный обиход Р. Готью по отношению к ягнобскому языку, являются удачными и вполне себя оправдывают и в лингвистическом и в географическом отношении. Оба говора четко противопоставляются друг другу по ряду фонетических, морфологических и лексических признаков.

Фонетические различия между ними сводятся к следующему:

1) *-au* западного говора соответствует *-e* восточного говора: (< согд. *ε*): *ua uš* - *weš* 'трава', *maup* - *men* 'селение', *čukáyr* - *čukér* 'бояться', *piráyrž* - *paréž* 'убегать';

2) в словах с этимологическим *ǰ* западному *t* соответствует восточное *s*: *met* - *mes* 'день', *kunt* - *kuns* 'делайте'; *ot* - *os* (связка 2-го л. мн.ч.);

3) в безударном открытом слоге западному *-i-* соответствует восточное *-a-*: *piráxs-* - *paráxs-* 'оставаться', *dirót* - *darós* 'серп';

4) западному *xap* 'свой' в восточном говоре соответствует *xep*.

М.Н. Боголюбов относит к различительным признакам также противопоставление групп согласных *-st* (зап.) - *-zd* (вост.) в слове со значением «дым»: *payst*, *past* (зап.) - *pazd* (вост.). Однако, например в селении Гармен, где говорят на восточном говоре, нами было зафиксировано это слово в форме *past*. На наш взгляд, этот факт можно было бы не включать в систему различительных признаков.

Морфологические различия между двумя говорами наблюдаются в глагольных окончаниях.

Окончание 3-го лица единственного числа настоящего-будущего времени в западном говоре *-išt*, в восточном — *či*: *šáutišt* - *šauči* 'он идет'; *kúntišt* - *kúnči* 'он делает'; *wéništ* - *wénči* 'он видит'.

Сами ягнобцы ясно различают эти окончания¹¹¹. Нам не приходилось наблюдать, чтобы в речи одного и того же лица окончания *-išt* и *-či* чередовались¹¹².

Окончание 1-го лица множественного числа простого прошедшего времени в западном говоре *-om*, в восточном — *-im*: *avówom* - *avówim* 'мы пришли', *ačórom* - *ačórim* 'мы увидели', *akunóm* - *akuním* 'мы сделали' и т.д.

Окончание *-om* не было отмечено предыдущими исследователями. Не выделяет его и М.Н. Боголюбов, хотя в парадигме спряжения глагола *vu-* 'делаться', 'становиться' в простом прошедшем времени для 1-го лица множественного числа он дает форму *avóm*¹¹³, а не *avím*, как например в текстах М.С. Андреева и Е.М. Пещеревой¹¹⁴.

Пока трудно делать какие-либо заключения о путях возникновения окончания *-om*. Нельзя лишь не обратить внимания на совпадение окончания 1-го лица множественного числа простого прошедшего времени *-om* и связки 1-го лица множественного числа прошедшего времени *iyóm*.

Окончание 1-го лица множественного числа прошедшего длительного времени в западном говоре *-omišt*, в восточном — *-imišt*: *awénomišt - awénimišt* 'мы видели'.

В восточном говоре к личным глагольным формам часто присоединяется суффиксальное неударное *-i*: *hámma harft ĵirivomišti* 'я знаю все буквы'; *firónta žútay posilká kunomišti* 'завтра я пошлю сыну посылку'; *Rówut šáwomišti* 'я иду в Ровут'; *nisól peštár ašáwimišti ĩ yókay čĵrĵní* 'например, раньше ходили куда-нибудь пастушествовать'; *parrŭ avóšti, dyd návoti* 'ложились лицом вниз, чтобы не было дыма в лицо'.

В западном говоре это наблюдается лишь при глаголе бытия в форме 3-го лица единственного числа (*ásti*).

Еще одним различительным грамматическим признаком является то, что в западном говоре для выражения сходства, подобия употребляются послелог *-mánta//yow*, в восточном — послелог *-méta* (§§ 170-171).

Между западным и восточным говорами имеются также и некоторые различия в лексике:

Западный говор		Восточный говор
<i>kusél-</i>	'посылать'	<i>fišóm-//kusél-</i>
<i>tiráš-</i>	'падать'	<i>divi-</i>
<i>réza kun-</i>	'размельчать'	<i>rezgí kun-</i>
<i>zočaxóŭ-</i>	'дойная корова'	<i>zaxóŭ</i>
<i>rŭn-</i>	'ягненок'	<i>rŭnak</i>
<i>ĵarápp-</i>	'ложиться спать'	<i>ĵaráfs-</i>

Западный говор распространен в селениях Бидев, Марх-тимайн, Муштиф, Шахсара, Вагинзой, Шовета и Думзой, восточный — в селениях Дехбаланд, Пискон, Гармен и частично в селении Сокан.

В остальных ягнобоязычных селениях говорят на переходных говорах. Эти переходные говоры неоднородны: степень смешения признаков восточного и западного говоров в них различна.

Говор кишлака Хисокидарв по всем признакам примыкает к западному говору, но отличается от него наличием в глаголах 3-го лица единственного числа настояще-будущего времени окончания *-či* и отсутствием послелога *-yow*.

Говор селений Чукат, Каши, Пулларовут, Ровут характеризуется совокупностью следующих признаков:

в фонетике: *-e* (*weš, men*), *-t* (*met, kunt, -ot*), *-i-* (*piráxs, dirót*), *xep*;

в грамматике: *-či* (*kúnči, šáŭči*), *-im* (*avówim, aĵórim*), *-imišt* (*avówimišt, aĵórimišt*), *-méta*;

в лексике: *tiráš-// divi-, kusél-*.

Говор селения Питип отличается от говора указанной группы селений только употреблением слова со значением «три» в форме *saráy*.

Для говора селений Куля (Симич, Кули-Дахана, Кули-Миёна, Кули-Боло) и части селения Сокан характерна совокупность следующих признаков:

в фонетике: *-e* (*weš, men*), *-t* (*met, kunt*), *-i-// -a-* (*piráxs// paráxs, dirót // darót*), *xep; saráy* 'три';

в грамматике: *-či* (*kúnči, šáŭči*), *-im* (*ašáwim, aĵórim*), *-imišt* (*ašáwimišt, aĵórimišt*), *-méta*;

в лексике: *kusel-, tiras-*.

Селение Чомиткон отличается тем, что в нем наблюдается наличие двух разновидностей говоров: с одной стороны, типа говора селения Хисокидарв, с другой — типа говора селения Чукат.

Говор селений Куктепа, Зуманд, Гароб по всем характерным особенностям примыкает к говору селения Хисокидарв.

ДВУЯЗЫЧНЫЕ ЯГНОБЦЕВ

Все исследователи ягнобского языка отмечают, что ягнобцы двуязычны: помимо родного языка они владеют еще таджикским. Однако сведения о характере двуязычия ягнобцев у разных авторов несколько различны.

Г.Ю. Юнкер сообщает о том, что ему редко встречались ягнобцы, владевшие только родным языком¹¹⁵.

Ч.Г. Маллицкий писал: «Все ягнобцы — мужчины говорят также и по-таджикски, а некоторые еще и по-тюркски, и только часть женщин и детей, как я слышал, не понимают другого языка, кроме ягнобского»¹¹⁶.

Окончание 1-го лица множественного числа прошедшего длительного времени в западном говоре *-omišt*, в восточном — *-imišt*: *awénomišt - awénimišt* 'мы видели'.

В восточном говоре к личным глагольным формам часто присоединяется суффиксальное неударное *-i*: *hámma harft ĵirivomišti* 'я знаю все буквы'; *firónta žútay posilká kunomišti* 'завтра я пошлю сыну посылку'; *Rówut šáwomišti* 'я иду в Ровут'; *nisól peštár ašáwimišti ĩ yókay čĵrĵní* 'например, раньше ходили куда-нибудь пастушествовать'; *parrŭ avóšti, dyd návoti* 'ложились лицом вниз, чтобы не было дыма в лицо'.

В западном говоре это наблюдается лишь при глаголе бытия в форме 3-го лица единственного числа (*ásti*).

Еще одним различительным грамматическим признаком является то, что в западном говоре для выражения сходства, подобия употребляются послелог *-mánta//yow*, в восточном — послелог *-méta* (§§ 170-171).

Между западным и восточным говорами имеются также и некоторые различия в лексике:

Западный говор		Восточный говор
<i>kusél-</i>	'посылать'	<i>fišóm-//kusél-</i>
<i>tiráš-</i>	'падать'	<i>divi-</i>
<i>réza kun-</i>	'размельчать'	<i>rezgí kun-</i>
<i>zočaĵóŭ-</i>	'дойная корова'	<i>začĵóŭ</i>
<i>rŭn-</i>	'ягненок'	<i>rŭnak</i>
<i>ĵarápp-</i>	'ложиться спать'	<i>ĵaráfs-</i>

Западный говор распространен в селениях Бидев, Марх-тимайн, Муштиф, Шахсара, Вагинзой, Шовета и Думзой, восточный — в селениях Дехбаланд, Пискон, Гармен и частично в селении Сокан.

В остальных ягнобоязычных селениях говорят на переходных говорах. Эти переходные говоры неоднородны: степень смешения признаков восточного и западного говоров в них различна.

Говор кишлака Хисокидарв по всем признакам примыкает к западному говору, но отличается от него наличием в глаголах 3-го лица единственного числа настояще-будущего времени окончания *-či* и отсутствием послелога *-yow*.

Говор селений Чукат, Каши, Пулларовут, Ровут характеризуется совокупностью следующих признаков:

в фонетике: *-e* (*weš, men*), *-t* (*met, kunt, -ot*), *-i-* (*piráxs, dirót*), *ĵep*;

в грамматике: *-či* (*kúnči, šáŭči*), *-im* (*avówim, aĵórim*), *-imišt* (*avówimišt, aĵórimišt*), *-méta*;

в лексике: *tiráš-// divi-, kusél-*.

Говор селения Питип отличается от говора указанной группы селений только употреблением слова со значением «три» в форме *saráy*.

Для говора селений Куля (Симич, Кули-Дахана, Кули-Миёна, Кули-Боло) и части селения Сокан характерна совокупность следующих признаков:

в фонетике: *-e* (*weš, men*), *-t* (*met, kunt*), *-i-// -a-* (*piráxs// paráxs, dirót // darót*), *ĵep; saráy* 'три';

в грамматике: *-či* (*kúnči, šáŭči*), *-im* (*ašáwim, aĵórim*), *-imišt* (*ašáwimišt, aĵórimišt*), *-méta*;

в лексике: *kusel-, tiras-*.

Селение Чомиткон отличается тем, что в нем наблюдается наличие двух разновидностей говоров: с одной стороны, типа говора селения Хисокидарв, с другой — типа говора селения Чукат.

Говор селений Куктепа, Зуманд, Гароб по всем характерным особенностям примыкает к говору селения Хисокидарв.

ДВУЯЗЫЧНЫЕ ЯГНОБЦЕВ

Все исследователи ягнобского языка отмечают, что ягнобцы двуязычны: помимо родного языка они владеют еще таджикским. Однако сведения о характере двуязычия ягнобцев у разных авторов несколько различны.

Г.Э. Юнкер сообщает о том, что ему редко встречались ягнобцы, владевшие только родным языком¹¹⁵.

Ч.Г. Маллицкий писал: «Все ягнобцы — мужчины говорят также и по-таджикски, а некоторые еще и по-тюркски, и только часть женщин и детей, как я слышал, не понимают другого языка, кроме ягнобского»¹¹⁶.

По наблюдениям Л.В. Ошанина, большинство мужского населения говорило по-таджикски, что же касается женщин, то в большинстве случаев они знали только ягнобский язык¹¹⁷.

«Ягнобцы двуязычны и владеют таджикским языком как вторым родным», — отмечает М.Н. Боголюбов¹¹⁸.

«Все говорящее по-ягнобски население (в том числе и дети дошкольного возраста) двуязычно, оно свободно владеет и таджикским языком», — подчеркивает В.А. Лившиц¹¹⁹.

Ягнобский язык интересовал исследователей прежде всего как новосогдийский, продолжающий один из диалектов исчезнувшего согдийского языка. Отсюда вполне понятно, что проблема двуязычия ягнобцев не была в центре внимания и никаких конкретных специальных исследований в этом направлении не проводилось.

В данном разделе делается попытка исследовать некоторые вопросы двуязычия ягнобцев и взаимодействия ягнобского и таджикского языков в социолого-лингвистическом плане¹²⁰.

Процесс развития двуязычия ягнобцев имеет два коренным образом отличающихся этапа: дореволюционный период и период после Великой Октябрьской социалистической революции.

Как известно, ягнобский язык продолжает один из диалектов согдийского языка, и в этом плане мы вправе называть его новосогдийским¹²¹.

Основной территорией распространения согдийского языка были долины Зеравшана и Кашка-Дарьи. На согдийском языке говорили также жители Усрушаны, или Уструшаны (область между Самаркандом и Ходжентом), часть населения Ферганской долины и Чача (современный Ташкент). Вероятно, уже в VII в. согдийский уступил часть своей территории таджикскому и тюркскому языкам. После арабского завоевания процесс поглощения и вытеснения согдийского языка усиливается. В IX-X вв. большая часть населения городов Средней Азии уже перешла на таджикскую речь. Однако в сельских местностях согдийский язык в это время еще сохранялся. В горных же областях по верхнему Зерав-

шану согдийская речь сохранялась и много позднее, примерно до XIII-XIV вв.¹²².

Исследованиями советских историков доказано, что таджики верховьев Зеравшана могут в какой-то мере считаться прямыми потомками живших там древних согдийцев и что изолированность этого края в силу его географического положения обусловила почти неизменность этнического состава населения¹²³.

Это подтверждается и тем, что в верховьях Зеравшана, в долинах Фандарьи и Ягноба до сих пор сохраняется масса топонимов и микропонимов согдийского происхождения, а также значительный процент субстратной лексики¹²⁴.

Процесс вытеснения согдийских диалектов диалектами таджикского языка, очевидно, был направлен с запада на восток вдоль долины р. Зеравшан, по ее боковым притокам. Смене языка должно было предшествовать массовое двуязычие. То, что вытеснение согдийского языка шло именно с запада, подтверждает топонимия: в верхнем Фальгаре, Матче и в районе Такфона сохранилось значительно больше согдийских топонимов, чем в нижнем Фальгаре и в районах вокруг Пенджикента.

Сохранение ягнобского языка свидетельствует о том, что окончательного вытеснения согдийских диалектов так и не произошло. К 1870 г., ко времени обнаружения ягнобского языка первыми исследователями, границы его распространения были примерно те же, что и в настоящее время.

Трудно определить точно, когда именно могла произойти смена языка в ряде теперь уже таджикоязычных селений Ягноба, в Анзобе и Такфоне. По-видимому, это случилось не раньше XVII-XVIII вв. Правомерность такой гипотезы подкрепляется следующими фактами.

Переселение ягнобоязычного населения, позднее утратившего родную речь, в район северного склона Туркестанского хребта имело место примерно в XVI-XVII вв.¹²⁵. По рассказам жителей селения Зорсовут, эти переселенцы были выходцами из селения Пушойтамен, расположенного на левом берегу р. Ягноб, примерно в трех километрах западнее селения Зорсовут.

В «Дневнике Искандеркульской экспедиции» и в других материалах по Ягнобу Пушойтамен не упоминается, из чего можно заключить, что к 1870 г. его уже не было¹²⁶.

Ягнобцы, проживающие в долине р. Варзоб, сохранили в памяти названия тех селений, из которых в свое время переселились их предки. Называется, в частности, и селение Ворсовут. В селении Зуманд имеется даже квартал Ворсовут. По сведениям же М.С. Андреева, переселение ягнобцев в долину Варзоба произошло также в XVI-XVII вв.¹²⁷

Таким образом, селения Ворсовут, Пушойтамен, а также Фарков (теперь заброшенное) и, вероятно, Хишортоб были в то время еще ягнобоязычными.

Микротопонимия Анзоба и Такфона в значительной степени ягнобоязычного происхождения. Даже просто поверхностное сравнение ее с микротопонимией Ягноба заставляет думать о том, что смена языка произошла здесь относительно недавно.

Достаточно привести в качестве примера следующий список топонимов и микротопонимов:

Анзоб — Такфон	Ягноб
<i>Мунихок, Пишхок,</i>	<i>Гоутихок,</i>
<i>Зойхок, Шурахок,</i>	<i>Ноутихок, Гажлазхок,</i>
<i>Занчухок, Сотхок</i>	<i>Синтамихок, Ванхок,</i>
	<i>Кабутхок</i>
	(<i>хок</i> 'источник')
<i>Ворикзой, Хикмазой,</i>	<i>Думзой, Гарзой, Ализой,</i>
<i>Пишорзой</i>	<i>Ворзой, Хонзой, Гурзой</i>
	(<i>зой</i> 'пахотная земля')
<i>Шахсара</i> (название участка местности в окрестностях селения Ремонд)	<i>Шахсара</i> (название селения)
<i>Чугар, Хозагар</i>	<i>Шоугар, Логар,</i>
	<i>Пойнагар, Сафедгар</i>
	(<i>гар</i> 'гора')
<i>Потахон</i>	<i>Гулахон, Новахон,</i>
	<i>Тупхон, Каттахон</i>
	(<i>хон</i> 'летовка')

Симич (название ущелья в окрестностях Такфона)
Зисканта, Гурканта

Симич (название селения)
Ванканта, Чуанканта
(-канта < канта, прич. прош. вр. глагола *кан* 'копать', 'рыть')
Заннут, Ноунут

Рогнута

Вытеснение ягнобского языка таджикскими говорами было направлено не только с запада на восток, но и с востока на запад.

В таджикоязычном селении Кирйонти некоторые кварталы до сих пор сохраняют ягнобские названия: *Читирмен, Новазой, Зани*.

Микротопонимия селений Канси, Кирйонти, Дехкалон, Навобод в значительной степени состоит из ягнобских топонимов (*Чуккихон, Гулхон, Пастихон, Хадварахон, Аспихок, Часхок, Шурахок, Шахок, Чулут, Унзут, Махти, Човизой* и т.д.)

Более того, ягнобские топонимы и микротопонимы встречаются в верхнем Рамите (на южных склонах Гиссарского хребта), по соседству с верхним Ягнобом: *Гаразой, Хобти, Курутисой, Гушрута, Хоктагар, Мастурихон, Лисоти, Гарипот, Дамти панчхутан*¹²⁸.

Следовательно, можно предположить наличие там в свое время ягнобоязычного населения.

Таджикские говоры верхнего Ягноба и верхнего Рамита очень сходны. Между таджиками верхнего Ягноба и Рамита существовали и существуют до сих пор тесные связи, в том числе и родственные. Оживленные связи имели место и между жителями верхнего Ягноба и Матчи, где таджикский язык победил значительно раньше.

Основываясь на вышеизложенных фактах, можно выдвинуть гипотезу о проникновении таджикских говоров в верхний Ягноб из Рамита (главным образом) и Матчи.

Чем же объяснить столь длительный, фактически так и не завершившийся процесс вытеснения согдийских диалектов таджикскими в районах верховьев Зеравшана и особенно в долинах Фандарьи и Ягноба? ✓

Существенную роль в этом сыграл, несомненно, географический фактор, оказавший влияние на развитие экономических и социальных условий в этих районах. Относительная изолированность труднодоступных высокогорных долин (в особенности долины р. Ягноб) задерживала процесс поглощения диалектов согдийского языка таджикскими.

Тем не менее процесс поглощения ягнобского языка таджикским в дореволюционный период происходил довольно интенсивно. Ягноб, несмотря на свою относительную труднодоступность и изолированность, экономически зависел от соседних районов и крупных среднеазиатских городов.

Торговыми пунктами для Ягноба были в основном Гиссар и Каратегин, а также Пенджикент, Самарканд и Ура-Тюбе, где говорили по-таджикски и по-узбекски. Чтобы попасть туда, необходимо было пройти через местности со сплошным таджикским населением. Ежегодно поздней осенью значительная часть мужского населения Ягноба уходила на заработки в крупные города, где оставалась до начала весенних полевых работ.

У ягнобцев и таджиков соседних с ними кишлаков были общие летовки (например, летовка Кули Ворсовут для западноягнобских селений и таджикоязычного селения Ворсовут), а также общие выгоны для скота. Наконец, между некоторыми ягнобскими и таджикскими семьями существовали родственные связи. По всей вероятности, эти связи имели давний характер и восходили к тому периоду, когда эти таджики были еще «ягнобцами». Смешанные браки в Ягнобе заключались сравнительно редко (как, впрочем, и сейчас). Ягнобцев и таджиков объединяли почти одинаковый образ жизни и общая религия — ислам суннитского толка. Хотя Ягноб и представлял собой отдельное бекство, он всегда находился под властью более сильных соседей, а с начала XIX в. вошел в состав Бухарского эмирата¹²⁹. Беки Ягноба, как правило, были выходцами из таджикоязычных селений.

При таких условиях хорошее владение таджикским языком для ягнобцев было необходимостью. И все же двуязычие в Ягнобе было частичным и неполным¹³⁰. Роль основ-

ного средства общения внутри ягнобской общины выполнял родной язык, на что указывали Н.Г. Маллицкий и Л.В. Ошанин.

То же самое относилось и к детям дошкольного возраста. Очевидно, и среди взрослого мужского населения встречались люди, плохо владевшие таджикским языком. Во всяком случае на это косвенно указывают Г. Юнкер и Л.В. Ошанин (см. выше).

Несмотря на многовековое тесное сосуществование ягнобцев и таджиков, между ними наблюдалась некоторая отчужденность, находившая отражение, в частности, в насмешливом и пренебрежительном отношении таджиков к ягнобцам. Так, например, верхнеягнобские таджики иронически называли ягнобцев *jaxák* ‘попрыгун’ (от глагола *jax* ‘прыгать’, ‘вскакивать’, который очень часто употребляется в ягнобской речи вместе с другими глаголами, выражая побуждение к действию).

В условиях сплошной неграмотности ягнобцы имели возможность сталкиваться только с диалектной таджикской речью. В основном это была речь непосредственного таджикского окружения, хотя нельзя не учитывать и влияния городских говоров через отходников. Литературной формой таджикского языка ягнобцы (за исключением отдельных лиц) не владели, тем более, что литературный таджикский язык того времени был оторван от речи таджикских масс.

Отдельные отходники знали узбекский язык. К сожалению, мы не располагаем данными о том, понимали ли они также и по-русски.

Отношения ягнобского и таджикского языков были отношениями языка побеждаемого и языка-победителя. Первые исследователи застали ягнобский язык в таком состоянии, когда таджикские элементы не только во множестве проникли в область его лексики, вытеснив исконно ягнобские (согдийские) слова, но заметно потрясли и грамматические устои (как в сфере синтаксиса, так и до некоторой степени в сфере морфологии).

Двуязычие ягнобцев, постепенное сужение территории распространения ягнобского языка, его подверженность

сильному влиянию таджикского языка. дали основание Н.Г. Маллицкому сделать вывод, что это язык «вымирающий» и, вероятно, недалеко то время, когда он «исчезнет без следа»¹³¹.

То же самое еще ранее отмечал Бонвало:

«Что касается языка ягнобцев, то можно сказать, что он скоро исчезнет, так же, как оригинальный антропологический тип, так как ягнобцы все более смешиваются с окружающим их таджикским населением»¹³².

Великая Октябрьская социалистическая революция произвела коренные изменения в социальной, экономической и культурной жизни народов СССР. Все это сильно отразилось на функционировании и развитии языков советских народов¹³³. Социализм ознаменовал новый этап в истории взаимодействия и взаимовлияния языков¹³⁴, изменились и отношения ягнобского и таджикского языков. Организация колхозов, где ягнобцы и таджики трудятся вместе, равноправие и дружба всех народов Советского Союза, строительство путей сообщения, связывающих высокогорный район Ягноба с экономическими и культурными центрами, широкая организация средних школ с обучением на таджикском языке, развитие системы высшего образования в республике, равноправие женщин, широкое распространение печати и радио на таджикском языке — все это способствовало и продолжает способствовать этническому сближению ягнобцев и таджиков, а следовательно, и более тесному взаимодействию их языков. Процессы двуязычия и влияния таджикского языка на ягнобский протекают более интенсивно, чем в дореволюционный период. Сейчас в Ягнобе редко встречается человек, не знающий или, по крайней мере, не понимающий таджикского языка.

Процессу интенсивного взаимодействия обоих языков способствует и массовое переселение ягнобцев в г. Душанбе и селения Гиссарской долины, где ягнобцы проживают рядом с таджиками, узбеками и русскими. Речь переселенцев еще больше насыщена лексическими заимствованиями из таджикского, но в фонетике и грамматике заметной раз-

ницы между речью переселенцев и речью жителей долины р. Ягноб пока не наблюдается.

Теперь ягнобцы, сталкиваясь не только с диалектной речью таджиков, но и с литературным таджикским языком, овладевают различными формами таджикского языка. Можно с уверенностью утверждать, что ягнобцы вступили в стадию массового абсолютного двуязычия.

Появилась возможность говорить и о влиянии литературного таджикского языка на ягнобский, что опять-таки ярче всего проявляется в лексике. Через посредство таджикского языка словарный состав языка ягнобцев обогатился заимствованиями из русского языка, относящимися к областям общественно-политической жизни, техники, культуры, а также к названиям предметов культурного быта. О непосредственном влиянии русского языка на ягнобский говорить пока нельзя, хотя многие ягнобцы, живущие в Душанбе, а также те, кто служил в армии, владеют в той или иной степени русским языком и зачастую употребляют в родной речи отдельные русские слова и выражения (§ 276).

Итак, ягнобский язык испытывает активное влияние таджикского языка, более активное, чем в дореволюционный период. Значит ли это, что «дни его сочтены»? Думается, что нет. Прошло более ста лет со времени обнаружения ягнобского языка. Как отмечалось, уже некоторые из первых исследователей предсказывали его скорую гибель, а он живет и по сей день.

В наше время сохранению ягнобского языка способствует не столько географический, сколько социальный фактор — равноправный и дружественный характер взаимоотношений таджиков, ягнобцев и русских.

Несмотря на быстрый процесс этнического слияния ягнобцев и таджиков, ягнобскому языку суждено еще сравнительно долгое существование в качестве языка, выполняющего минимальные общественные функции¹³⁵.

В процессе взаимодействия ягнобского и таджикского языков возникает интерференция¹³⁶, суть которой состоит в том, что в ягнобской речи появляются не свойственные ей

элементы, возникшие в результате влияния таджикского языка. Различают две фазы интерференции¹³⁷. Примером первой фазы интерференции служит употребление некоторых таджикских предлогов в речи отдельных носителей языка (см. § 161). Вторая фаза — это проникновение таджикских элементов в сферу языка, употребление их как нормативных. О различии этих двух фаз очень образно написал У. Вайнрайх: «В речи интерференция подобна песку, который несет с собой поток; в языке это абсорбированный песок, осевший на дне озера»¹³⁸. Ниже будут рассмотрены факты второй фазы интерференции, той, которая наблюдается в структуре ягнобского языка.

Поскольку мы не имеем полного представления о том согдийском диалекте, продолжением которого явился язык ягнобцев, трудно проследить весь процесс взаимодействия ягнобского и таджикского языков. Имеется, однако, возможность путем сопоставления материала ягнобского и согдийского языков выявить отдельные результаты их длительного контакта, конечно, исключая при этом ягнобско-согдийские диалектологические различия и некоторые особенности письменного согдийского языка (например, особенности, обусловленные влиянием языка оригинала на согдийский перевод религиозных текстов)¹³⁹.

Наибольшее влияние таджикский язык оказывает в области лексики (см. § 273-274). Основная тенденция развития лексики ягнобского языка — это прямое заимствование таджикских слов, вытесняющих ягнобскую лексику.

Активно заимствуются не только слова, но и целые словосочетания (обычно устойчивые), в том числе изафетные и предложные: *yak bulda non* 'кусок хлеба'; *dam ba dam* 'время от времени'; *kyn dar kyn* 'один за другим'; *du sum pul* 'два рубля денег'; *jufti gow* 'упряжка волов'. Эти словосочетания воспринимаются как отдельные лексические единицы и могут быть морфологически оформлены: *čof jufti gowi ast?* — *tufór, tufór jufti gowi ast* 'сколько упряжек волов имеется? — четыре, четыре упряжки волов имеется'; *soatóyi čórti* 'часа в четыре'.

Грамматическая интерференция наблюдается как в синтаксисе, так и в морфологии. Существует три основных типа грамматической интерференции¹⁴⁰:

- 1) использование морфем таджикского языка в ягнобском;
- 2) заимствование грамматических функций морфем таджикского языка морфемами ягнобского языка или игнорирование тех функций, которые не имеют прототипа в таджикском языке;
- 3) расширение или сужение функций морфем ягнобского языка по грамматической модели таджикского языка (благодаря идентификации некоторых ягнобских морфем с таджикскими).

Первый тип грамматической интерференции особенно ярко проявляется в предложно-последеложной системе ягнобского языка и в сфере союзов.

Предлог *be* (§ 156), заимствованный из таджикского, уже давно вытеснил исконно ягнобский союз *pu* /согд. (*) *pw*/¹⁴¹

В согдийском языке предельность в пространстве и времени выражалась либо сочетанием предлога *kw* (согд.-будд. *'kw* и *k'w*) с послелогом *prn*, либо только послелогом *prn*: *čnn sr' kw p'δ prn* 'с головы до ног' (TSP, 2,349); *kw knδβr prn* 'до ворот города' (TSP, 13,2); *βr'k kw juwrsny prn* 'ночью до восхода солнца' (TSP, 17,4); *βy 'r yu prn* 'до вечера' (Tales, M 135 R, 31). В ягнобском вместо *kw... prn* употребляется предлог *to//ta*, заимствованный из таджикского, в сочетании с послелогам *-sa* или *-pi* (§ 157).

Исконно ягнобским и согдийским послелогам противостоят послелог таджикского происхождения (*-táki, -sári, -darūni, -xotír, -báxša, -rángi, -kúni, -lápi, -rúgah, -biqini, -qabáti*). Одни из них полностью вытеснили собственные послелог (ср. ягн. *-táki* — согд. *čδr*, ягн. *sári* — согд. *swpr*), другие сосуществуют с ними, но занимают более сильную позицию (§ 205). Думается, что судьба таких послелогов, как *-čintir* (согд.-будд. *cntr, cuntr*, согд.-ман. *cntr, cyndr*) и *-piyóra* (согд. *pyδ'r*) также предрешена: в ближайшее время

они исчезнут, окончательно уступив место послелогам-синонимам *-darúni, -báxša, -xotír* (§ 205).

В сфере союзов (§§ 208-221) морфемы таджикского происхождения большей частью вытеснили собственные или ограничили их функции (ср. союзы *-и* и *-at*). В этом можно убедиться, сопоставив ягнобские союзы с согдийскими: ср., например, ягн. *yo* 'или' — согд.-буд. *β' (fa)*, ягн. *néki* 'но' — согд. *pyšt, β'w, yw'r*, ягн. *agár* 'если' — согд. *kδ (kaδ)* 142.

Ягнобский язык усвоил таджикские словообразовательные суффиксы *-akí* (§ 287), *-on* (§ 295) и суффикс *-gi*, образующий причастия прошедшего времени по типу аналогичных таджикских причастий (§ 116). В целом, однако, таджикские словообразовательные элементы занимают скромное место в структуре ягнобского языка, ибо предпочтение отдается лексическим заимствованиям.

Значительный процент заимствований отмечается среди частиц и модальных слов (§§ 222, 225).

Второй и третий типы грамматической интерференции хорошо прослеживаются в сфере ягнобского глагола. Система согдийского глагола отличалась разветвленной сетью личных форм, выразивших самые тончайшие временные и модальные оттенки. В противоположность западноиранскому языковому типу согдийский язык представлял собой ярко выраженный глагольный язык (*eine ausgesprochen verböse Sprache*) 143.

Можно предполагать, что таковым был и диалект, легший в основу ягнобского. В результате контакта с таджикским языком согдийско-ягнобская глагольная система постепенно перестраивалась, приспособляясь к глагольной системе западноиранского типа. Исчезли формы, не имевшие прототипа в таджикском, но зато возникли новые, построенные по моделям таджикского глагола. К последним относятся:

1) формы преждепрошедшего перфекта, развившиеся под влиянием преждепрошедшего перфекта таджикского языка (§ 102);

2) формы прошедшего времени сослагательного наклонения, развившиеся под влиянием форм прошедшего времени сослагательного наклонения таджикского языка (§§ 111-114).

Значение причастия настояще-будущего времени, отмеченное в § 127, возникло, очевидно, под влиянием одного из значений форм длительного преждепрошедшего перфекта, употребляющихся в ряде северных таджикских говоров 144.

Для выражения действия определенного момента ягнобский язык создал инфинитивную конструкцию (§§ 134-137), прообразом которой явились диалектные таджикские формы, состоящие из инфинитива и спрягаемых форм глагола *doštan* 'иметь' (*raftan dorad* 'он идет', *raftan došt* 'он шел в тот момент').

Моделирование по таджикскому образцу — широко распространенное явление в области словообразования и особенно синтаксиса. По таджикской модели построено копулятивное словосложение типа *žúta-púta* (§ 282). Многие ягнобские синтаксические конструкции являются буквально слепками соответствующих таджикских конструкций. Это, например, предикативные обороты с модальными словами *žáyt, bóyad, zóro, magám* (§§ 106, 139), а также с глаголом *ton-* 'мочь'. В дальнейшем, очевидно, сочетание инфинитива с глаголом *ton-* (§ 139) постепенно вытеснит ягнобский потенциалис (§ 121).

В фонетике к числу заимствований относится наличие в ягнобском верхнефарингальных согласных (§ 11) и переход в ряде слов *o > ū* перед *m* и *n* (§ 6).

В речи некоторых ягнобцев наблюдается стирание фонологической значимости долготы в вокализме, превращающейся под влиянием таджикского языка в функцию ударения 145.

Итак, конкретное исследование влияния таджикского языка на ягнобский показывает, что, как бы ни велика была интерференция, говорить о каком-то «исчезновении» языка пока нет никаких оснований, тем более, что сфера ягнобской морфологии в общем-то оказывается труднопроницаемой для таджикских морфем.

Ягнобцы легко переходят с родной речи на таджикскую, но при этом темп речи некоторых из них несколько замед-

ляется, что, вероятно, свидетельствует о несовершенном владении ими таджикским языком.

По фонетическим и грамматическим свойствам таджикская речь ягнобцев вместе с окружающими таджикскими говорами близка к верхнефальгарским и нижнематчинским говорам¹⁴⁶, однако имеет также ряд отличительных особенностей. Во время разговора на таджикском языке отдельные ягнобцы допускают отклонения от норм таджикского языка. В собранных нами материалах встретились следующие случаи таких отклонений:

1) под влиянием ягнобского глагольного окончания 1-го лица множественного числа *-im* (§ 103) окончание 1-го лица множественного числа настоящего-будущего времени сослагательного наклонения произносится как *-im* вместо обычного *-em*: *raftá Márxtimayn ba tamošo kunim* 'пойдемте посмотрим в Мархтимайне'; *hámtu-am lačát kunim, xúdaš maydá šudá méravat* 'так вот тоже ударим ногой, сам развалится';

2) по аналогии с энклитическими местоимениями единственного числа ягнобского языка таджикские местоименные энклитики 1-го и 3-его лица единственного числа произносятся как *-im*, *-iš*: *zúr-im nárasad* 'пожалуй, у меня не хватит силы'; *bač-iš-am raft-ku oxi hamín rüz* 'ее сын тоже ведь сегодня уехал'; *man yákt-iš-a ponzdáh rüz peš giriftam* 'я взял одну пятнадцать дней назад';

3) употребление форм изъявительного наклонения вместо сослагательного в сочетаниях с модальным словом *tumkín* (см. § 113): *hamín waxt tumkín Dýmzoj raft* 'в это время он, наверное, ушел в Думзой' (вместо *raftá bošád*);

4) употребление ягнобского союза *-k* в условном придаточном предложении (вместо таджикского союза *agar*): *ná-k-tūnat furūxtán?* 'а если он не позволит продавать?';

5) нарушение согласования в числе: *monéd, in odamó čoy méxūrat* 'оставьте, эти люди пьют чай'; *vayhó ās namérvad* 'они вообще не пойдут';

6) употребление созданного экспромтом предлога *a peš* вместо имеющегося в таджикском *peš az* 'до': *a peš inqilóbraft xūčagi bčd hamú boló-ba* 'до революции там наверху было семь хозяйств'.

Иногда в таджикской речи ягнобцев встречаются вставки отдельных ягнобских слов и словосочетаний: *Nurmahmát, čoy hast, dam kun rayísi-xotír* 'Нурмахмад, чай есть, завари председателю'; *a Nómithkon úrū avésom mégūt* 'мы спустились по ту сторону Номиткона, — говорит он'; *iīs, aīsoná-ra jūš dor* 'заходи, послушай сказку'; *mána in kas sapsim yačnobi náčitivošt* 'вот этот человек совсем не знает ягнобского'; *vay šax čúčka bčd* 'он стоял прямо'; *rav, a xok ob biyor* 'пойди, принеси воды из источника' (ягн. *xok* — тадж. *čašmá*).

Ягнобно-согдийские диалектные отношения

Проблема согдийских диалектов давно находится в центре внимания иранистов¹⁴⁷. Наиболее тщательно она была изучена одним из лучших знатоков согдийского языка проф. В.Б. Хеннингом¹⁴⁸. Его точка зрения сводится к следующему.

Взаимоотношения различных форм согдийского языка пока еще недостаточно исследованы. До сих пор собственно неясно, насколько правомерно вообще говорить о диалектах этого языка. Если исключить дифференции, обусловленные разновидностями письма и орфографическими системами, то возникает вопрос, действительно ли остальные отличительные черты базируются на диалектных различиях. Они ведь могут отражать иную ступень в развитии одного и того же диалекта или же возникнуть в результате относительно изолированного положения группы говорящих внутри общества. Именно социологический фактор не следует упускать из виду при исследовании манихейско-согдийского и христианско-согдийского, где речь идет о религиозных общинах со сравнительно небольшим числом членов, которые в силу исторических причин образовали «замкнутые общества», а это являлось, в свою очередь, хорошей почвой для возникновения языковых особенностей, а также для сохранения некоторых древних черт (ср., например, еврейско-персидский).

В области фонетики существенных различий до сих пор обнаружено не было. Например, христианско-согдийские формы *mc'(ma(c)cā)* и *ms'(ma(s)sā)* 'сюда' в противоположность

ляется, что, вероятно, свидетельствует о несовершенном владении ими таджикским языком.

По фонетическим и грамматическим свойствам таджикская речь ягнобцев вместе с окружающими таджикскими говорами близка к верхнефальгарским и нижнематчинским говорам¹⁴⁶, однако имеет также ряд отличительных особенностей. Во время разговора на таджикском языке отдельные ягнобцы допускают отклонения от норм таджикского языка. В собранных нами материалах встретились следующие случаи таких отклонений:

1) под влиянием ягнобского глагольного окончания 1-го лица множественного числа *-im* (§ 103) окончание 1-го лица множественного числа настоящего-будущего времени сослагательного наклонения произносится как *-im* вместо обычного *-em*: *raftá Márxtimayn ba tamošo kunim* 'пойдемте посмотрим в Мархтимайне'; *hámtu-am lačát kunim, xúdaš maydá šudá méravat* 'так вот тоже ударим ногой, сам развалится';

2) по аналогии с энклитическими местоимениями единственного числа ягнобского языка таджикские местоименные энклитики 1-го и 3-его лица единственного числа произносятся как *-im*, *-iš*: *zúr-im nárasad* 'пожалуй, у меня не хватит силы'; *bač-iš-am raft-ku oxi hamín rüz* 'ее сын тоже ведь сегодня уехал'; *man yákt-iš-a ponzdáh rüz peš giriftam* 'я взял одну пятнадцать дней назад';

3) употребление форм изъявительного наклонения вместо сослагательного в сочетаниях с модальным словом *tumkín* (см. § 113): *hamín waxt tumkín Dýmzoj raft* 'в это время он, наверное, ушел в Думзой' (вместо *raftá bošád*);

4) употребление ягнобского союза *-k* в условном придаточном предложении (вместо таджикского союза *agar*): *ná-k-tūnat furūxtán?* 'а если он не позволит продавать?';

5) нарушение согласования в числе: *monéd, in odamó čoy méxūrat* 'оставьте, эти люди пьют чай'; *vayhó ās namérvad* 'они вообще не пойдут';

6) употребление созданного экспромтом предлога *a peš* вместо имеющегося в таджикском *peš az* 'до': *a peš inqilób haft xūjagí bčd hamí boló-ba* 'до революции там наверху было семь хозяйств'.

Иногда в таджикской речи ягнобцев встречаются вставки отдельных ягнобских слов и словосочетаний: *Nurmahmát, čoy hast, dam kun rayísi-xotír* 'Нурмахмад, чай есть, завари председателю'; *a Nómithkon úrū avésom mégūt* 'мы спустились по ту сторону Номиткона, — говорит он'; *iīs, aīsoná-ra jūš dor* 'заходи, послушай сказку'; *mána in kas sapsim yačnobi náčitivošt* 'вот этот человек совсем не знает ягнобского'; *vay šax čúkka bčd* 'он стоял прямо'; *rav, a xok ob biyor* 'пойди, принеси воды из источника' (ягн. *xok* — тадж. *čašmá*).

Ягнобно-согдийские диалектные отношения

Проблема согдийских диалектов давно находится в центре внимания иранистов¹⁴⁷. Наиболее тщательно она была изучена одним из лучших знатоков согдийского языка проф. В.Б. Хеннингом¹⁴⁸. Его точка зрения сводится к следующему.

Взаимоотношения различных форм согдийского языка пока еще недостаточно исследованы. До сих пор собственно неясно, насколько правомерно вообще говорить о диалектах этого языка. Если исключить дифференции, обусловленные разновидностями письма и орфографическими системами, то возникает вопрос, действительно ли остальные отличительные черты базируются на диалектных различиях. Они ведь могут отражать иную ступень в развитии одного и того же диалекта или же возникнуть в результате относительно изолированного положения группы говорящих внутри общества. Именно социологический фактор не следует упускать из виду при исследовании манихейско-согдийского и христианско-согдийского, где речь идет о религиозных общинах со сравнительно небольшим числом членов, которые в силу исторических причин образовали «замкнутые общества», а это являлось, в свою очередь, хорошей почвой для возникновения языковых особенностей, а также для сохранения некоторых древних черт (ср., например, еврейско-персидский).

В области фонетики существенных различий до сих пор обнаружено не было. Например, христианско-согдийские формы *mc'(ma(c)cā)* и *ms'(ma(s)sā)* 'сюда' в противоположность

буддийскому *mrtis'r* или *kəʔ* 'сделал' в противоположность **krtwδʔ* являются лишь продуктами позднейшей ступени развития.

Иное дело, если бы удалось доказать, что отраженное в графике христианско-согдийских текстов различие фонем *δ* и *ʔ* во всех других формах согдийского языка перестало существовать. Однако одного только того обстоятельства, что в словах, заимствованных персидским языком из согдийского, *l* отражает оба звука — *δ* и *ʔ*, недостаточно для решения этого вопроса, тем более, что различие *δ* и *ʔ* отражено арабской графикой в согдийской лексике, приводимой Бируни, а также подкрепляется фонетикой ягнобского языка (*d* — зап. *t*, вост. *s*).

Аналогично положение и в области морфологии. Так, убывание форм имперфекта в пользу перфекта в христианско-согдийском является всего лишь упрощением первоначально более сложной глагольной системы, происшедшим в условиях конфессиональной (и, соответственно, социальной) изоляции христианско-согдийского^{148а}.

Отдельные незначительные дифференции внутри христианско-согдийского могут объясняться главным образом индивидуальными особенностями писцов. Манихейско-согдийский отличается от общесогдийского лишь в мелочах. В настоящее время возникла настоятельная необходимость заново исследовать общесогдийский, т.е. главным образом язык буддийских текстов.

Таким образом, исходя из высказываний В.Б. Хеннинга, на данном этапе изучения согдийского языка мы не можем на основании сохранившихся текстов установить его подлинно диалектные разновидности, которые все же, несомненно, должны были существовать, о чем свидетельствует материал ягнобского языка.

Именно ягнобский язык является продолжением одного из диалектов согдийского. Следовательно, наряду с общесогдийскими чертами этот диалект обладал еще своими собственными, отличавшими его от других разновидностей согдийского языка. Выявить все эти особенности — дело чрез-

вычайной трудности прежде всего потому, что за период своего многовекового взаимодействия с таджикским языком этот согдийско-ягнобский диалект претерпел существенные изменения. Многие отличительные черты, которые, на первый взгляд, могут показаться диалектными, на самом деле являются результатом позднего развития, либо спонтанного, либо обусловленного языковым взаимодействием. Поэтому не удивительно, что при решении вопроса ягнобско-согдийских диалектологических отношений могут возникнуть различные мнения.

Наиболее обстоятельно этот вопрос разработан в диссертации М.Н. Боголюбова¹⁴⁹.

Исследовав самым тщательным образом ягнобско-согдийские фонетические соответствия, М.Н. Боголюбов пришел к заключению, что, очевидно, «в состав согдийской языковой общности входил территориальный диалект, в котором:

1) общесогдийскому щелевому *δ* противопоставлялся смычный *d*; глухой щелевой *ʔ* диалекта отразился в ягнобских говорах как *t* (зап.) и *s* (вост.), аналогично отразился бы в говорах и звонкий щелевой **δ* диалекта > **d* (зап.) и **z* (вост.). Оба говора дают лишь соответствие: иран. *d* > ягн. *d*. Последнее указывает на то, что ягнобский унаследовал иранское *d* непосредственно, минуя этап *δ*;

2) древняя группа *ʔr* удерживалась в анлауте и переходила в *l* в интервокальном положении, напр.: иран. **ʔray* — 'три', согд. *δry* **ʔre:* и *šy* **še:*, ягн. зап. *tiray*, вост. *saray* из общеягн. **ʔray*; ягн. *o:l* 'огонь', согд. **š* **a:š*, иран. **a:ʔr*;

3) древняя группа *dr-*, *-dr-* сохранялась, например: ягн. *diraw* 'волос', согд. *zwy* **žawi* (< *δraw*, ср. осет. *zrdy*, ормури *dri*); ягн. *mirda* (< **midraka-*) 'ожерелье', согд. *mwž'* *kk* (< **mudr-*) 'жемчуг', ср. сангл. *murdik* 'камень';

4) краткое *a* перед *rt* замещалось долгим *a:* > ягн. *o:*, ср. ягн. *ma:rt* 'мужчина', согд. *mrt* **mart*, тадж. *ma:rd*; ягн. *so:rt* 'холодный', согд. *srt* **sart*, тадж. *sard*.

Имеются диалектные различия в области морфологии, которые, по мнению М.Н. Боголюбова, заключаются в следующем:

1) « в отличие от согдийского ягнобский развил внешний аугмент (аугмент при бесприставочных глаголах): ягн. *avar* 'он унес' < **abarāt*, утратив внутренний (аугмент при приставочных глаголах): ягн. *divar-* 'вводить' (< **ati-bara-*) - *adivar* 'он ввел';

2) окончание -*o:r* (авест. - *o:rai* - первичное окончание 3-го л. мн.ч. среднего залога) сближает ягнобский язык с сакским и хорезмийским и отличает его от согдийского ».

Что касается исконно ягнобской лексики, то она, отмечает М.Н. Боголюбов, « подобно фонетике и морфологии языка, говорит и о том, что диалекты, лежащие в основе ягнобского языка и языка согдийских текстов, разные » (ср. ягн. *jurda* 'глаз', *γayk* 'дочь', *rax* 'рот', *nos-* 'брат', « которые незнакомы согдийским текстам »).

Выяснением ягнобско-согдийских диалектологических отношений занимался также В.А. Лившиц¹⁵⁰. По его мнению, основные отличия согдийско-ягнобского диалекта от диалекта, легшего в основу языка согдийской письменности, выражаются в том, что:

1) « древнеиранская группа *ʃr-* в согдийском перешла в *š*, в ягнобском она отразилась как *tr* (западный говор), *sr* (восточный говор): др.-ир. *ʃray* 'три', согд. *šē*, ягн. *tiráy//saráy*;

2) древняя группа *dr* перешла соответственно в согдийском в *ž*, в ягнобском она сохранялась в начале слова и переходила в -*rd-* после гласного: др.-ир. *draw* 'волос', согд. *žaw-*, ягн. *diráw*; др.-ир. *mudraka* 'бусина, ожерелье', согд. *māžak*, ягн. *mirda*;

3) в отличие от согдийского в ягнобском все глаголы образуют прошедшее время с помощью префикса (аугмента) *a-*, тогда как в согдийском этот префикс выступал только в приставочных глаголах, причем располагался после приставки (ср. согд. *βāw* 'он пришел', ягн. *avōw*; согд. *pāgaxs* 'он остался' от *ʔpraxs-*, ягн. *apiráxs*);

4) флексия 3-го лица множественного числа -*or* сближает ягнобский с авестийским, хорезмийским и хотано-сакским и отличает его от согдийского диалекта письменных памятников;

5) отмечаются определенные лексические различия, например, ягн. *jurda* 'глаз' - согд. *šastm, šam*; ягн. *γayk* 'дочь' - согд. *βuyd, βyut*; ягн. *pirónt-* 'продавать' - согд. *parēδ-*; ягн. *rax* 'рот' - согд. *kūš* и др. ».

В.А. Лившиц высказывает предположение, что ягнобский язык является потомком раннесредневековых согдийских диалектов уструшанской группы, так что его отличия от письменного согдийского отражают различия между согдийскими говорами горной Уструшаны и согдийским диалектом Самарканды, легшим в основу письменного согдийского языка.

Итак, различия во мнениях двух исследователей, М.Н. Боголюбова и В.А. Лившица, касаются лишь области фонетики. Лившиц исходит из того, что ягнобское *d* является поздним развитием общесогдийского *δ*. Эта точка зрения была высказана в свое время Р. Готью и В.Б. Хеннингом. Так, Р. Готье отмечает, что до того ягнобское *d* является поздним развитием общесогдийского *δ*. Эта точка зрения была высказана в свое время Р. Готью и В.Б. Хеннингом. Так, Р. Готье отмечает, что доказательством разграничения в согдийском *δ* и *ʃ* служит тот факт, что в ягнобском мы имеем *d-* < *δ-* и *i-* < *ʃ-*¹⁵¹.

По мнению В.Б. Хеннинга, противопоставление согдийских *δ* - *ʃ* сохранилось в ягнобском в виде противопоставления *d* - *t* (зап.), *s* (вост.)¹⁵².

Одним из доводов в пользу того, что ягн. *d* является непосредственным продолжением др.-ир. *d*, считается отсутствие противопоставления зап. **d* - вост. **z*, которое якобы должно было бы быть, если бы согдийско-ягнобский диалект имел фонему *δ*. Тогда результат эволюции обоих спирантов в современном ягнобском должен был бы выглядеть так:

согд.-ягн. * <i>δ</i>	{	зап.ягн.	* <i>d</i>
		вост.ягн.	* <i>z</i>
согд.-ягн. <i>ʃ</i>	{	зап.ягн.	<i>t</i>
		вост.ягн.	<i>s</i>

Но дело в том, что едва ли допустимо предполагать параллельное развитие δ и ϑ . Вопрос о фонематической значимости согдийского δ очень сложен. Большое внимание уделил ему В. Хеннинг. В свое время он выдвинул гипотезу¹⁵³, согласно которой в большинстве согдийских диалектов др.-ир. $d(\delta)$ и ϑ слились в одну фонему, которая в западных согдийских диалектах была близка по звучанию к l , в то время как в восточных она скорее произносилась как d . С другой стороны, различие между δ и ϑ сохранялось в согдийско-христианском, точно так же, как в ягнобском ($d - t/s$) или хорезмийском.

В. Хеннинг подчеркивал, что его гипотеза должна рассматриваться как намеренное упрощение очень сложной проблемы. Позднее он отметил также сохранение следов различий δ и ϑ в согдийской лексике, встречающейся в сочинениях Бируни (см. выше). Согдийская азбука, найденная в июне 1965 г. при раскопках цитадели древнего Пенджикента, также указывает, как и графика согдийско-христианских текстов на сохранение различий между δ и ϑ ¹⁵⁴.

Остается добавить еще высказывание И. Гершевича о том, что неизвестно, каково было в точности произношение согдийского δ в тех случаях, когда другие иранские языки имеют l (ср. согд. $pt\vartheta\delta t$ 'чаши' — перс. $peizāle$)¹⁵⁵.

Профессор В.И. Абаев (устное сообщение) считает, что фонетическую систему языка Авесты следует рассматривать как исходную для восточноиранских языков. Там мы имеем d в анлауте, но δ в инлауте. Очевидно, и в протоягнобском в интервокальной позиции также было δ . Подтверждение этому мы находим на материале осетинского языка, близкого ягнобскому. О том, что в древней стадии осетинского — аланском — в интервокальной позиции было δ , а не d , свидетельствуют заимствования из аланского в венгерском: $büz$ 'запах' (осет. $būd//bod\delta$ 'благовоние', 'ладан', авест. $baoda-$ 'запах'); $fizetr-$ 'платить' (осет. $fid-$ 'платить'); $\hat{e}z$ 'вкус' (осет. ad 'вкус'); gaz 'лес' (осет. $q\hat{d}\hat{z}d$ 'лес')^{155a}.

В большинстве восточноиранских языков $d-$ перешло в δ и только лишь в сангличском и осетинском, как и в яг-

нобском, мы имеем $d-$. Интервокальное же δ в восточноиранских языках либо сохранилось, либо дало d , l ¹⁵⁶.

Еще один довод, приводимый для доказательства того, что ягн. d возникло непосредственно из др.-ир. d , состоит, по мнению М.Н. Боголюбова, в следующем: «В ягнобском, как правило, согласный преверба уподоблен по звонкости начальному согласному корня: $*uz-xwāhaya-$ > $*sxwāy-$ ягн. $suxoy-$ 'поднимать', $*ati-bara-$ > $*dvar-$ ягн. $divar-$ 'вводить'; и только в производных от $*adi-bara-$: $*a\hat{d}i-brta-(ka)$ > ягн. $tifar-$: зап. $tiforta, tirafta$, вост. $sarafta$ 'давать' наблюдается обратное: здесь начальный согласный корня уподоблен по звонкости согласному преверба. Указанное своеобразие в развитии ягнобского $tifar-$ из $*adi-bara-$ объясняется тем, что в ягнобском исторически не было звонкой пары к глухой фонеме ϑ . Отсутствие таковой и привело к обратному подчинению согласных по звонкости, т.е. оглушению коренного под воздействием согласного преверба. В согдийском в отличие от ягнобского имелись обе фонемы — ϑ и δ . Ввиду этого согд. $\delta\beta r$ 'давать' можно читать не с глухими согласными в начале ($*\vartheta far-$), как это принято делать под влиянием ягнобского $tifar-$, а со звонкими: $*\delta var-$ ¹⁵⁷.

Разберем этот довод, начиная с его заключительной части, т.е. с вопроса о том, как звучал глагол со значением «давать» в согдийском. В согд.-будд. и согд.-ман. он пишется как $\delta\beta r-$, в согд.-хр. — как $tbr-$ ¹⁵⁸. Именно этот факт подтверждает то, что $\delta\beta r-$ следует читать как $\vartheta var-$, ибо знаком «тау» сирийского письма в согдийско-христианских текстах обозначается фонема ϑ . Что касается согдийского δ , то он отражается в сирийском письме через d ¹⁵⁹. Таким образом, если бы глагол $\delta\beta r-$ произносился как $*\delta var-$, то в согдийско-христианских текстах мы имели бы вместо $tbr-$ написание $*dbr-$. Этимология этого глагола давно занимала иранистов. В настоящее время большинство исследователей принимает этимологию, предложенную В. Хеннингом и И. Гершевичем: согд. $\vartheta var-$ (ягн. $t(i)\hat{f}ar-$) < $*fvar-$ < $fra-bara-$: $\vartheta var-$ < $fra-barta-$ с диссимиляцией f перед губным спирантом¹⁶⁰.

Такая этимология поддерживается данными хорезмийского и хотано-сакского языков, в которых глагол «давать» продолжает др.-ир. **fra-bara-*: хорезм. *hivr-* (*hβr-*), с переходом префикса *fra-* в *ha-* и далее в *hi-* с выпадением гласного основы; хот.-сакс. *haur-*: *hauda-*, *hūda-* с аналогичными переходом *fra->ha-* и выпадением гласного (**hava-ra->havr->haur*)^{160a}. Тогда едва ли правомерно привлекать ягнобский глагол *tifār-* для доказательства того, что в согдийско-ягнобском отсутствовала звонкая пара к глухой фонеме *ʃ*. Таким образом, число доводов, приводимых для доказательства того, что ягнобское *d* миновало стадию согдийского звонкого спиранта *δ* и восходит непосредственно к древнеиранскому *d*, теперь уже весьма невелико.

Можно вполне согласиться с мнением такого опытного согдолога, как профессор И. Гершевич, о том, что согд. *ž* в *žaw* и т.д. скорее всего возникло из *δr* нежели из *dr*. Если в ягнобском никогда не было *δr*, то в этом языке нельзя ожидать появления *ž* из др.-ир. *dr*, чего и на самом деле нет в *dirāū*. С другой стороны, если ягнобский происходит из согдийского диалекта, в котором *δ* деспирантизовалось раньше, чем в других согдийских диалектах *δr* перешло в *ž*, то это, пожалуй, также явилось бы объяснением, почему данное явление отсутствует в ягнобском¹⁶¹.

Думается, что сама по себе эволюция ягнобского *d* (вне группы *dr*), какова бы она ни была, не является существенным фактором в решении вопроса ягнобско-согдийских диалектологических отношений; В. Хеннинг также предполагал, что существовали такие согдийские диалекты, в которых согласный, восходящий к др.-ир. *d*, произносился на определенном этапе скорее как *d* («*more like d*»). Такое предположение В. Хеннинга базируется на том, что в уйгурском письме, происшедшем из согдийского, знак *δ* передает взрывное *d*. Ягнобский может быть потомком одного из этих диалектов, однако вопрос о том, имел ли он изначально *d-*, а не *δ* или деспирантизация произошла на сравнительно позднем этапе, остается открытым.

Что касается *a > *ā > ягн. o* перед *rt* как диалектной особенностью ягнобского, то это, по-видимому, специфически ягнобская, но поздняя черта¹⁶².

Если исключить судьбу др.-ир. *d*, то основными диалектными отличиями ягнобского от общесогдийского в фонетике остается различное развитие древнеиранских групп *ʃr* и *dr*, которое можно наглядно представить в виде следующей таблицы:

Таблица 2

Согдийский письменный	Древнеиранский	Ягнобский
<i>š</i>	< $\begin{cases} ʃr- \\ -ʃr- \end{cases}$	* <i>ʃr-</i> > $\begin{cases} t^{(i)}r-(\text{зап.}) \\ s^{(a)}r-(\text{вост.}) \end{cases}$ -l(?)
<i>ž</i> < * <i>δr</i>	< $\begin{cases} dr- \\ -dr- \end{cases}$	* <i>δr-(?)</i> > <i>dr-</i> * <i>δr-(?)</i> > <i>rd-</i>

Переход др.-ир. *-ʃr-* > *-l-* не является окончательно доказанным. Как полагает В.А. Лившиц¹⁶³, ягн. *-δr-* > *-rd-* может указывать на то, что в интервокальной позиции *-ʃr-* должно было иметь рефлексы **-rt-*/**-rs-*, а не *-l(l)-*. Переход *-ʃr-* > *-l(l)-* постулировал В. Гейгер, исходя из ягн. *ol* ‘огонь’ и *púl(l)a* ‘сын’, возводимых им к **āʃr-* и **pūʃra-* (других слов с древнеиранским *ʃr* в ягнобском не обнаружено). Однако *ol* в ягнобском выступает только в сочетании с глаголом *xaš-* (*olxaš-* ‘зажигаться’, ‘загораться’), во всех других случаях ‘огонь’ в ягнобском – *olów* – заимствование из таджикского. Ягн. *ol* находит точное соответствие в кабули: *ol zadan* ‘излучать жар’. Заимствование в кабули из ягнобского в данном случае маловероятно; в обоих языках мы имеем дело скорее всего с мимемой. Ягн. *púl(l)a* означает прежде всего ‘младенец’, ‘ребенок’, только в определенных контекстах –

‘мальчик’ («сын» в ягн. *žūta*, согд. *žāte* < *zātaka-*), и может быть истолковано как «детское» слово.

Еще одна фонетическая особенность ягнобского языка обращает на себя внимание в связи с проблемой согдийско-ягнобских диалектологических отношений. Эта особенность состоит в том, что в исконно ягнобских словах после сонорного, как правило, следует глухой смычный, а не звонкий, как это наблюдается, например, в согдийско-манихейском 164 Согдийско-манихейским группам *-ng*: *-nd*: *-mb* (< *nb*) соответствуют ягнобские *-nk*, *-nt*, *-mp* (< *np*): ср. ягн. *sank(a)* — согд. *sang* (ав. *asənga-*) ‘камень’; ягн. *rānkīna* — согд. *rāngān* ‘цветной’; ягн. *unkūšt* — согд. *angušt* (ав. *angušta-*) ‘палец’; ягн. *-ant* — согд. *-and* (оконч. 3-го л. мн.ч.); ягн. *čintir* — согд. *čəndər* (послелог), ягн. *žāntum* — согд. *žandum* ‘пшеница’; ягн. *xīmpa* ‘гной, скопившийся в уголке глаза’, *šikāmpa* ‘желудок’, *xāmpa* ‘низина’, но согд. *šp'mbn*, *šp'mpr* (*švāmban*) ‘госпожа’, ‘женщина’, *imb'r* (*tambār*) ‘тело’ (< др.-ир. **tanu-rāra*), согд. *-xp*. *'mpd* ‘падать’ (*ambad-* < др.-ир. *ham-pata*). Исключением является лишь слово *dīndak* ‘зуб’, где, очевидно, *-nd-* возникло из *-nt-* значительно позднее под влиянием таджикского *dandón* или в результате уподобления начальному *d*. В заимствованной лексике мы почти всюду встречаем *-ng*, *-nd*, *mb* (< *nb*): *angišt* ‘уголь’, *angúr* ‘виноград’, *čang* ‘пыль’, *čangák* ‘крючок’, *balánd* ‘высокий’, *band* ‘завязка’ (ср. ягн. *vant* ‘завязка’), *lúnda* ‘круглый’, *parandá* ‘птица’, *dambál* ‘увалень’, *žumb-* ‘двигаться’, ‘шевелиться’, *xamb* ‘низина’ (ср. ягн. *xāmpa*). Группы *-nk*, *-nt*, *-mp* можно встретить в топонимах верховьев Зеравшана и Ягноба: Анкатак, Антарк, Антарсара, Варвант (в топонимах Варванти боло, Варванти пойон), Дорвант, Зампи, Испантич, Интрига, Йавгунтич, Кантук, Карантинова, Пантижнок, Синтот, Тагримпот, Гурканта.

Профессор И. Гершевич отмечает, что нет никаких данных, которые бы дали нам возможность решить, представляют ли написания *nt*, *nk*, *mp* в согдийском письме сонорный, за которым следует звонкий согласный или глухой. Однако можно предположить, что по крайней мере в возникших од-

новремененно с манихейскими (начиная с VII в. и позже) текстах, написанных согдийским письмом, произношение было *nd*, *ng*, *mp*. Но этот вариант не бесспорен, и в более ранний период могло быть и так: *nt*, *nk*, *mp*, по крайней мере, там, где в древнеиранском было *t*, *k*, *p*.

Замена древнеиранских *d*, *g*, *b* на *t*, *k*, *p* в ягнобском, очевидно, имела место в довольно ранний период. Во всяком случае, аналогичное явление мы находим уже в древнеиранских диалектах, где *-nd-* чередуется с *-nt-*, ср. *gantuma-* ‘пшеница’ и *ganti-* ‘пахнуть’ 165.

Если бы др.-ир. *nt*, *nk*, *mp* и др.-ир. *nd*, *ng*, *mb* остались неизменными в протоягнобском, то трудно допустить, что утрата звонкости произошла лишь по аналогии с группами со вторым глухим. Но если в протоягнобском имелась тенденция озвончать древнеиранские *t*, *k*, *p* после сонорного, как и в согдийско-манихейском, тогда в переходный протоягнобский период, когда, например, употреблялись параллельно *antar* ‘внутри’ (< др.-ир. *antar*) и *andar*, не было ничего противоестественного в том, что *vandak* ‘слуга’ (< др.-ир. *bandaka-*) произносился и как *vantak*. Когда уже затем, опять-таки в тот же переходный период, процесс озвончения приостановился, очевидно, возникло предпочтение *antar* перед *andar*, и последний вышел из употребления, а старое *vandak*, которое фонетически стало ассоциироваться с *andar*, было вторгнуто в сферу нового *vantak*. Для генерализации *nt* особую роль мог иметь факт морфологического характера. В тот период, когда наряду с *antar* возникло произношение *andar*, параллельно с *kunti* ‘он делает’ стали употреблять *kundi*. Большинство глаголов продолжало иметь окончания 3-го лица единственного числа *-ti* и лишь немногие — *-di*. Такое явление имело место в манихейско-согдийском. Но если это не смущало носителей согдийско-манихейского, то, вероятно, смущало носителей протоягнобского. По парадигматическим причинам они, очевидно, прекратили озвончение *t* в *kunti*, что ассоциировалось с вариантами типа *antar* и способствовало ослаблению позиций варианта *andar*. Когда стал прекращаться процесс озвончения в группе *nt*, то это

было, очевидно, перенесено и на случаи с *nk* и *tr*¹⁶⁶. Ранние заимствования из таджикского подчинялись описанным выше правилам, что подтверждается, например, наличием таких пар, как *čank//čang* 'пыль', *tank//tang* 'узкий', *púmrak//púmbak* 'почка растений'. Это свидетельствует о том, что рассмотренная закономерность проявилась раньше, чем возникла тенденция массового заимствования из таджикского.

На первый взгляд может показаться, что и ягнобское *žúta* 'сын' есть диалектная форма согд. *z't'k*. Здесь, однако, скорее всего имело место позднейшее возникновение *ž < o < согд. ā* по аналогии с глаголом *žū-* 'жить', тем более, что ни в одном другом ягнобском слове подобное явление не наблюдается.

Единое мнение существует в отношении того, что иное употребление аугмента в ягнобском сравнительно с согдийским должно считаться одним из его диалектных признаков.

В согдийском литературном языке древнеиранский аугмент исчез во внешней позиции, но сохранился во внутренней (между приставкой и основой глагола). При этом в основном имели место следующие явления: *-a* приставки + аугмент > *ā*, *-i* приставки + аугмент > *i*: *p'rxs* (*pāraxs*), 3-е лицо единственного числа прошедшего времени глагола *prxs-* 'оставаться' (*p-* < др.-ир. *apa-*); *fr'm'y* (*frāmāy*), 3-е лицо единственного числа прошедшего времени глагола *frm'y-* 'приказывать' (*fr-* < др.-ир. *fra-*); *ptywš* (*patījūš*), 3-е лицо единственного числа прошедшего времени глагола *ptywš-* 'слушать' (*pt-* < *pati-*); согд.-будд. *zyw'rt'nt* (*zīwārtand*), 3-е лицо множественного числа прошедшего времени глагола *zw'rt-* 'возвращаться' (*z-* < *uz-*). Имелись и некоторые другие особенности в употреблении согдийского аугмента, которые подробно описаны в работах И. Гершевича и Г. Рейхельта¹⁶⁷. Более того, целый ряд согдийских приставочных глаголов образовывал формы имперфекта вообще без аугмента¹⁶⁸.

Итак, можно говорить об ограниченном использовании аугмента в образовании форм прошедшего времени в литературном согдийском языке.

Иначе обстоит дело в ягнобском. Здесь внешний аугмент приобрел универсальное значение: он образует формы прошедшего времени абсолютно со всеми глаголами (ср. *apirāxs* 'он остался', *afarmóy* 'он приказал', *adužúš* 'он услышал', *aživórtor* 'они вернулись', *avówim* 'я пришел', *awén* 'он увидел' и т.д.).

Может быть в связи с ограниченным употреблением аугмента в согдийском связано и то, что в согдийско-христианских текстах формы имперфекта употребляются крайне редко, зато формы перфекта, имея тенденцию к стяжению, следовательно, к превращению из сложных в простые, используются даже тогда, когда можно было бы ожидать употребления имперфекта¹⁶⁹. Если исходить из того, что язык согдийско-христианских текстов — это позднее стилистико-хронологическое состояние согдийского, то налицо еще одна согдийско-ягнобская дифференция, а именно: разные пути преобразования древнеиранского имперфекта. В ягнобском четко сохраняется аугмент, следовательно, формы имперфекта развиты и дифференцированы от перфекта. В согдийском, судя по христианским текстам, наоборот, наблюдается тенденция поглощения форм имперфекта формами перфекта.

Вполне вероятно, что при развитой системе имперфекта в согдийско-ягнобском диалекте могли вообще отсутствовать перфектные формы, образованные от прошедших основ переходных глаголов при помощи вспомогательного глагола *š'r* (согд.-хр. *d'r*) 'иметь', столь широко употребительные в литературном согдийском: согд.-ман. *šβrtš'r* от *šβr-* 'давать', *xwrtš'r* от *xwr-* 'есть'¹⁷⁰.

Неоспоримо включение в число различительных диалектных признаков глагольного окончания 3-го лица множественного числа *-or*, одного из так называемых *r*-овых окончаний (*die r-haltigen Endungen*)¹⁷¹, встречающихся также в авестийском, хорезмийском и хотано-сакском языках. Ягнобскому *-or* в согдийских письменных памятниках противопоставляется окончание *-and*¹⁷²: ср. ягн. *awénor* 'они увидели' — согд.-ман. *wyn'nd*; ягн. *atifarór* 'они дали' — согд.-ман. *šβr'nd*.

Итак, выделяются два различительных диалектных признака в морфологии, оба относятся к сфере глагола. Система ягнобского глагола отличается от согдийской также рядом других черт, которые в подавляющем большинстве вероятнее всего должны расцениваться как позднейшие новообразования¹⁷³. Тем не менее есть и такие явления, о которых нельзя сказать со всей определенностью, что они только результат позднейшего развития языка.

В согдийском литературном языке употреблялось несколько глагольных частиц: *x't*; *k'm*, *k'n*; *sk(wn)*, *k(n)*; *'štn*¹⁷⁴. При помощи частицы *x't*, происходящей от формы 3-го лица единственного числа сослагательного наклонения глагола бытия, образовывалась вторичная форма сослагательного наклонения: согд.-ман. *'krtyy /s/tyy x't* 'должно было бы быть сделано', *qδ'rmx't* 'если бы я сделал'.

Частица *k'm*, *k'n* (в христианских текстах *q*, *q'*, *q'n*) присоединялась обычно к формам настоящего времени для придания им значения будущего времени: *jwtk'm* 'он будет жить', *ny w'c'mk'm* 'я не позволю', *myryuk'm* 'ты умрешь'.

Иногда она употреблялась для усиления значения сослагательного и желательного наклонений.

Манихейская частица *skwn* имела варианты *sk*, *kn*, *k*, она обозначала длительность, встречалась в согд.-хр., где выступала в форме *sqn*. В согд.-будд. имелось только (*'*)*skwn*. Эта частица использовалась:

- 1) в формах настоящего времени;
- 2) в формах имперфекта: согд.-ман. *γrβ'skwn* 'он знал', *kn'skwn* 'он копал', согд.-будд. *tyk'wš'nt'skwn* 'они смотрели';
- 3) с формами желательного наклонения в значении претерита: *syyskwn* 'она брала', *sn'yyskwn* 'она мыла';
- 4) с претеритом на *-āz-*: *šw'zskwn* 'он шел' (англ. *he was going*).

Ни одна из перечисленных частиц в ягнобском не встречается. Естественно, напрашивается вопрос, имелись ли они в нем прежде? Дать прямого ответа на него нельзя, но, проводя параллель между таджикским и ягнобским, можно сде-

лать одно предположение. Известно, что формы будущего категорического времени (типа *xoham raft* 'я пойду') не встречаются ни в говорах таджикского языка, ни даже в общеразговорном таджикском языке. Они принадлежат исключительно литературному языку, поэтому их называют также формами литературного будущего времени¹⁷⁶. Действие, которое должно состояться, выражается в общеразговорном таджикском языке формой настоящего-будущего времени (*méravam* 'я пойду').

В ягнобском языке, где нет особых форм будущего времени, наблюдается аналогичное явление (*šáwomišt* 'я иду' и 'я пойду'). Очевидно, учитывая сравнение с таджикским языком, можно допустить, что в согдийско-ягнобском диалекте не было особых форм будущего времени.

Этот вывод находит подкрепление в том, что и в памирских языках не употребляются особые формы будущего времени. Отсюда следует, что частица *k'm* могла вообще отсутствовать в согдийско-ягнобском диалекте.

Наряду с *'skwn* в согдийско-буддийских текстах встречается частица *'štn*, выполняющая те же функции. До сих пор она не была обнаружена ни в одном из манихейских или христианских текстов. Более того, она использована только в формах 1-го и 2-го лица единственного числа настоящего времени четырех наиболее употребительных глаголов: *šw-* 'идти', *δpr-* 'давать', *wyn-* 'видеть', *w'β-* 'говорить'. В тексте «Vessantara Jātaka»¹⁷⁶, где найдены почти все примеры, встречаются параллельно формы с *'skwn* и *'štn*, но если, например, *šw'm 'skwn* 'я иду' встретилось 17 раз, то *šw'm 'štn* — всего пять, *šw'y 'skwn* 'ты идешь' — восемь, *šw'y 'štn* — два, *δpr'm 'skwn* 'я даю' — восемь раз, *δpr'm 'štn* — только один¹⁷⁷. Э. Бенвенист полагает, что в этом случае можно видеть диалектальное различие. Если *'skwn* была более древней и литературной формой, свойственной всем вариантам согдийского, то частица *'štn* принадлежала разговорному языку, откуда она попала в литературный.

Такая интерпретация позволяет понять, почему только *'štn* сохранилось до сих пор в ягнобском, где она представлена глагольным аффиксом *-išti*, присоединяемым к личным

окончаниям: ср. ягн. *šáwomišt* 'я иду' — согд. *šw'm 'štn*; ягн. *išáromišt* 'я даю' — согд. *špr'm 'štn*; ягн. *wóvišt* 'ты говоришь' — согд. *w'β'y 'štn*.

Нельзя определить из-за недостатка примеров, присоединялось ли *'štn* кроме настоящего времени также к другим временным формам, как это наблюдается в ягнобском, где *-išt* используется в формах прошедшего длительного. Во всяком случае, непрерывность функции заставляет думать о том, что формы с *'štn* были живыми в согдийско-буддийском, в то время как *'skwn* преобладало, поддерживаемое традицией¹⁷⁸.

По Бенвенисту, ягн. *-išt* < согд. *'štn* благодаря отпадению конечного *-n*, точно так же как *sk* < *'skwn*, подобно парфянскому *'št*, согд. *'štn* < др.-ир. *hišta-* (презенс глагола *stā-* 'стоять')¹⁷⁹. В то же время допустимо предполагать непосредственное происхождение ягн. *-išt* от др.-ир. *hista-*¹⁸⁰. Как бы то ни было, этимологическая и функциональная связь между согд. *'štn* и ягн. *-išt* совершенно очевидна.

В согдийском языке имелось причастие настоящего времени на *-ān*, которое выступало также в адвербиальной функции¹⁸¹: *r'y'n* 'плачущий', 'плача'. Специальных деепричастных форм в согдийском не было. В ягнобском есть две формы деепричастий: на *-on* и *-ki*. Трудно определить, продолжает ли ягнобское деепричастие на *=on* согдийское причастие наст.вр. или является калькой таджикского причастия (=деепричастия) настоящего времени на *=on* (ср. *xandón* 'смеющийся', 'смеясь'). И то и другое допустимо.

Что касается деепричастия на *-ki*, то нет оснований считать его наличие в ягнобском результатом влияния таджикского языка. В то же время неясна этимология суффикса, образующего это деепричастие.

Наконец, остается рассмотреть диалектологические отношения ягнобского и согдийского в сфере лексики. Сравнение исконной ягнобской лексики с той частью согдийской лексики, которая зафиксирована в глоссариях к расшифрованным текстам, дает возможность выявить некоторое количество слов, присущих только ягнобскому.

Некоторые из этих слов были приведены в качестве примеров М.Н. Боголюбовым и В.А. Лившицем (см. выше). Дополнением могут служить ягн. *diwi-* 'падать' — согд.-хр. *'mrd*, согд.-будд. *'npt*; ягн. *šax-* 'подниматься' — согд. *'nyz*; ягн. *wid-* 'бросать' — согд. *p's'y*; ягн. *vān(n)* 'длинный' — согд. *βrz'k*, *βrzyu*, а также, вероятно, ягн. *laks-* 'ходить', 'бродить', *líxna* 'гладкий', *mākša* 'однолетний теленок', *piyón* 'вчера', *rask* 'прямой', *sínčín* 'игла', *xišóy-* 'жевать', *xinij-* 'пахтать', *šayt-* 'успевать', *zimák-* 'сосать' и т.д.

Можно значительно расширить список ягнобских «диалектизмов», но этим еще не будут раскрыты истинные взаимоотношения двух языков в области словаря.

Основная причина в том, что пока отсутствует сводный словарь согдийской лексики, основанный на сплошной росписи всех имеющихся согдийских текстов. Составление же такого словаря в какой-то мере задерживается из-за того, что часть добытых согдийских документов все еще остается непрочитанной.

Есть ли гарантия, что в сводном согдийском словаре не обнаружатся слова, которые мы сейчас считаем ягнобскими «диалектизмами»? Такой гарантии нет. Подтверждением этого вывода служит обнаружение слова *gax* 'рот' в согдийской надписи Афрасиаба¹⁸². Следовательно, можно рассчитывать на обнаружение все новых и новых фактов (как лексических, так и, очевидно, в меньшей мере, грамматических). Пока задача согдологов состоит в том, чтобы фиксировать эти факты, не делая при этом каких-либо решающих выводов в отношении диалектов согдийского языка.

ТЕКСТЫ

Тексты записаны: I-XIII — от Худаёра Сафарова (29 лет, сел. Вагинзой), XIV-XV — от Хусейна Сангинова (41 год, сел. Мархтимайн), XVI — от Нурали Нунова (40 лет, сел. Муштиф), XVII-XVIII — от Каноата Раззокова (61 год, сел. Питип), XXI — от Ибрагима Сафарова (50 лет, сел. Питип), XXII — от Убайдуллы Сафарова (10 лет, сел. Питип), XXIII — от Мирзо Каноатова (19 лет, сел. Питип), XXIV — от Боя Ра-

окончаниям: ср. ягн. *šáwomišt* 'я иду' — согд. *šw'm 'štn*; ягн. *tifáromišt* 'я даю' — согд. *šβr'm 'štn*; ягн. *wóvišt* 'ты говоришь' — согд. *w'β'y 'štn*.

Нельзя определить из-за недостатка примеров, присоединялось ли *'štn* кроме настоящего времени также к другим временным формам, как это наблюдается в ягнобском, где *-išt* используется в формах прошедшего длительного. Во всяком случае, непрерывность функции заставляет думать о том, что формы с *'štn* были живыми в согдийско-буддийском, в то время как *'skwn* преобладало, поддерживаемое традицией¹⁷⁸.

По Бенвенисту, ягн. *-išt* < согд. *'štn* благодаря отпадению конечного *-n*, точно так же как *sk <'skwn*, подобно парфянскому *'št*, согд. *'štn* < др.-ир. *hišta-* (презенс глагола *stā-* 'стоять')¹⁷⁹. В то же время допустимо предполагать непосредственное происхождение ягн. *-išt* от др.-ир. *hista-*¹⁸⁰. Как бы то ни было, этимологическая и функциональная связь между согд. *'štn* и ягн. *-išt* совершенно очевидна.

В согдийском языке имелось причастие настоящего времени на *-ān*, которое выступало также в адвербиальной функции¹⁸¹: *r'y'n* 'плачущий', 'плача'. Специальных деепричастных форм в согдийском не было. В ягнобском есть две формы деепричастий: на *-on* и *-ki*. Трудно определить, продолжает ли ягнобское деепричастие на *=on* согдийское причастие наст.вр. или является калькой таджикского причастия (=деепричастия) настоящего времени на *=on* (ср. *xandón* 'смеющийся', 'смеясь'). И то и другое допустимо.

Что касается деепричастия на *-ki*, то нет оснований считать его наличие в ягнобском результатом влияния таджикского языка. В то же время неясна этимология суффикса, образующего это деепричастие.

Наконец, остается рассмотреть диалектологические отношения ягнобского и согдийского в сфере лексики. Сравнение исконной ягнобской лексики с той частью согдийской лексики, которая зафиксирована в глоссариях к расшифрованным текстам, дает возможность выявить некоторое количество слов, присущих только ягнобскому.

Некоторые из этих слов были приведены в качестве примеров М.Н. Боголюбовым и В.А. Лившицем (см. выше). Дополнением могут служить ягн. *diwi-* 'падать' — согд.-хр. *mpd*, согд.-будд. *'npt*; ягн. *šax-* 'подниматься' — согд. *'nuz*; ягн. *wid-* 'бросать' — согд. *p's 'y*; ягн. *vān(n)* 'длинный' — согд. *βrz'k, βrzyu*, а также, вероятно, ягн. *laks-* 'ходить', 'бродить', *lixna* 'гладкий', *mākša* 'однолетний теленок', *piyón* 'вчера', *rask* 'прямой', *sínčín* 'игла', *xišóy-* 'жевать', *xi-níj-* 'пахтать', *fayt-* 'успевать', *zimák-* 'сосать' и т.д.

Можно значительно расширить список ягнобских «диалектизмов», но этим еще не будут раскрыты истинные взаимоотношения двух языков в области словаря.

Основная причина в том, что пока отсутствует сводный словарь согдийской лексики, основанный на сплошной росписи всех имеющихся согдийских текстов. Составление же такого словаря в какой-то мере задерживается из-за того, что часть добытых согдийских документов все еще остается непрочитанной.

Есть ли гарантия, что в сводном согдийском словаре не обнаружатся слова, которые мы сейчас считаем ягнобскими «диалектизмами»? Такой гарантии нет. Подтверждением этого вывода служит обнаружение слова *rax* 'рот' в согдийской надписи Афрасиаба¹⁸². Следовательно, можно рассчитывать на обнаружение все новых и новых фактов (как лексических, так и, очевидно, в меньшей мере, грамматических). Пока задача согдологов состоит в том, чтобы фиксировать эти факты, не делая при этом каких-либо решающих выводов в отношении диалектов согдийского языка.

ТЕКСТЫ

Тексты записаны: I-XIII — от Худаёра Сафарова (29 лет, сел. Вагинзой), XIV-XV — от Хусейна Сангинова (41 год, сел. Мархтимайн), XVI — от Нурали Нурова (40 лет, сел. Муштиф), XVII-XVIII — от Каноата Раззокова (61 год, сел. Питип), XXI — от Ибрагимса Сафарова (50 лет, сел. Питип), XXII — от Убайдуллы Сафарова (10 лет, сел. Питип), XXIII — от Мирзо Каноатова (19 лет, сел. Питип), XXIV — от Боя Ра-

мазонова (37 лет, сел. Питип), XXV-XXVI – от Карима Ахмадова (19 лет, сел. Пулларовут), XXVII – от неизвестного лица в сел. Пулларовут, XXVIII – от Раджабхон Саидовой (50 лет, сел. Куль), XXIX – от Хасана Садуллаева (30 лет, сел. Куль), XXX-XXXI – от Нурали Нозимова (45 лет, сел. Гармен), XXXII – от Саида Солеева (50 лет, сел. Пискон), XXXIII – от неизвестного лица в сел. Гармен.

I

1. Peštár tūyi aníranka akunóšt. Хоžgūni ašawóšt: моx žūtay ba farzandí qabúl kunt, моx šumóx жáyki qabúl kunimíšt. Uxš - aft žūmi-sa ašawóšt, ke atšošt жáyki apúrs: жáyk-im, anáwi xóys yo na? жayk awóvišt: šumo(ж) žiríftišt. Ax хoy očá хoy, хoy dodó.

2. Bā fotihá akunóšt, ke qurutób akún, hamsóya хoy awóf. Tad avúnošt, tīg ajaxóšt žūtay kat ašáw, tīk ax hamsoyótiš jām akún, ke wáxtik čiz avír, mūsafétt ī du-tiráy avówošt: Káni voū, falončá, qilíng burrim. Šumóx čo jām akúnti? Káni gab diht. Áx-tit awówošt: ponzdá móli, ī žow, bist keló zar rúžin. Tīk awóvišt: rúžin-š kam-x. Tīk ī čori-m tifár, bist pud žállam-tifár, du sad gázi-m láta tifár, čil keló mavíz tifár, čor keló čoy tifár, dah keló kallakánt tifár. Agár náitti hámmaš hūm wof, жáykim tifáromišt. Áxtit awóvor: máyliš. Viyóra nūm pač. Mox firóg viyóra tūy ūrimišt, ar(k) kūtá kuním.

3. Šawóš wóvor sohibačáy-sa: anípti awóf sohibduxtár. Ax wóftist: máyliš. Ke mūsafétt wówošt: nūm pač. Iš lákstišt = u xálqi-š wof, tīg žow kušt, šurbó kunt, xálqi-š tifórt; ke jaxóšt šáhi varór divarór, ke nikóh kunór.

4. Vat tīk tūyi tamošo: buskaší, dohiradh, aržúšti šaw, guštini nos. Lap xári-pi, lab áspi-pi vuz axašošt. Agár zimistún хoy, ixi - sárvik axašošt, dayró náranka ix akuništ, tórki - vik - š vuz adavúnošt.

5. Wáxti xéš-u tabór jām akunór, šáyi káti-sa vowóšt. Tīk áxtit rot ūrošt, kūm sutúr, kūm-iš vuz, kūm-š látta ūrošt. Tīk du viyóra anídor-k, tīk kay-k sutúr úxta áwi vuz pádi-š tifaróšt kay-k vuz úxta, áwi látta tifaróšt, kay-k látta úxta, dóka, kalúč tifaróšt. Na áūtiti zalár vútišt, na sohiptūyi.

6. Tūy-k akún, жayk du pašmūnčá-pi vóūtišt, tad du méti tūy. Tīg du viyóra-k avú, jaxóšt dodóyi kat varór pašmūnčóti-pi. Pašmūnčot č-av mayn or. Tīk du viyóra bozi-k tamóm avú, ke it karáti ūrošt, ke áni návaror. Ke bad az yag moh varóšt ponzdá rúzi dodóyi kat-š nídor. I karáti-š awūrор, ke áni-ž návarošt, to púlla-š návot. Kádi-k púlla-š avú, ke varóš: Ke oča-dodo-š tkiraxini-pi ravió kunóšt.

7. Tūyi wáxti arúsi ūri ī odám, nūm-š pežžiláw wówošt, wóftišt: sohibzáni divár mahkám kunt! To ī yoš nátifarant arúsi ostúnay úštišt pašmūnčay-pi-š. To áwi-sa ī yoč nátifarant divár nápentiš. Rásim aníranka хoy.

8. Peštár nahíranka qin хoy жayki nósak-š. Káxtit kambajál iyór, жáyki mān akunóšt, ke mardikorí akún ī dah sóli, ke ašáw жáyki anós. Dodóyi gustagtí-š hámmaš atifár. Níranka qin хoy peštár.

9. Peštár či revalúsiyay - ríti misól ša ajaxišt kasál avú, áwi arúsi mayn dŷr хoy, šáhi nawürt akunóšt, šáhi kort-š avaróšt, nikóh akún kórti-pi. Zarurí mumkín vúta.

1. Раньше свадьбу так справляли. Ходили сватать /и говорили/: «Примите нашего сына в дети, /а/ мы примем вашу дочь». До шести-семи раз ходили, потом входили и спрашивали дочь: «Дочь моя, хочешь за такого-то или нет?». Дочь говорила: «Вы /сами лучше/ знаете». Это были хоть мать, хоть отец.

2. Потом устраивали помолвку, готовили «курутоб», звали соседей. Здесь кончали, вставали и шли в дом сына, он /тоже/ созывал своих соседей. Потом, когда он собирал имущество, приходили два-три старика /и говорили/: «Ну-ка, такой-то, давай определим калым. Что вы собрали? Ну-ка, говорите». Они говорили: «Пятнадцать голов скота, корову, двадцать кило топленого масла». Тогда тот говорил: «Масла мало. Еще дай мне четырехгодовалого барана, двадцать пудов зерна, двести газов* материи, сорок кило изюма, четыре кило

* Га з – мера длины, равная приблизительно одному метру.

чая, десять кило кускового сахара. Если вы согласитесь на все это, я отдам /вам/ свою дочь». Они говорили: «Ладно. Вечером пеки лепешки. Мы завтра вечером устраиваем свадьбу, закончим дело».

3. Идут, говорят отцу юноши: «Вот так сказал отец девушки». Он говорит: «Ладно». Тогда старики говорят: «Пеки лепешки». Ему мы /тоже/ сказали: «Пеки лепешки». Он ходит, созывает народ, режет корову, готовит шурпу, угощает народ; потом встают /и/ приводят жениха, потом обручают.

4. Там еще устраивают зрелища: козлодрание, игру на бубне, танцы, борьбу. Часть на ослах; часть на лошадях таскали козла. Если была зима, /то/ таскали по льду, река так замерзала, /что/ по ее поверхности гоняли козла.

5. Когда собираются родственники, они приходят в дом жениха. Они еще приносят свадебный подарок, кто приносит барана, кто козленка, кто материю. После того как посидели два дня, кто привел барана, тому вместо этого дают козленка, кто привел козленка, тому дают материю, кто принес материю, тому дают марлю /или/ галоши. Ни им нет ущерба, ни хозяину свадьбы.

6. Как устраивают свадьбу, так приходит девушка с двумя «пашмунча», здесь два дня празднество. Как прошло два вечера, так ведут /невесту/ в дом отца с «пашмунча». /Эти/ «пашмунча» из того же села. Когда в течение двух вечеров празднество закончится, то на этот раз /невесту/ приводят /и/ больше не уводят. Потом через месяц уводят, пятнадцать дней сидят в доме ее отца. На этот же раз как привели ее, так больше не уводят, пока у нее не родится ребенок. Как только у нее появился ребенок, так ведут. Тогда родители общаются друг с другом.

7. На свадьбе во время привода невесты одна женщина, ее называют «пешджилав», говорит: «Закройте дверь /перед/ новобрачным!». Пока ей что-нибудь не дадут, она стоит у порога невесты /вместе/ с «пашмунча». Пока ей чего-нибудь не дадут, она не открывает дверь. Таков был обычай.

8. Раньше вот так трудно было жениться. Кто был бедным, ему не отдавали дочь, тогда он ходил на заработки лет

десять, потом шел и женился. Все давал, что требовал отец /девушки/. Так трудно было раньше.

9. Раньше, до революции, например, /если/ жених забовал, а селение его невесты было далеко, и не могли повести жениха, то приносили нож жениха и устраивали помолвку с его ножом. При необходимости /это/ было возможно.

II

1. *Peštár zimistún-g avú kištakarót jóüti boní akunóšt to níspi bahóri-sa. Ke níspi bahór-k avú, ke dušambé yo payšambé méti jóüti aživaróšt i vóski - lápi, ke mūsafétt jām avóšt, ke fāthā abaxsóšt: bobóyi dehqún, kušoiš tifár! Ke jóüti avántor-k i du-tiráy gom i mūsaféd vórtišt ürt du-tiráy kúči.*

2. *Ke agár havó vot, har met kištay kári vošt, awáli kam-kámi, ke žulú- žulú kíši vošt. Či syphadám šawóšt to namózi digári-sa kíšta kunór. Har jówi-dými tufór odámi šáütišt: i žoway-kára, tiráyki xórkanzan.*

3. *Har aūqót-šind varóš, jówi-xotír marj varóšt. Méti jówi tiráy nažmáj wayš widoš: x° átsint nūbáti-pi šawóšt izm činór.*

4. *Bad az du mo anáh kištagi-šint šawóš-xišóva kunór. Agár obí vot, op-š tifaróšt, tiráy yo tufór gom. Ke arás-k šawóš-rūpor, živánta vántor. Agár sāl kabýd vot, žanák-š kunóšt. Du-se rūzi aúst-k ūroš póya dihór, qoq-k avú, žow vántor xóyor.*

5. *Peštár zóyi-k arūpor, kam-š apiráxs, áni nīdag mumkín náoy. Zóyi jūni-š sának ast. Bismilló ollóh akbár! - aníranka awóvošt.*

1. Раньше, когда наступала зима, земледельцы ухаживали за быками до середины весны. Когда наступала середина весны, в понедельник или в четверг выводили быков на край межи, потом собирались старики, читали молитву /и говорили/: «Дедушка-землепашец, открывай /пахоту/!». После того как запрягали быков, один старик два-три раза проводит две-три борозды.

2. Потом, если наступает погода, начинают каждый день сеять, сначала понемногу, потом помногу начинают сеять. С рассвета сеют до позднего вечера. За каждым бы-

ком идут четыре человека: один погонщик и по три человека с мотыгами.

3. Сами они носят себе еду, /а/ для быков носят траву «марг». В день они три раза дают быкам траву. Они сами по очереди собирают дрова.

4. Через два месяца они идут на эти свои посе́вы и делают прополку. Если /посев/ поливной, то устраивают полив, три или четыре раза. Когда /урожай/ созрел, то идут и жнут, вяжут снопы. Если он немного незрелый, то укладывают в копну. Как постоит два-три дня, ставят снопы в пары. Когда высох, запрягают быков и молотят.

5. Раньше, когда жали посев на участке, если мало оставалось, то больше нельзя было садиться /отдохнуть/. «Земля выпускает дух», — так вот говорили.

III

1. *Ī xšap jam avóm šikóri ašaw. Odám asanór sarkúw anós ke ráxšin avú, ke awál sarkúwi odám kižr kúntišť, ke naxširt-k ašumbór, ke kúm némay-sa atirór, ke kay-riti-k ašaw, áwi dástiš kut ast. Nazdiki avóŭ, ke hay kúntišť, či dŭr na.*

2. *Ke agár kúti žayrát vot, čágdortišť. Agár náčagdorot, sarkúwi odám sūni avés-k haqorát kúntišť yo dlhtišť. Vótišť: taw ayb avú: kúti bekóra hay akuní.*

3. *Agár tísot žóri rust vot, peštár miltiq náoy toyóqi-p-šint hilla akunošť. Yákke man nístoyim, ĩ kut naxširi aŭr, ašáxim sar-š adih.*

4. *Sardiháyi haq-š dl-ad žigár tifaróšť, soħap-kúti sarkalla počák tifaróšť.*

5. *Ke axiš čov odami-k or anáŭ met-k čof čágdorant ke his kunóšť. Tiš bačagalót či mayn žorošť, alulú adó-k avú, žaxóšť šawór néki áŭtiti-sa wóvošť: šumóx tim, beħmorót, xšápi mox-mánta žaxť póda osirúnt. Ham xorišť tifaróšť, ham ĩki maydášť tifarór. Áŭtiti nūmt-šint rūdaxúr wóvošť.*

6. *Jágnobi zimistóni aníranka šikór kunóšť, qoidá-š níranka xast. Kay-k agár kut-š gárim vot, xó aš tim návot, sarkalla počák ŭrošť káti-š tifarór. Wóvošť: taw kut ačákdor, qant xó ar kutibonikári-pi-t, néki yóta-š nátifarošť, yóta mumkin nest.*

7. *Agar anin nŭr tiráy naxširi anáwi kut čágdorot, hámmay sarkalla počák-s ŭrošť tifarór. Šikóri maani-š aniš-x. Agar anáŭ met ĩ odám xó aš tim čágdorot, hámmayi-pi-š hiss kar žaŭt. Agár miltiqagi tim vot, áni odám tim hamrá xast, hĭssi kar žaŭt.*

1. Однажды ночью мы собрались /и/ пошли на охоту. Люди поднялись, устроили засаду наверху горы, и вот наступил рассвет; потом сначала человек из засады кричит как горный козел, и когда горные козлы тронулись с места, в какую бы сторону ни пошли, к кому бы ни направились, у того собака. /Как только/ приблизился он, /так/ спускает /собаку/, издали нет.

2. Если у собаки будет прыть, она поймает. Если не поймает, /то/ потом человек из засады, когда спустится, ругается или дерется. Он говорит: «Твоя вина: ты плохо спустил собаку».

3. Если он (т.е. горный козел) войдет в пещеру, спрячется, то, раньше не было ружья, /его/ кололи палкой. Вот сижу я как-то, собака принесла горного козла, я встал, отрезал ему голову.

4. Тому, кто отрезает голову, дают голову и ножки.

5. Вообще, сколько людей ни есть, сколько в тот день ни поймают, потом делят. Еще ребята из селения смотрят, как только кончилась погоня, они идут /туда/, но им говорят: «Вы тоже, слабаки, как и мы, встаньте, постудите себе ноги». И унижают и дают каждому понемножку. Их называют «поедатели кишок».

6. В Ягнобе зимой вот так охотятся, правило такое. У кого ловкая собака, хоть его самого не будет, ему в дом несут голову и ножки. Говорят: «Твоя собака поймала, ты хорошо ухаживал за собакой (букв.: ешь сахар со своим ухаживанием за собакой)». Чо мяса ему не дают, мясо нельзя /давать/.

7. Если в этот день его собака поймает трех горных козлов, все головы и ножки относят и дают ему. Смысл охоты в этом. Если в тот день один человек сам поймает, он должен со всеми поделиться. Если кто-либо будет с ружьем и есть спутник, то он должен поделиться.

IV

1. *Odámt bisyór jām avór, aǰáx šikóri ašáw. Ávyora kúti-š vórta vúta-x, ǰowkóyay xášta máxšay-ríti. Kúti-š xásta-š vúta.*
2. *Ními šaw vítišt-k ǰaxóšt raakí vor. Ax véstišt vótišt kúti káma vántom, kútik na- máxšayik vántišt. Nóstišt tirt. Šawóšt xayr.*
3. *Ráxšin vítišt. Či sar hoy wóvošt: kúti-d hay kun! ǰórtišt iš máxša xast. Sári-sa hoy wóftišt: hoy, iš máxša-x! Nádaūtišt. Wóvošt: o muttahám, naxšír avés, kút-id hay kun! Tíg wóftišt: kuđ na-x, máxša-x. Ke wóvošt: tu čo akuní? Kúti káma novastá máxšayik vásta-t-x, noǰirivón. Hámma múnóǰ nížor.*
4. *Ax xóat-š du naxširi čágdortišt. Tóra vútišt, áwi náwenošt. Áū xšáp xóač piráxstišt, wáfir čuǰur kúntišt.*
5. *Máyni nížošť, wóvošt: ax kú avú? Wóvošt: šarmandagi-š níniž gumún: kúti káma úšta máxšayik vásta-š-x, šarmandagi magár híčokay náwovim - xántoš-mox.*
6. *Sahár šawóšt: du naxširi-š čágdorta. Xóač wáfri-táki nísta-x. Wóftišt: ána, ǰúra, man du naxširi dásti-pi ačágdorim. Xántošť, wóvošt: máxšay-pi čágdorta-t-x.*

1. Собралось много народу, взяли пошли на охоту. В тот вечер он привел свою собаку. Он потащил /ее/ в хлев для коровы к теленку. Собаку, оказывается, потащил.
2. Когда наступает полночь, они встают и собираются уходить. Он спускается, говорит: «Привяжу-ка шею собаки», но привязывает не собачью /шею/, а /шею/ теленка. Берет /с собой/, уходит. Ну, идут /на охоту/.
3. Наступает рассвет. Сверху кричат: «Гони свою собаку!». Смотрит — а это, оказывается, теленок. Кричит наверх: «Эх, это теленок!». Не бежит /туда/. Они говорят: «Вот, черт тебя возьми, горный козел спустился, гони свою собаку!». Он опять говорит: «/Это/ не собака, а теленок». Тогда они говорят: «Что ты наделал? Ты не привязал шею собаки, а привязал /шею/ теленка, невежда». Все уходят.
4. Он сам ловит двух горных козлов. Темнеет, они его не видят. В ту ночь он сам остается, роет снег.
5. Они приходят в селение, говорят: «Куда он делся?». Они говорят: «Наверное, не пришел из-за стыда: привязывая

шею собаки, он привязал /шею/ теленка /и сказал/: "Из-за стыда я не должен нигде /об этом/ говорить, /иначе/ засмеют нас"».

6. Идут они утром /туда/: он поймал двух горных козлов. /А/ сам спит под снегом.
9. Он говорит: «Вот, брат, я /голыми/ руками поймал двух горных козлов». Они смеются, говорят: «Ты поймал /их/ с помощью теленка».

V

1. *Ī sol, man maydá óyim, aǰáxim hamróti-pi-m Qúli Worso-wút ašáw. Kíšta-mox oy, arúpom-š, ke aūr xirámi amún, tík aníž du-se rúzi máyni aláks, tík ašawóm hámma múnťor níšta.*
2. *ǰóut iyór, avaróm-šint xirámi avánt. Zivántot tann vútor.*
3. *ǰow aláks-aláks, yákke namózi digár avú. Aǰorim: urkti nūvóki atisor. Yákke aǰorim: Xírsinouǰ tégi dámi ǰesóti táhi pūnzdah yo bist.*
4. *Man róyi avím, očáyi-sa-m awóvim: naxké vésošt xóarór-mox.*
5. *Aníž gab moǰ díhak oy, aǰórom: bečóra Váǰinzoy Usmóil dásti-š pančšóxa atís: šumóx čo kúntišt? Naxké urkt vésošt. xóarór-mox.*
6. *Xirámi-lápi ĩ bǰrǰi diráwna olóū hay akunóm, ke kišókti ti ĩ-ž rírit, ĩ-š sitám akunóm, ke níži avú.*
7. *Avésor xirámi-lápi, néki či olówi urk čukáyrna vúta-x. Xéli olówi-ríti aúštor. Navót, abiyópoš-mox.*
8. *Yóri káppay anížom, dúmi-moǰ arasór, néki kišókti adivaróm, rítimox axáš, ke xóad-mox olów akún. Aǰórom: kūs káni avú.*
9. *Usmóil awón: iǰrmay mahál ast, ištít gumún xóaróšt-mox, ke olów aǰivár ačóš ĩ gárdi. Áū xšáp ráxšin avú, sahár úxtor xóáyi-sárivik láksta iyór.*
10. *Ke ámet ašawóm, ĩ gárdi akún, ke amún aníž máyni-sa. Čawóka ǰállá níživarošt, čox anit awídošt, ke bahór ašáw ĩ bǰrǰi-š akíš, ke múnđá-š či čox axáš, xári vor akún amún aníž.*

1. Однажды, был я /тогда/ маленький, я пошел со своими спутниками в Кули Ворсовут. У нас был /там/ посев, мы его скосили, потом принесли на ток, потом пошли и два-три дня провели в селении, потом /опять/ пошли — все ушли /на летовку/.

2. /Там/ были быки, мы их вывели, привязали на гумне. Снопы отсырели.

3. Бык бродил-бродил, и вот наступил вечер. Я посмотрел: волки стали выть. Вдруг я посмотрел: у /местечка/ Хирсиноутег под арками пятнадцать-двадцать /волков/.

4. Я стал плакать, сказал матери: «Сейчас они спустятся /и/ съедят нас».

5. Говорили мы об этом и /вдруг/ увидели: бедняга Исмаил из /селения/ Вагинзой пришел с вилами в руках /и/ сказал/: «Что вы делаете? Сейчас волки спустятся и съедят нас».

6. На краю гумна мы подожгли немного «диравны»*, потом поставили волов, одного впереди, другого сзади и стали выходить.

7. Спустились /волки/ к краю гумна, но волк, оказывается, стал бояться огня. Очень долго стояли они у огня. А не то они настигли бы нас.

8. Мы забрались на шалаш Ёра, они пришли вслед за нами, но мы вывели волов, поставили перед собой, потом сами разожгли огонь. Посмотрели мы: они подошли, стали рвать крышу.

9. Исмаил сказал: «Время осеннее, они, наверное, нас съедят». Тогда он вынул огонь и разбросал немного. Наступил рассвет, утром они бродили все по обмолачиваемому зерну.

10. Тогда в тот день мы пошли, обошли кругом, потом пошли в селение. Оттуда не вывозили зерна, его сложили в яму, потом наступила весна, немного посеяли, а потом остальное вынули из ямы, погрузили на осла и вывезли.

*Диравна — мелкий кустарник типа полыни, служащий топливом.

VI

1. *Soáti čor-u ními aĵaxóm Tagób ašáw. Ósta-ósta piyóda asanóm atír, du sođtiki asanóm.*

2. *Sahár-k aĵaxóm, adirti-vig aláks. Tī ávyora awóm aníd.*

3. *Ávyora jóla adih, či dym-š wafr adih. Mána naháŭranka xynŭk ast, alób kunóšt ke nđdor.*

4. *Tī aŭ sahar aĵaxóm nišéb avú. Náŭranka loy ast, hilla avésom, mošinrot mahn víta-x: sel úxta, mošin baazób agudár. Vat kýrtay-táki nálaks višt, magár čapŭn nuŭnt. Šáhri avésom: hámma pydyša kýrtay-táki laksóšt.*

1. Встали мы в половине пятого /и/ пошли в Тагоб. Потихоньку поднялись пешком, за два часа поднялись.

2. Когда утром встали, погуляли по холмам. Потом в тот вечер пришли, посидели.

3. В тот вечер ударил град, за ним пошел снег. Так холодно, /что/ разжигают огонь и тогда сидят.

4. Потом на утро мы встали и спустились. Такая грязь, еле спустились, автомобильная дорога оказалась прегражденной: спустился сель*, машина прошла с трудом. Там в рубашке нельзя ходить, нужно одевать халат.

5. Спустились в город: все ходят в рубашках без рукавов.

VII

1. *Qadimót awóvošt: dah rŭzi ne - sóli nav ast. Aĵaxóšt kašk axáš daldasangay. Iš awóvišt: ma ríti xašóm, ax awóv: ma ríti xašóm.*

2. *Sóli nav se rŭzi apiráxsišt, xéšti - xotír - šint gírda avaróšt. Kay - k xéš-u tabór-š nazdík xoy, ĵám-š akuništ aŭr.*

3. *Sóli nav-k avišt, aŭ sahar pŭllot ĩ yókay-sa ĵám avóšt, ke rŭčóti-vik sóli nav awóš. Či tak čumčá apartówošt, awóvošt:*

*Сель — бурный горный поток, несущий с собой грунт и камни.

*Кашк — дробленые зерна пшеницы и каша из этих зерен.

parrū-x yo lūboló? Čiddka awóvošt lūbold-x, čawáka awóvošt:
parrū-x. Agár lūboló vot tiráy ħómi-sa, is sol dehqoní vitišt awó-
vošt.

4. *Ke pullóti-sa kašk ayožúnošt. Íštit ĵám akunóšt, ke avár*
ī yókay ħiss akún. Tík omóči waxt kúsi ĵám avóšt čangolí akún
axár, mondagí-š ħiss akún pullóti-pi.

1. Старики говорили: «Меньше чем через десять дней — Новый год». /Тогда/ делали «кашк» * на ручном жернове. Этот говорил: «Я вперед сделаю», тот говорил: «Я вперед сделаю».

2. /Когда/ до Нового года оставалось три дня, приносили для своих родственников сдобные лепешки. У кого родственники были близко, тот собирал их.

3. Когда наступал Новый год, в то утро дети где-нибудь собирались, потом через отверстие в крыше дома говорили: «Новый год». Снизу бросали деревянную ложку и говорили: «Выпуклой стороной вверх или вогнутой?». Отсюда говорили «вогнутой», оттуда говорили «выпуклой». Говорили, /что/ если до трех раз будет /падать/ вогнутой, то в этом году будет урожай.

4. Потом раздавали детям «кашк». Они собирали, уносили и где-нибудь делили. А еще во время обеда собирались на крыше дома, готовили «чанголи» *, ели, /а/ оставшееся делили между детьми.

VIII

Zimistóni Yáħnob wafirbozí akunomišt. Ašáwomišt téġi
dámi wàfirlúnda akún, hárra akún yo sánki-pi adíh, tárma avíšt.

Bahóri mahállli rúnti nawókay aváromišt, ham izm ačín
aláks. Púllot taħasúb akunóšt: káx-ik mard vot, ĵulú činót, néki
naĵz izm činót. Ačínomišt zimistúni-xotír pičik akún.

Зимой в Ягнобе мы играли в снежки. Ходили на гребень горы, делали снежный ком, спускали его или сбивали камнем, получалась лавина.

*Чанголи — блюдо, приготовляемое из кусков лепешки, топленого масла и молока.

Во время весны гоняли туда ягнят и собирали дрова. Ребята подзадоривали: кто мужчина, пусть много соберет, но хорошо пусть собирает дрова. Мы собирали /дрова/ и на зиму складывали в кучи.

IX

Dekčūnabozí akunomišt, ham ĵaygalót, kam pullagalót,
rúġin ĵám akún, órta ĵám akún, ke avár sahro havló akún bar-
rapóti-pi ke axár.

Dásti-vik ħiss akunóšt, kūm axárišt, kūm tík áni ħissá-š
očdyi-xotír-š aživárišt. Iš bozí tobistóni mahállli akunóšt.

Мы играли в игру в котел, как девочки, так и мальчики, собирали масло, собирали муку, потом уносили в поле и вместе с подпасками делали халву, потом ели.

Делили руками, кто ел, а кто еще свою долю уносил для матери. В эту игру мы играли в летнее время.

X

Peštár ĵaygalót sangbozí akunóšt, ĩkiraxani yor anósošt
tiráyki, ke sang bidúni awíd, ke sang kamč akún anós, ke bozí
nūm-š ho pákkim ána yak, ĩkiraxani dásti-sa apartóšt, ho pák-
kim ána du, ho pákkim ána tiráy, to dási-sa ħisób akunóšt.

Agár či das sang atirášiš, bozí áwi-sa agárdišt. Tík púl-
lot bozíy qorqoláq awóvošt. Sank anídonošt, ke lapári-pi adíh;
agár sang agárdišt, ĩkiraxani vóra avóšt.

Раньше девочки играли в камешки; подбирали себе подружек по-трое, потом бросали посредине камень, потом пятерней брали его (игра называется «хо пакким ана як»), другу бросали в руку: «Хо пакким — два», «Хо пакким — три», до десяти считали.

Если камень /у кого-нибудь/ падал из рук, то он проигрывал. А еще дети называли одну игру «корколак». Ставили камень, потом били по нему маленьким камешком («лапар»). Если камень сдвигался с места, то садились друг на друга верхом.

XI

Peštár mórtit tim bozi kárna vútor. Ī bozi tim nūm-š saq-gobozi-x.

Buĵul nīdonošt zamīni, ke naxš xašór, tiráy buĵuli mūnor, ke saqqóy-pi dihór. Agár ċi marrá anīž, soĥábi saqqoyi vítišt.

Mūysafétt tim saqqobozi kárna vútor, kādūnti-vik, zimistū-ni xunúk ast, ċ-āū-xotír.

Раньше и мужчины, говорят, играли. Одна игра называется «игра в биты».

Ставят бабку на землю, потом проводят линию, кладут три бабки и бьют битой. Если /бабка/ вышла за линию, она становится принадлежностью хозяина биты.

И старики, говорят, играли в биты в сараях для соломы, зимой холодно, поэтому.

XII

Šóūĥari-sari ĩ máxšay syrát-š ast.

Soĥábi-š dao íkta-x: ilohim ĥar par ĥar vu.

Sáta-x ĥári dáray úšta-x.

Agár odám nawókay šawót, bar aló-x ĥári dáray.

Xūni sári ĥári nūm-š Šóūĥar, ĥánzay-tórki.

На горе Шоугар есть изображение телянка.

/Говорят/ его хозяин воскликнул: «Пусть сойдется гора с горой!».

/Теленок же как раз/ поднялся и стоял внутри горы.

Если человек туда пойдет, то того видно внутри горы.

Гора выше летовки, называется Шоугар, наверху местности «Ганза».

XIII

Fálĥar-ad Yáĥnob asosi láf-šin ĩ-x gumūn, néki áxtit toĵi-ki-pi wóvošt, moy yaĥnobi-pi. Mýštif wóvimišt, áxtit Muždív wóvošt.

Néki peštár awóvošt hámmay-mox ĩ-x.

Áxtit ĥar dihóšt, aylóqi nūm móx-pi tuĥri wóvošt.

Misól mox Káši wóvimišt, áxtit Kazdūn wóvošt. Mox Farzót wóvimišt, áxtit Farzótí.

Moy wóvimišt: Farzót asanóm; áxtit wóvošt: Farzót buromadém. Néki nūm-š ĩ.

В Фальгаре и Ягнобе в основном, наверное, одна речь, но они говорят по-таджикски, а мы по-ягнобски. Мы говорим «Муштиф», они говорят «Муждив».

Но раньше говорили, /что/ все мы едины. /Когда/ они разговаривают, название пастбища произносят как мы.

Например, мы говорим «Каши», они говорят «Каздун». Мы говорим «Фарзот», они — «Фарзоти».

Мы говорим: «*Фарзот асаном* (Мы поднялись в Фарзот)»; они говорят: «*Фарзот буромадем* (Мы поднялись в Фарзот)». Но название одно.

XIV

1. *man ċi Márxtimayn ĩm.*

2. *sóli tavallúdim hazóru núhsadu bístu du xásti.*

3. *dodóm Sangín, xó átim Ĥusen.*

4. *aū sol ašáwim Hisór.*

5. *ĥayrūn apiráxsim xárim, híċokay néfahmim kū šawóm, kū nášawom.*

6. *atírim ĩ jógahi avés, ĩ gárdake aníd, ráxšin avú.*

7. *ĥay, tĭk avésim ámet bozóri aláks.*

8. *očám xoy a wáxti, ĩ zimistūn buĥóri-sa nahwát anídím.*

9. *bahór avú, asánim tĭk Zíti.*

10. *Zíti asánim aū xšap aníd.*

11. *wafr anós, borūn anós, ĥári-vik e... náūranka azób awé-nim, ċíqadar xunúk, naháranka xunúk oy, heċ alamút.*

12. *avésim tĭk aníd xúdi Dahána.*

13. *aū viyóra asánim aníd Márĥeb, ċi Márĥeb aĥáxim ċoy-s Xšórtow asán.*

14. *ċi Xšórtow asánim, ĥay, nahidókay káti arás.*

15. *asánim káti arás, nahidókay, ĥay, ĩ mayda ĥállap-palla-mox oy, órta akuním axár.*

1. Я из Мархтимайна.

2. Год моего рождения тысяча девятьсот двадцать второй.

3. Отец мой Сангин, сам я Хусейн.
4. В тот год отправился я в Гиссар.
5. Удивился я сам, не знал, куда идти, куда не идти.
6. Пошел в одно место, немного побыл /там/, наступило утро.
7. Ну ладно, в тот день пошел, побродил по базару.
8. В то время у меня мать была там, зимой до весны я пробыл там.
9. Наступила весна, я поднялся в /селение/ Зидды.
10. Поднялся в Зидды, в ту ночь остановился /там/.
11. Пошел снег, пошел дождь, на перевале, ох, как намучился, так холодно, так было холодно...!
12. Спустился потом до самой Даханы.
13. В тот же вечер поднялся и остановился в Маргебе. Из Маргеба отправился в этот, как его... в Хшортов.
14. Из Хшортова добрался сюда домой.
15. Добрался домой, здесь было у нас немного зерна, сделал муку, поел.

XV

1. *ī sol aǰáym či Márxtimayn xúddi Ánzow ašáw.*
2. *či Ánzow- wáski piyóda ósta-ósta, ósta-ósta xúddi Samarqánd ašáym.*
3. *tiray, tufór, panč iyóm, panč odámi.*
4. *Na panč odámi ašawóm nāwát, se rūzi nāwát apiráxsim.*
5. *tiráy-tūfór odámi ašawór gúdda névu beláti nos; tupalán akunór, sawsín gúdda névor.*
6. *man xátim xez akuním ašáw, atís, belát anós.*
7. *čiǰadar hayrún apiráxsor musofír odám vot, píriviý ras náǰiristišt Samarqándi vagzál-š kú xast, kú náxasti.*
8. *nahíti-báxša hayrún naháx piráxtor.*
9. *áviyora póyizdi atísim, bahuzúr aníd póyizdi darúni.*
10. *wáxtek či póyiz avésom ašawóm čoyxúnay aníd.*
11. *čáwi se-tufór čoynáki čoy anósom ažáf.*
12. *ažavóm aǰáx taksí vóra avú asán xúddi medgaradók.*
13. *xay, ī wáxte ī dáme anídím, maydá tarbús-marbús axirín axóár, aǰáym ósta-óstay asán nah yaǰnobíti kat.*

14. *atísom aníd du-se rūzi, xay, čiǰadar nayz hwi addorímox akunór.*
 15. *anídóm, du met-bádi-š, se rūz-bádi-š aǰáx tík, xay, avés náva šáhri aláks tamošó akún, avés magazínti-vik, čiǰadar tamošó akún aláks, čoy darkorí-mox-k oy, či magazin axirín anós aníz.*
1. Однажды я отправился из Мархтимайна до самого Аязоба.
 2. От Аязоба я потихоньку-потихоньку поехал в Самарканд.
 3. Нас было трое, четверо, пятеро, пять человек.
 4. Впятером мы поехали туда. Три дня мы там оставались.
 5. Трое-четверо пошли, но не смогли взять билеты. Потолкались, но совсем не смогли.
 6. Я сам вскочил, пошел, зашел, взял билеты.
 7. Как они удивились! Если человек окажется путешником, то он не знает первый раз, где в Самарканде есть вокзал, а где нет.
 8. Поэтому они так удивились.
 9. В тот вечер зашли мы в поезд, уселись удобно в поезде.
 10. Когда мы сошли с поезда, то пошли посидели в чайхане.
 11. Там взяли три-четыре чайника чаю, попили.
 12. Попили, встали, сели на такси и поднялись до самого Медгородка.
 13. Так, некоторое время мы посидели, купили маленький арбузик, поели, потом встали и медленно поднялись в дом к ягнобцам.
 14. Зашли, побыли два-три дня, как хорошо они нас приняли.
 15. Побыли, а через два дня, через три дня еще отправились в новый город, ходили, посмотрели, пошли по магазинам, столько насмотрелись, что нам нужно было, купили в магазине.

XVI

1. Č-iti-ríti Yágnobi máynti yagón navigarí náoy.

2. Peštár wáxti tamomán xalq siyóh káti zindagí akuništ.
Čidók iliktirík náoy, varlampá čiróy náoy.

3. Ke hózir xalq bo tarahúmi hukumat zindagoni-š tamomán nařz avú.

4. Hózir tamómi máynti magazin péta avú. Púllot taalími nósak-šind ast. Bisyor púllot maktábi olí doxili vú-šind ast.

5. Kalxós as sóli yak hazór-u nuh sád-u si-yu pañč to hózir ahmiyáti kaliktivi va ham davlati ást-iš. Kalxós du sohái muhím-š ast ki i sohái-š čorvodori xast, i sohái-š řallakori xast.

6. Rüz a rüz saršumóri hayvonót ziyód vu ast. Kalxós dar áyni hol čorařuyi kárak xast baróyi imorathóyi tipavóy.

1. Раньше в ягнобских селениях не было /ничего/ нового.

2. В прежнее время народ весь жил в черных домах. Здесь не было электричества, не было керосиновой лампы.

3. А теперь благодаря заботе государства жизнь народа стала совсем хорошей.

4. Теперь во всех селениях открыты магазины. Дети учатся. Многие ребята поступают в высшую школу.

5. Колхоз с 1935 г. имеет общественное и государственное значение. В колхозе имеются две важные отрасли: животноводство и зерновое хозяйство.

6. С каждым днем увеличивается поголовье скота. В настоящее время колхоз принимает меры для /постройки/ типовых зданий.

XVII

man i rüz čüpūni ašáwim. hamrá-m bisyor nařúdda xoy. Viyóra avú, aníd aróy. hamráh-im řudó man zi q akún. man údda névim mól-ad řówi, hamráh-im anipít sánki-sári awúfs, řów-at mol anřor apiráyř.

Однажды я пошел путешествовать. Мой спутник был очень неумелый. Наступил вечер, он сел, заплакал. Мой спутник

мне надоел. Я не справился со скотом, мой спутник лег на камень, заснул, а скот убежал.

XVIII

I řom ařáxim pullóti-pi řikóri asán, čoy... Sargá. Naxřir névřim, sírvi(č) - čini-k óyim, ařórim: i táka avóũ, nah piráxta-x či mol tirma. Ravitáki-k avóũ, řúrta anósim, adih sári-š.

Однажды я пошел с ребятами на охоту в это, как его... Сарга. Не нашел я горного козла, /но/ когда я собирал /траву/ «сирвич», я посмотрел: пришел козел, отстал от стада осенью. Когда он подошел к Равитак, я взял камень, ударил его по голове.

XIX

1. peštár gápi tořiki néřirivimišt, heč kadóm-mox, řaqát yařnobi, ínki ba vositáyi muallím nahíř tořiki gap tim yod anósim, to hátto yakúm ki maktáp avóyimišt aníd, xay, naháranka nodún xoy, iš qořáz, qalám haróm, dýřay-pi-š anósišt.

2. dýřay-pi-š, anósišt, dást-im nárasot qalámi. mána nahidóke Alí xoy, Xisokidárv muallím, ařrim-š nahidóka mihmonxúna anídor.

3. Zaiřot ařrim, maktáp anídor, qalám dýřay-pi-š anósošt tšk, ínki mox, qalám haróm, nánosimišt, dařtár haróm, mox dařtári ā dast nádihiimišt.

4. yak haftá, i háfta býdi naháũ káti nétřsošt: idókey mox nátiřimišt kati. Káti - divári anídoršt, nahí qalám anipřř: o... asán atir, bad az ya haftá do-do anapřřošt. gařtá čináũ kardá ba maktáp atřsor.

1. Раньше мы по-таджикски не понимали, никто из нас, только по-ягнобски. И вот с помощью учителя мы также научились по-таджикски, даже в первый раз, когда приходили в школу, такой был /среди нас/ невежда, что, /думая:/ эта бумага, карандаш запретны, брал их рукавом.

2. Брал их рукавом, /говоря/: «Да не коснется моя рука карандаша». Вот здесь был Али, учитель из Хисокидарва, привели его сюда, посадили в комнате для гостей.

3. Привели женщин, сели они в школе, брали карандаш рукавом: вот, мол, карандаш запретный, мы не возьмем /его/, тетрадь запретна, мы совсем не прикоснемся к тетради.

4. В течение одной недели не входили в тот дом: «Сюда мы в дом не войдем». Сидели снаружи, писали этим карандашом: о... пошло. Через неделю писали: «до-до» /«па-па»/. Потом кое-как зашли в школу.

XX

1. *nusóla saqirá apiráxsim či dodóy-im, núsola. Dušambé ašáwim, kuhná Dušambé, du mo paňakori akuním, pas az du mo čil kiló zařiri řurki akuním, Qúliřar asánim, yak sútka apiráxsim nahawóka.*

2. *čáwok avóyim Yágnob, či Yágnob Mačó ya řurki akuním avár. Mačóy bosmači čanki adivím. bosmači číva řúřan awúrti guřtá, řúřan či dás-mox axašór anós. se řúzi moř rit anósor.*

3. *čawóka lub-lučák, pódot-im xóma xúmna, agárdim asán Súrřkati řári-sar, yak sútka nahí waxt nāwóka apiráxsim.*

4. *ařiwórtim avés nah Tági Čanór, čidóka avésim, aũ míri Solexũjá xoy, ax mox agardũn awúr na čoy... Takapár řar, na či nahwóka Worsowút, či Worsowút nĩmi řabi ařexũn řári, warř xúdi či bidovánka - séči.*

5. *har ĩ odáme xast, dódi nolá kúnči, pódot-ř xóma xúmna, kũm poylúč. ĩ xéli kamčĩni-pi řĩndak ast, ĩ xéli piréřak ast, táski-wáski, ĩ xel xépiř múrta ĩkta.*

6. *rářsin avú, ĩ arčáyi - kúni atĩsim. ĩ gogĩrd kóyimiř návĩrim, gogĩrd nest, ayrón-om mox, čo kuním, kũm dod vóũči, kũm voy vóũči, kũm baló vóũči ĩnki čináw kardá nĩmi řabi ritorĩt akún agardũn asén aũr Darř.*

7. *Darř avésim, bečóra yákta - nĩmta Darři adawór olów akún. čawóka ařiwórtim anĩř avów řári-tak. dy méti guřná-yu zor nahwát tuřór odámi anĩdim, digár hámmař qáddi ob ašáw ařiwórt avés.*

8. *bad az du rūs serũzá-ř tĩk ařiwórtim anĩř Darř. oxĩri kor hamĩnki bistupaňjumi sóli bisyór zũr avú, adĩhim ašáw Buxoróvik aláks.*

1. Девяти лет я остался сиротой, без отца, девяти лет. Пошел в Душанбе, старый Душанбе, два месяца просил милостыню. Через два месяца взял на спину сорок кило льняного масла, поднялся на перевал Куль, сутки оставался там.

2. Оттуда пришел в Ягноб, из Ягноба я взвалил /груз/ на спину, понес в Матчу. В Матче я попал в лапы к басмачам. Басмачи, сказав: «Почему ты принес масло?», вырвали его у меня из рук. Три дня нас задерживали.

3. Оттуда раздетый, на ногах у меня сапоги из сыромятной кожи, поднялся я на перевал Сурхкат. Одни сутки оставался там.

4. Вернулся, спустился в Таги-Чанор. Сюда спустился, был тогда Мир Солехуджа, он повернул нас, привел в это, как его ... в Такапаргар, а оттуда в Ворсовут. Из Ворсовута в полночь поднял он нас на гору, снег выше пояса.

5. Каждый, кто есть, стонет, у кого на ногах сапоги из сыромятной кожи, кое-кто босой. Одни бьют плеткой, одни убегают, туда-сюда, одни притворились мертвыми.

6. Наступил рассвет, зашли мы под одну арчу. Ищем спички, не находим, спичек нет, не знаем, что делать. Кто кричит, кто стонет, и вот кое-как в полночь погнажи, подняли, привели в Дарг.

7. Спустились /мы/ в Дарг, один-два жителя Дарга побежали, развежи огонь. Оттуда мы вернулись под перевал. Два дня голодные и несчастные мы четверо сидели там, остальные все пошли вдоль речки, вернулись, спустились.

8. Через два дня на третий мы тоже вернулись в Дарг. В конце концов было так, что в двадцать пятом году было трудно, взял я да и пошел бродить в Бухару.

XXI

1. *sĩyu seyúm sóli řũma-osaqól guřtagĩ qurboři xoy. Bosmačĩt avór tobĩstóni sĩyu seyúmi anĩřor, Mářřtimayn Kalinazár guřtagĩ xoy, tuxóyořř. Pullarowút, čawóka odám anĩř, mox tim apiréřim-u Mačó ašáw.*

2. *Mačó ašáwim yag móhi Súrřkat anĩdim, bad az yag moh xipár ašáw, qurboři-řin(t) tuxást(a) ast, mox agárdim avów ča-*

wóka, haqíqatán ĵuma osaqól xépiš tuxásta-šint ast-u faqát tu-
fór viróti-š piráxta xast.

3. čawóka áxtit ĵudó vítor, xóati piráž tórta, bad az ya moh
avóyim, tī ĵom man tim atráti-pi ašáwim čoy... Šóuxon. Šóuxon-
šint avírim, awókaŷang akunór.

4. du áspi yaradóř avú, ī-š aūrim Nūmitkon nahít Ramazoni
dásti atifár, Ramazoni nigohubín-š akún, yára saháť akún. sóli
siyu čorúmi móhi márti-š virótič tim či Šóuxon anížor.

5. Awi xšap gárdošt Piskóni-sa, atráť nah Piskón vútor,
xšap atráť ĵam kunóšti ĵuma-osaqóli du viróti-š tuxóyor, Sattór
tuxóyor. ī-š zindá čak dōror anós amón atir. avaróšti naháŷ wáx-
ti sud akún.

1. В тридцать третьем году был курбаши по имени Джу-
ма-аксакал. Басмачи появились летом тридцать третьего,
был человек по имени «Лысый Назар» из селения Мархти-
майн, они /его/ убивают. Пулларовут, оттуда люди ушли, мы
тоже убежали в Матчу.

2. Пошли в Матчу, месяц пробыли в Сурхкате, через ме-
сяц стало известно, их курбаши убит. Вернулись мы оттуда;
действительно, сам Джума-аксакал убит у них и только чет-
веро его братьев остались.

3. Оттуда они отделились, сами убежали. Пришли мы че-
рез месяц, потом я как-то еще с отрядом пошел в этот, как
его... Шоухон. В Шоухоне нашли мы их, они там дали бой.

4. Две лошади были ранены, одну мы привели в Номит-
кон, вручили вот этому Рамазони, Рамазони выходил ее, вы-
лечил рану. В тридцать четвертом году, в марте его братья
тоже вышли из Шоухона.

5. В ту ночь направляются в Пискон. Отряды были в Пис-
коне. Ночью собирают отряд, убивают двух братьев Джумы-
аксакала, убивают Саттора. Одного взяли живьем. Уводили и
тогда же судили.

XXII

bobóyi-pi-m čūpūni ašáwim, móli avárim Kattaxóni-vik apóy.
hamráh-im Habír xoy.
ta xónisari-sa asánim, viyóra čawóka móli agardūn anós aníž.

Я пошел со своим дедушкой пасти скот, мы погнали скот
и стали пасти в Каттахоне. Со мной был Хабиб. Мы поднялись
до летовки, вечером оттуда взяли и пригнали скот назад.

XXIII

1. Aĵáxim šikóri ašáw. Kúti kám(a) avántim, kut agárd
apiréž. Ašáwim Kapýtay-lap, naxširti xóarak oy, hámmaš agárdor
apiréž, iš apiráxs.

2. Ašáw ĵóri-dáray rĵst avú, ašáwim tī(k) sar sánka-pi-š
adih, adivi; adih táki avésim, akúš; yóta hiss akún, ĵúrki avánt.
Áviyora anížim, ī yókay apiráxs.

1. Пошли мы на охоту. Привязали за шею собаку, /а/
собака убежала. Пошли мы к Капюте, а горные козлы ели
там, они все убежали, один остался.

2. Побегал, спрятался внутри пещеры. Мы пошли, потом
ударил его по голове камнем, он упал. Ударил, спустились
вниз, зарезали, поделили мясо, взвалили на спину. В тот ве-
чер вышли /оттуда/, остались /ночевать/ в одном месте.

XXIV

1. ī me šikóri ašáwim. Man duĵūšta óyim-k sári-vik ī humo-
sóya gudarót boy víšti.

Asánim téĵi-sari anipíd, aĵórim: ī humó avów sári-vik agu-
dár. Du moh, se moh agudár, híčči ark névim.

Однажды я пошел на охоту. Я слышал, что если промель-
кнет над головой тень феникса, то будешь богат.

Поднялся я на гребень горы, лег, посмотрел: феникс
пролетел над головой. Два месяца, три месяца прошло, ни-
чем я не стал.

XXV

ī so čūpūn iyóm, xirs avés qutáni-bidóni, ī sutúri čak adór
aživár, avár, axóár.

tiráy odám iyóm, ašáwim sánki-sari aníd;
ráxšin avú, aĵáxim, nūki-š akún, apartóŷ-š apiréž.

Однажды мы пастушествовали, /как вдруг/ на середину загона спустился медведь, схватил одну овцу, вытащил, унес и съел. Нас было трое, пошли мы, сели на камень. Наступило утро, мы встали, погнали его, он бросил /ее/, убежал.

XXVI

Ísti šikóri ašáy, nav naxširi anósim, kut amón, ke pūst akún; ke řang akunór pūsti-báxša.

Yótot apartór amón aníř. Sóni moř yóta ařivárim, ná-ř anosor. Ke kúti-ř awídím.

Мы пошли на охоту в Ист. Взяли девять горных козлов, сняли шкуру. Потом /мои спутники/ поссорились из-за шкуры. Бросили куски мяса и уши.

Потом мы принесли мясо, /но/ они его не взяли. Потом мы бросили его собаке.

XXVII

1. *ána azób-u oqubát-imoř naháranka hoř.*

2. *Uróteba ašáyimiřt, yaw axiriń, řurki akún.*

3. *Nah řawóka řurki mána nahít dýta řárti-vik aūr aūr aūr méni arasún, ke aūrót akún.*

4. *tik ašáwimiřt lampá řurki aūr, tik ax par řála akún ři Uróteba, ři Duřambéh.*

5. *Uróteba řorrūzá rot.*

6. *namák, naháwi tim řurki aūrimiřt ři Norák; aūrimiřt ke aūróti awíd, umóři awíd, ke zindagoníř akúnimiřt.*

1. Вот какими были наши мучения.

2. Мы ходили в Уратюбе, покупали ячмень, взваливали на спину.

3. Оттуда на спине через вот эти две горы мы несли, несли, несли /и/ доставляли в село, потом готовили пищу.

4. А еще мы ходили и приносили на спине керосия, а еще меняли на зерно, из Уратюбе, из Душанбе.

5. До Уратюбе /было/ четыре дня пути. Соль, ее мы тоже приносили на спине из Нурека; приносили, потом клали в еду, клали в похлебку, потом жили /так/.

XXVIII

1. *tufór řútay-im ásti, i-ř askarí xásti. se sóli xizmát kún-ři, tik hukumát ozót-ř kúnři, gáři vóūt. har rūr qořáz kúnři: oča, sařát-salomát im, wáxt-im xuř, dimóřam řoř, řam náxar, oča-řún.*

2. *i řútař as, áwi-xotír har rūr qořáz kúnři, sūratkána vírim, naháwi sūrat kaním kusélim.*

3. *i řáyk-im ásti, kelín-im ásti. Kelín-im Soūrú éta-x. Koy rántomiřt, řpra kúnomiřt, opa ūromiřt, túřla xinřřomiřt.*

1. У меня четыре сына, один в армии; три года служит, потом государство его отпустит, он вернется. Каждый день пишет: «Мама, я здоров, живется мне хорошо, я доволен, не грусти, мамочка».

2. У него есть сын, каждый день он ему пишет. Найти бы нам фотографа, сфотографировать его /сына/ и послать /карточку/. Есть у меня дочь, есть невестка, моя невестка ушла в Совру. Я подметаю в хлеву, делаю кизяк, ношу воду, делаю пахтанье.

XXIX

Moř piyód(a) asánim, móli-pi; asánim Kabydíř anipíd, nim-rūzi, ři Kabydí hay akuním asán Myřvára anipíd viyóra.

Pagohí řáwi hay akuním avóř, Namozgáhi-sári anipíd. řosím avés Zitti, namák asén, namák atifárim móli.

Мы пешком поднялись, со скотом. Поднялись, в полдень поспали в /местности/ Кабуди. Из Кабуди погнали, поднялись в Мушвара, /там/ вечером легли спать.

Утром оттуда погнали, пришли, легли спать в Намозгахе. Касым спустился в Зидды, принес соли, мы дали скоту соли.

XXX

1. *i sol ašáwim řil rūzi Begowót aníd. řári-vik avóř, azób axář. wářti-vik se rūzi řári-tak aparáxsim.*

Однажды мы пастушествовали, /как вдруг/ на середину загона спустился медведь, схватил одну овцу, вытащил, унес и съел. Нас было трое, пошли мы, сели на камень. Наступило утро, мы встали, погнали его, он бросил /ее/, убежал.

XXVI

Ísti šikóri ašáym, nav naxširi anósim, kut amón, ke püst akún; ke Yang akunór püsti-báxša.

Yótot apartór amón aníž. Sóni mož yóta aživárim, ná-š ano-sor. Ke kúti-š awídím.

Мы пошли на охоту в Ист. Взяли девять горных козлов, сняли шкуру. Потом /мои спутники/ поссорились из-за шкуры. Бросили куски мяса и ушли.

Потом мы принесли мясо, /но/ они его не взяли. Потом мы бросили его собаке.

XXVII

1. *ána azób-u oqubát-imoх naháranka хоу.*

2. *Uróteba ašáyimišt, yaw axirín, žúrki akún.*

3. *Nah čawóka žúrki mána nahít dýta žárti-vik aūr aūr aūr méni arasún, ke aŭqót akún.*

4. *tík ašáwimišt lampá žúrki aūr, tík ax par žála akún či Uróteba, či Dušambéh.*

5. *Uróteba čorrüzá rot.*

6. *namák, naháwi tím žúrki aūrimišt či Norák; aūrimišt ke aŭqóti awíd, umóči awíd, ke zindagoníy akúnimišt.*

1. Вот какими были наши мучения.

2. Мы ходили в Уратюбе, покупали ячмень, взваливали на спину.

3. Оттуда на спине через вот эти две горы мы несли, несли, несли /и/ доставляли в село, потом готовили пищу.

4. А еще мы ходили и приносили на спине керосин, а еще меняли на зерно, из Уратюбе, из Душанбе.

5. До Уратюбе /было/ четыре дня пути. Соль, ее мы тоже приносили на спине из Нурека; приносили, потом клали в еду, клали в похлебку, потом жили /так/.

XXVIII

1. *tufór žútay-im ásti, i-š askari xásti. se sóli xizmát kún-či, tík hukumat ozót-š kúnči, gárči vóūt. har rüz qožáz kúnči: oča, sahát-salomát im, wáxt-im xuš, dimóžam čož, žam náxar, oča-žún.*

2. *i žútaš as, áwi-xotír har rüz qožáz kúnči, sūratkána vī-rim, naháwi sūrat kaním kusélim.*

3. *i žáyk-im ásti, kelín-im ásti. Kelín-im Soūrú éta-x. Koy rántomišt, špa kúnomišt, opa ūromišt, túžla xinížomišt.*

1. У меня четыре сына, один в армии; три года служит, потом государство его отпустит, он вернется. Каждый день пишет: «Мама, я здоров, живется мне хорошо, я доволен, не грусти, мамочка».

2. У него есть сын, каждый день он ему пишет. Найти бы нам фотографа, сфотографировать его /сына/ и послать /карточку/. Есть у меня дочь, есть невестка, моя невестка ушла в Совру. Я подметаю в хлеву, делаю кизяк, ношу воду, делаю пахтанье.

XXIX

Mox piyód(a) asánim, móli-pi; asánim Kabýdíy anipíd, nim-rūzi, či Kabýdí hay akuním asán Myšvára anipíd viyóra.

Pagoží čáwi hay akuním avów, Namozgáhi-sári anipíd. Žosím avés Zítiti, namák asén, namdk atifárim móli.

Мы пешком поднялись, со скотом. Поднялись, в полдень поспали в /местности/ Кабуди. Из Кабуди погнали, поднялись в Мушвара, /там/ вечером легли спать.

Утром оттуда погнали, пришли, легли спать в Намозгахе. Касым спустился в Зидды, принес соли, мы дали скоту соли.

XXX

1. *i sol ašáwim žil rūzi Begowót aníd. žári-vik avóym, azób axáš. wáfriti-vik se rūzi žári-tak aparáxsim.*

2. *Súrzkati se rúzi anídim, mán avím, či Súrzkat agárdim; agárdim ašáw Hadišár, nétonim, aūqót na, be aūqót agárdim avóu tīk Arnoxún avówim.*

3. *wafr abór, borón abór. aǰáxim atīs Súrzkat; ósta-óstay asánim; asánim Xarpá, ī mes voyóre-sa tī(k) nāwás anídim.*

4. *ī mes viyóre-sa nāwás anídim, tīk aǰáxim asán žarsára, agárd avés Tági čanór xūmn akún; ī voyór(a) aparáxsim. awóka čangolī ī dunjo axárim; aǰáxim asán káti.*

1. Как-то я пошел и пробыл сорок дней в Беговате. Пришел я через перевал, намучился. Три дня оставался на снегу под перевалом.

2. На три дня остановился в Сурхкате, застрял, из Сурхката вернулся; вернулся, пошел в Хадишар, не смог /пробыть там/. Еды нет, без еды вернулся, потом пришел в Арнохун.

3. Пошел снег, пошел дождь. Взял да зашел в Сурхкат, потихоньку поднялся; поднялся до Харпа, /целый/ день до вечера там оставался.

4. /Целый/ день до вечера оставался там, потом взял да пошел на перевал, спустился, переночевал в Таги-Чаноре; один вечер пробыл /там/. Там съел огромное количество «чанголи», /потом/ взял да поднялся домой.

XXXI

1. *bistuhaštsolagi inč anósim, čordáh sóli anídim, tī yáni-s anós. hózir nahé-pi-š zindagty kár-im ast, ax-š méni mám-pi.*

2. *dodó-m kambaxál viyortagi odám xoy, tufór žúte-š oy, du žáyki-uxš, aūqót - šint névirišt, či xúddi Dušambéh nampá zaži-vár, žállay-pi, apiróns.*

3. *axiš kasál avú, nobýd aví, sóni bádi nobýd aví, avóym Muḥammádi káti mox qatí avím čof sóli-sa, ke aǰáxim judó aví, aníž atír.*

4. *hózir šaroyíti ī očá-m ast, sol-š kátta vta-x, nihíranka zindagoniy kár-im ast.*

1. Двадцати восьми лет я женился. Четырнадцать лет /вместе/ пробыли, потом я взял другую. Теперь с ней живу, она со мной в селении.

2. Мой отец был бедный человек, было у него четыре сына, две дочери — /всего/ шестеро, не мог их прокормить. Из самого Душанбе приносил керосин, с зерном, продавал.

3. В конце концов заболел, умер, потом, после того как он умер, пришли мы в дом Мухаммеда, стали жить вместе несколько лет. Потом разъединились.

4. В настоящее время есть у меня мать, она состарилась. Так вот живем сейчас.

XXXII

1. *Sóli si-vu yak - si-vu dúyi ī xšab bosmači syr asán nahidóke. Aspaki bisyór avés, mindawrá akún, sydi kotib-iš atuxór. Naháŕanka, misól nósim, čor sóli davóm akún.*

2. *Nahí(d) čor sóli -báyni hámcunon azób axášim mox, hámcunon azób axášim; nahí azóbi kašidagi-mox: tamótán šábi butún adirti-vik ašáwim anipíd divárti-vik. Zimistóni wáxti kóyti-vik ašáym anipíd mól-ad žóŭti-riti, oxúrti-vik anipídimišti, žóŭt-mox tuxór gustá bosmačít.*

3. *Axír-u oqubát sallóti bisyóre žám avú avóŭ, bosmačíti kam-kam, kam-kam naháranka parokandá akún. Žumā gustagi bosmači xóyi, qurboši aví, nahí Šóŭxoni-š avarór atuxóy, Šóŭxon-š atuxór.*

4. *Nahíd méni du karáti žang avú, nah Piskón. Yakkúm marotibá nídaki avú bosmači, žang binó akún. Duyúm marotibá tim, xoš ki bošád, dar wáxti axír šudáni hamün bosmači, ax tim nahidóke žang avú, nahidóke háma tamóm avú. Murdagi-š amír, namurtagi-š, xoš ki bošád, čóy-vik atír, qába-t turmáyte atír.*

5. *Az vay guzaštagi ī Sangín gustagi bosmači yáxši avú, Sangín gustagi bosmači. Ax tim naháranka sarsón-u sargardón-mox akún. Hámcunon azób axášim, na šap qarór iyóm, ma mes qarór iyóm. Šáb-am va zúz-am, xoš, naháwi-dými tamómi aktíf oy sarsún-u sargardún.*

6. *Az vay guzaštagi čoy yáxši avú ... Xošók gustagi yáxši avú, Xošók gustagi qurboši. Áwi panj miltiq oy, xoš, ī tapončá-š oy, tapončá-š nahránka musulmoní, degákče alóŭ amúniš, ke aparón.*

1. В году тридцать первом-тридцать втором однажды ночью здесь появились басмачи. Спустилось много всадников, окружили, убили секретаря суда. Так, примерно, продолжалось четыре года.

2. За эти четыре года мы так намучились, так намучились; вот наши мучения: на всю ночь мы все уходили на холмы, спали снаружи. Зимой шли в хлева, спали у скота, спали в кормушках, думая, как бы не убили наших коров басмачи.

3. Наконец собралось и пришло много солдат, постепенно-постепенно разогнали так басмачей. Был басмач по имени Джума, он стал курбаши, его повели в Шоухон, расстреляли, в Шоухоне его расстреляли.

4. В этом селении два раза был бой, в Писконе. Первый раз, (когда) басмачи сделали засаду, начался бой. Второй раз, так, во время окончания басмачества, тогда тоже здесь был бой, здесь все кончилось. Кто умер — тот умер, кто не умер, попал в это, как его ... в плен и тюрьмы.

5. После этого появился один басмач по имени Сангин. Он тоже вот так доставил нам много беспокойства. Так мы намучились, ни днем нам покоя не было, ни ночью. Ночью и днем, так, гонялся за ним весь актив.

6. После этого появился этот, как его ... появился Хошок, курбаши по имени Хошок. У него было пять винтовок, так, был у него пистолет, пистолет такой мусульманский, поджигал он /порох/ у курка, потом стрелял.

XXXIII

ī mes xutánnay ašáwim, xutánnay ašáwim óp-iš amūnim, řállá avíd dūliš. Soibosyó avów, Hořanazár guřtagí odám, avóv aní: pařarnaalát, idóka be iřozát řállá náwíd. Ařáxim abudúřs. Abudúřsim, xoř ki bořád, azónči-m adih.

Однажды я пошел на мельницу. Пошел я на мельницу, пустил в нее воду, насыпал зерно в мельничный ящик. Пришел мельник, некий Ходжаназар, сказал: «Проклятый, здесь не сыпь зерно без разрешения». Взяли да подрались. Подрались, так вот, он сильно меня побил.

СЛОВАРЬ

(дополнения к словарю ЯТ)

В настоящий словарь включены новые слова и уже имеющиеся в ЯТ, но для которых найдены новые значения.

А

<i>afđodārón</i> (т.)	Большая медведица.
<i>alapovúti kuhná</i> (т.)	дряхлый.
<i>alo kun- aloxurdá</i>	убаюкивать, укачивать (ребенка). лупоглазый.
<i>alxów vu-</i>	объединиться во время пахоты; ср. т. <i>řarik řudan</i> .
<i>anařrankína</i>	такой.
<i>andéřa kun-</i> (т.)	думать, размышлять.
<i>antulák dih- axóka</i>	брыкаться.
<i>aylánř</i>	там. извилистая тропа на склоне горы.

В

<i>babím</i> (т.)	опасный.
<i>bařagála</i>	группа мальчиков; ср. <i>pullagála</i> .
<i>bahrá vu-</i>	извлекать пользу.
<i>bařobozí</i> (т.)	игра в прятки.
<i>bardóř:kun-;kérak</i>	поднимать.
<i>barkář</i> (т.)	приспособление для поднятия мель- ничных жерновов.
<i>beh</i> (т.)	хороший
<i>behavoyí</i> (т.)	плохая погода.
<i>belāřagi kun-</i>	мало разговаривать.
<i>beřamóz</i> (т.) <i>муууца</i>	месячные (у женщин). <i>мисити тв.</i>
<i>beřáxa</i> <i>р а р е с а</i>	беспалый. 2. <i>ц аз. řене 2</i>
<i>beřúk</i>	плохой (о человеке); <i>beřúk odám</i> плохой человек; ср. т. <i>odámi beřamá</i> .
<i>beráh vu-</i>	зайти к кому-нибудь, остановиться у кого-нибудь в пути (т. <i>beráh, řu- dan</i>).

1. В году тридцать первом-тридцать втором однажды ночью здесь появились басмачи. Спустилось много всадников, окружили, убили секретаря суда. Так, примерно, продолжалось четыре года.

2. За эти четыре года мы так намучились, так намучились; вот наши мучения: на всю ночь мы все уходили на холмы, спали снаружи. Зимой шли в хлева, спали у скота, спали в кормушках, думая, как бы не убили наших коров басмачи.

3. Наконец собралось и пришло много солдат, постепенно-постепенно разогнали так басмачей. Был басмач по имени Джума, он стал курбаши, его повели в Шоухон, расстреляли, в Шоухоне его расстреляли.

4. В этом селении два раза был бой, в Писконе. Первый раз, (когда) басмачи сделали засаду, начался бой. Второй раз, так, во время окончания басмачества, тогда тоже здесь был бой, здесь все кончилось. Кто умер — тот умер, кто не умер, попал в это, как его ... в плен и тюрьмы.

5. После этого появился один басмач по имени Сангин. Он тоже вот так доставил нам много беспокойства. Так мы намучились, ни днем нам покоя не было, ни ночью. Ночью и днем, так, гонялся за ним весь актив.

6. После этого появился этот, как его ... появился Хошок, курбаши по имени Хошок. У него было пять винтовок, так, был у него пистолет, пистолет такой мусульманский, поджигал он /порох/ у курка, потом стрелял.

XXXIII

ī mes xutánnay ašáwim, xutánnay ašáwim óp-iš amūnim, řálla avíd dūliš. Soibosyó avów, Hořanazar guřtagi odám, avóv aní: pađarnaalát, idóka be iřozát řálla náwīd. Ařáxim abudúřs. Abudúřsim, xoř ki bořád, azónči-m adih.

Однажды я пошел на мельницу. Пошел я на мельницу, пустил в нее воду, насыпал зерно в мельничный ящик. Пришел мельник, некий Ходжаназар, сказал: «Проклятый, здесь не сыпь зерно без разрешения». Взяли да подрались. Подрались, так вот, он сильно меня побил.

СЛОВАРЬ

(дополнения к словарю ЯТ)

В настоящий словарь включены новые слова и уже имеющиеся в ЯТ, но для которых найдены новые значения.

А

<i>afđodārón</i> (т.)	Большая медведица.
<i>alapovúti kuhná</i> (т.)	дряхлый.
<i>alo kun- aloxurdá</i>	убаюкивать, укачивать (ребенка). лупоглазый.
<i>alxów vu-</i>	объединиться во время пахоты; ср. т. <i>řarik řudan</i> .
<i>anařrankína</i>	такой.
<i>andéřa kun-</i> (т.)	думать, размышлять.
<i>antulák dih- axóka</i>	брыкаться.
<i>aylánř</i>	там. извилистая тропа на склоне горы.

В

<i>babím</i> (т.)	опасный.
<i>bařagála</i>	группа мальчиков; ср. <i>pullagála</i> .
<i>bahrá vu-</i>	извлекать пользу.
<i>bařobozí</i> (т.)	игра в прятки.
<i>bardóř:kun-;kérak</i>	поднимать.
<i>barkář</i> (т.)	приспособление для поднятия мель- ничных жерновов.
<i>beh</i> (т.)	хороший
<i>behavoyí</i> (т.)	плохая погода.
<i>belāřagi kun-</i>	мало разговаривать.
<i>beřamóz</i> (т.) <i>мушса</i>	месячные (у женщин). <i>мисити</i>
<i>beřáxa</i> <i>рајса</i>	беспалый. 2. <i>цз. ҫенс</i>
<i>beřúk</i>	плохой (о человеке); <i>beřúk odám</i> плохой человек; ср. т. <i>odámi beřazá</i> .
<i>beráh vu-</i>	зайти к кому-нибудь, остановиться у кого-нибудь в пути (т. <i>beráh, řu- dan</i>).

berű (т.) нахальный.
 bilding (т.) penis маленького мальчика.
 biyobár (т.) равный, одинаковый.
 biž-báng dih- хлопать в ладоши.
 bolišták (т.) поперечный столб, кладущийся на
 ɣáda (см.)
 bulhá (т.) большой.
 burránda (т.) сапожный нож.
 buzmár остатки корма домашних животных.
 bűz (т.) небольшой участок склона горы, заросший травой
 býda напрасный, напрасно (т. behudá).

Č

čáča рука (на детском языке); ср. čáča
 искра.
 čáfa луг, на котором пасутся лошади.
 (čákdor) ловить, хватать; ačákdorim я пой-
 мал; ср. čak dor схватывать, задер-
 живать (сложный глагол) в ЛТ
 (стр. 234).
 (čakkák) капля; ср. čakka в ЛТ (стр. 235)
 čaqqagi kun- приставать.
 — (čalokolöbozi) игра в чижа.
 čaláqq- исполаскивать (ведро).
 čalló прозвище человека с головой
 продолговатой формы.
 čam-ak хромать; ср. т. čambidan.
 čambaršóx (т.) корова с большими рогами.
 čarakór (т.) левша.
 čarbák (т.) белый налет на бобовых, оказы-
 вающий вредное воздействие.
 čarmák (т.) деталь прялки.
 čarxkašisoɣú (т.) местный сепаратор.
 čarxúta тонкая кишка.
 časrák (т.) заплатка (на обуви).
 (čaštákí kun-) подмигивать; ср. čimtakí kun-

čaxník деталь водяной мельницы.
 čičák оспа; čičak dih- прививать оспу.
 čiğást kun- визжать.
 čimtakí kun- подмигивать; ср. časmakí kun-
 срывать.
 čin- заноза; dást-im čink adih мне в
 čink руку попала заноза.
 čiroɣdūpovezonkará проволока, при помощи которой
 лампа подвешивается к потолку.
 čiš kun- мочиться (на детском языке).
 (čodár) покрытие в виде шатра, где сидит
 невеста во время свадьбы.
 čor узкое ущелье.
 čorxéz (т.) галоп.
 čošmá (т.) порошок.
 čowokáš (т.) уполовник; ср. zivannák в ЛТ.
 čuɣák фигура из камней, установленная
 на гребне горы.
 čúkkuší прямо; ср. čukkiši в ЛТ (стр. 248).
 čuqaymá (т.) ✓ бездельник.
 čungurák (т.) комар.
 čur (т.) козленок с маленькими ушами
 (čúspa) плоский камень, кладущийся на
 край крыши; ср. čusp в ЛТ
 (стр. 242).
 čuxták (т.) деталь прялки.

F

fášaša (т.) выпущенный конец чалмы.
 fatarümet на третий день.
 faxufúx (т.) бред.
 fayt- успевать.
 firóni xaš- нюхать
 fit (т.) гладкий.
 fitír- (зап.) отрезать; ср. rákka kun-
 сопливый.
 fixín (т.) он сел, опираясь на плечо.
 fik: fiki-pi-š aníd

furtūn- (секр.)
furužgór (т.)

гнать.
продавец.

D

daf kun-
dagdagá (т.)

хоронить (т. *dafn kardan*).
палочка, от вибрирования которой
зерно сыплется из карсак-а (см.)
в отверстие верхнего жернова.
яма-ловушка.

dála

dam nīd-

damnósak

dangalšáp (секр.)

сидеть молча (т. *dam nišastan*).
привал (т. *dam girák*).
название пищи *čangoli* (см. ЛТ,
стр. 235).

dānvozák (т.)

зевок; *dānvozák xaš-* зевать (т.
dahanvozak kašidan).

dára: diráxti dára

darv

dasmiró kun-

dast: dásti-m nīšta-x

dastupowīdá ✓

dekčūnabozí ✓

dil: dīl-im kóūči

сердцевина ствола дерева.
гребень горы (архаизм).

искать наощупь.

у меня вывихнута рука.

большой металлический чайник.

название детской игры.

меня тошнит; *rūyi dilt sort kunt*
охладитесь; *rūyi dīl-im išči* у ме-
ня изжога; *bāndi dīl-im dāxšak*
ast у меня болит сердце; *bāndil-*
im čang dihcī у меня болит живот;
bandil-im girih dihci у меня сердце
биение.

потроха.

у меня заложило нос.

ящерица; ср. т. *dandūn-šumurak*.

драка (т. *zanozaní*).

брусок для точки серпа.

жатва, покос.

порог двери.

боковая часть дверного косяка.

верхняя часть дверного косяка.

dobá (т.) ✓ *zy činsok*
dodári ša (т.) *šah*

урюк, размягченный в воде.

человек, сопровождающий жениха
во время следования к дому не-
весты.

dorsánka

dukkūn- (т.)

dupóda nīd-

duragá (т.)

сланец.

ручной ткацкий станок.

сидеть, поджав под себя ноги.

смешанный по крови (например,
отец — ягнобец, мать — таджичка).

dusóq ~~niš~~

duzunká nīd-

dymzír (секр.)

dymzáza

dūx: pūstaki dūy dihtišt

dūxtaní (т.)

овца, ни разу не родившая.

сидеть на коленях.

лошадь.

копчик.

он попусту воображает.

дратва.

G

gap (т.)

слово, речь, *gab duxūšimišt* нас
будут укоряять; *gab-moḡ dáūtišt* с
нами считаются; *ī xári gap adīhi*
ты сказал глупость.

gappardóz kun-

gazakópa

заниматься игрой слов.

1) моча; 2) ироническое название
остывшей жидкой пищи.

gard kun-

gárim (т.)

посыпать.

хорошая, ловкая (об охотничьей
собаке).

giř nīd-

gilóp fas-

guhmiřá (т.)

gulá (т.)

сидеть на корточках.

белить.

ячмень в глазу.

вторая ремиза ручного ткацкого
станка.

gulbarsár (т.)

раскаленное топленое масло, ко-
торое льют на молоко.

gūšák (т.)

gūštīnšaparák (т.)

gūz dih-

деталь прялки.

летучая мышь.

испускать громкие ветры; ср. *tīssa*

җ

<i>җаба: diráxti җаба víta-x</i>	дерево стало очень густым.
<i>җаҗаҗуҗ kun- җаҗаҗуҗ</i>	болтать.
<i>җада</i>	короткое бревно, прикрепленное к опоре моста; несколько таких бревен поддерживают продольные балки.
<i>җадр kun-</i>	скрывать.
<i>җаflát (т.)</i>	неожиданно, внезапно.
<i>җаfsák (т.)</i>	толстая лепешка
<i>җállawīdačóx җала -</i>	яма для хранения зерна, выкопанная внутри дома.
<i>җалтáк (т.) җоһ</i>	большая деревянная катушка, подкладываемая под жернова во время их снятия.
<i>җамбóда vu-</i>	печалиться, грустить.
<i>җаммоzi kun-</i>	врать.
<i>җántumanon җантуманон</i>	пшеничная лепешка.
<i>җарáfs- (Куль) җарар</i>	ложиться спать; ср. <i>җарápp-</i>
<i>җарápp- (зап.)</i>	ложиться спать; ср. <i>җарáfs-</i>
<i>җарáw</i>	бамбук.
<i>җармáк - җармак, тиндэ</i>	молоко, надоенное сразу же после рождения теленка или козленка.
<i>җардéза</i>	задняя стенка жилища; ср. <i>җardezá</i> в ЯТ (стр. 257).
<i>җаррáст kun-</i>	испускать громкие ветры; ср. <i>gūz dih-</i>
<i>җаррás kun-</i>	1) трещать; 2) издавать крик; ср. т. <i>darras zadan.</i>
<i>җáwa</i>	рыжая кошка.
<i>җавáст</i>	мяуканье; <i>җавáст kun-</i> мяукать; ср. <i>таwás kun-</i> в ЯТ (стр. 285).
<i>җауgála</i>	группа девочек.
<i>җазáк</i>	название растения.
<i>җазzást : җазzást borún anós</i>	пошел сильный дождь.
<i>җазd kun-</i>	грязнить, пачкать.
<i>җазҗаз: җазҗáзи borón</i>	небольшой дождь.

җеҗirák
җellón- (перен.)
җéса
җидir-җидir kun-
җилоfi kun-

җинówi šaw- җиноб
җирекáнч

җирекáнча

җиреšá - җирешак
җошšáppa

җо wakbozi

җоз

җúlla

җунám (т.) җунан

җунамxár (т.) җунан

җурbát kun-

җурдавастакó

җурдареžúnna (секр.)

җүркáк1

җүркáк2

җурúm

җуwún-

җуž-

җаfást (т.)

җалalí kun-

җамsoyagarí (т.)

можжевельник.

врать.

арча; ср. т. *burs, arča.*

приставать.

плотно закрывать что-либо; *divár*

җилоfi kun плотно закрой дверь.

дремать; ср. *җиноў* в ЯТ (стр. 258).

белая глина; используемая для побелки домов.

место, откуда берут глину для

побелки домов.

название травы.

прут, которым погоняют волов во время пахоты.

название детской игры.

теребить, щипать (шерсть).

яички; ср. *хоуá*

двухлетняя лошадь.

двухлетний осел.

чернить, клевать (т. *җурбат kardan*)

название детской игры, *закрывать зерно.*

почки (у людей и животных).

1) лягушка; 2) прозвище толстого человека с короткими ногами.

горный баран.

целиться.

течь сверху вниз (о воде); *káti nís-sta-yom, yáke op sar ažúž* сидели мы дома, как вдруг сверху потекла вода.

Н

лай; *җаfást kun-* лаять; ср. *гауз* в ЯТ (стр. 312).

подшучивать (над кем-либо).

соседство.

hamýr хитрец, ловкач; ср. *molaví*.
hamýrizot хитрец, ловкач;
harír (т.) мучная каша на молоке.
hárra vu- (перен.) врать; ср. *hárra vu-* срывать, падать.
hárrakarobozí скатывание со склона горы (детская игра).
harūmrūta разновидность кишок.
havéč лущеный горох; ср. *xawéč* в ЛТ (стр. 357).
havečumóča гороховый суп.
haylá kun- (зап.) обманывать.
hez (т.) импотент.
hikkák (т.) икота; *hikkák dih-* икать.
hinjírásť (т.) ржание.
hissaxúra: hissaxúra níšta-x у него на языке вскочил прыщик.
hučkarabozí катание на качелях.
huččák качели.
hudburí (т.) *hulburi* сразу, мгновенно; ср. *xulburí, xudburí* в ЛТ (стр. 362).
hull- нарывать (о ране); *ráxši yára víta, húlta-x* во рту появилась рана, она загноилась.
hūm wov- соглашаться.

Н

hiss kun- делить.
hovozi пение; *hovozi kun-* петь.

І

izmxūna сарай для дров.
išókay (зап.) здесь.

Ї

jamúlk jamúlk
řarmarkušák (т.) смесь из ячменя и гороха.
 кривой охотничий нож.

řela
řihagbozi (т.)
řuladbánd
řujál
řuš-

kabýt (т.)
kačála
kařalaxurdá
káka
kalelák: řurday kalelák
kalít (т.)
kalučák
káma

karčák

kaštál (т.)

katxudoyí kun-
kaylák (зап.), *kelák* (вост.) подбородок.
kílla: řúši kílla
kilów-
kimár
kimárča

kiribđýma (секр.)
kiričaxúr

kírrak₁

kírrak₂
kírraknáysa

приманка на охоте.
 игра в прыжки через ручей.
 сбруя.
 сплетник.
 прилипать; *loy řúšta xoy* глина прилипла; ср. *řuš-* в ЛТ (стр. 267).

К

рыжий (прозвище человека).
 косолапый.
 косой.
 яички у мальчика.
 ресница.
 руины; ср. т. *kalót*.
 вид насекомого.
 шея; *káma-ř qózi káma-x* у него тонкая шея (как у гуся).
 деревянный сосуд подковообразной формы, в который сыплется зерно из мельничного ящика.
 борт пиджака; *kaštál ba kaštál nos-* брать за грудки.
 совокупляться.
 подбородок.
 мочка уха.
 качаться, шататься (т. *kalowidan*).
 деталь водяной мельницы.
 1) завязка рубашки, халата; 2) петля для пуговицы.
 коза; ср. *kiriřč*
 привередливый в еде (о людях и животных).
 подгоревший остаток пищи на дне котла.
 название птицы.
 прозвище человека с длинным тонким носом.

<i>koh-</i>	худеть (т. <i>kohidan</i>).
<i>kolaráha</i> (т.)	тропинка, по которой ходит скот.
<i>koiáka</i>	участок улицы перед домом.
<i>kulimba</i> (т.)	деревянный запор.
<i>kun: diráxti kun</i>	основание ствола дерева.
<i>kuntí</i> (т.)	педераст.
<i>kuntxára</i>	нижняя балка моста.
<i>kúppa vu-</i> (секр.)	ложиться спать.
<i>kurk vu-</i>	кудахтать.
<i>kūč</i>	борозда.
<i>kūppaʃamkára // kūrpaṃ-</i> <i>paríča</i>	ниша в стене, предназначенная для складывания одеял; ср. т. <i>taxmon</i> .
<i>kurúta // kūtán</i>	слепая кишка.
<i>kūták</i> (т.)	челнок в ткацком станке.

Q

<i>qábri syrát</i> <i>qaldár</i> (т.)	белое пятно на ногте.
<i>qarstifaràkbozi</i> <i>qatalóg dih-</i> <i>qati kun-</i> <i>qayíš</i> <i>qawristoní</i> <i>qawsí vu-</i> <i>qisti kun-</i> <i>qima kun</i>	прозвище нечленораздельно говорящего человека. название детской игры. бездельничать. смешивать крепкий, прочный кладбище; ср. <i>guristoní</i> страдать задержкой мочи. жать (об одежде); т. <i>qisti kardan</i> . переливать чай из чайника в пиалу и обратно, чтобы он лучше настоялся; ср. т. <i>čoy gardondan</i> .
<i>qofíla: zaifóti qofíla</i> <i>nóta níssta</i>	женщины сидят в кругу; <i>qofílay jógá</i> место в центре селения на крыше дома, где постоянно собираются жители.
<i>qoqák</i> (т.)	сухарь.

<i>qoqoqú kun-</i> <i>qorqolák</i> <i>qožún-</i>	кукарекать название игры пить большими глотками, издавая звуки.
<i>qurs</i>	круг; <i>qurs dih-</i> образовать круг; <i>qurs-šin díhta níssta</i> они сидят, образовав круг.
<i>qušxoná</i>	дом, где собираются и ночуют гости, прибывшие на свадьбу.
<i>qut: qúti rú-š apár</i> <i>quttiyák</i> (т.)	он побледнел. металлическая кружка.

L

<i>labaláxt kun-</i> <i>lažlogú</i> (т.) <i>lákka</i>	разрывать на куски. уполовник, ср. <i>čowokáš</i> . небольшой участок пахотной земли, оставшийся незасеянным; ср. <i>lakka</i> в ЯТ (стр. 281).
<i>lákka:k: ĭ lákka:k apiráxs</i> <i>lakkón-</i> <i>laq-</i> <i>laqáy</i> (т.)	осталось немного. бежать вприпрыжку. булькать (т. <i>laqqidan</i>). прозвище человека, который постоянно ходит с опущенной головой.
<i>laqqonák</i> (т.) <i>láxxa: láxxa-m anos</i> <i>langarsánka</i>	жидкая каша из муки. я запыхался. камень-противовес, натягивающий нити основы на ткацком станке.
<i>likkák</i>	деревянная петля на двери для задвижки; ср. <i>šikillák</i> .
<i>lislisnákun</i> (т.) <i>líxna</i> (секр.)	гнусавый. молодая красивая девушка.
<i>lokdihá</i> <i>loq</i> (т.)	сапожная щетка. обессилевший, разбитый от усталости.
<i>loy</i> (перен.) <i>loyína</i>	деньги. глиняный.

<i>luqq: motí-t luqqóm</i>	(ругательство).
<i>luxák</i>	название растения.
<i>luxkabóy</i>	легковой автомобиль.
М	
<i>maaraká-oč</i>	первый плов во время празднеств
<i>mačál (т.)</i>	место для стоянки мелкого рогатого скота; ср. <i>rabát</i> .
<i>mak</i>	темя.
<i>maláy: man taŭ- xotír maláy?</i>	что я тебе: слуга?
<i>maučúb (т.)</i>	деталь водяной мельницы.
<i>mayk</i>	осторожно; <i>mayk-š var náčošot</i> осторожно неси, чтобы не просыпалось; <i>mayk anósim níjumb</i> я осторожно взял — он не пошевелился.
<i>miǰún-</i>	шевелить, приводить в движение; <i>ǰúrda miǰún-</i> моргать; <i>lap miǰún-</i> шевелить губами.
<i>miltiqagí (т.)</i>	человек с ружьем.
<i>móla xaš-</i>	боронить.
<i>molavi</i>	хитрец, ловкач; ср. <i>hamýr</i>
<i>muqarár (т.)</i>	постоянно, всегда.
<i>mulák (т.)</i>	двойной шов.
<i>murúkna // murúgna (секр.)</i>	зерно, ср. <i>тигуна</i> в ЯТ (стр. 288).
<i>múštak</i>	мука.
<i>myšól</i>	название растения.
<i>mūndá (т.)</i>	пень.

N

<i>namóy-</i>	казаться (т. <i>namudan</i>).
<i>napáŭ</i>	так; <i>napáŭ-š kun</i> сделай так.
<i>napítki</i>	такой.
<i>narrák (т.)</i>	прыц.
<i>našidóka</i>	здесь.
<i>navardán (т.)</i>	передний валик ручного ткацкого станка.

<i>navbást (т.)</i>	бык, впервые приставленный к работе.
<i>náxna (секр.)</i>	деньги; см. <i>šágna</i> .
<i>nays</i>	нос; <i>náysi xarák</i> переносица.
<i>náystex</i>	прозвище человека с горбатым носом.
<i>neš: kartuškáy neš díhta</i>	картошка дала ростки.
<i>ničámma (секр.)</i>	сенокос.
<i>nišūnabozí (т.)</i>	бросание камней в цель.
<i>nixšór kun-</i>	жевать (о животных), см. <i>puškára kun-</i> .
<i>nodída (т.)</i>	жадный.
<i>pokafūnta: pokafūnta ǰayk</i>	невинная девушка.
<i>nom mon-</i>	называть (т. <i>nom mondan</i>).
<i>nówa (т.)</i>	люлька, сплетенная из веток
<i>noŭxána</i>	ручей, по которому вода подводится к мельнице.
<i>nučúnna (секр.)</i>	одежда.
<i>nučúnti</i>	вторая пропашка после сева; <i>šudgór nučúnti kar-t ast?</i> ты делаешь вторую пропашку?
<i>nujók kun-</i>	выть; ср. <i>nujok</i> в ЯТ (стр. 297).
<i>nikfatarúmet</i>	на четвертый день.
<i>niksitiryón</i>	три дня назад.
<i>nivók kun-</i>	выть; ср. <i>nijok kun-</i> .
<i>nŭči (перен.)</i>	плохой, плохо; ср. <i>séči</i> .
<i>nŭnǰéša</i>	место, где раскатывают тесто.

O

<i>obvančí (т.)</i>	водослив в ручье, подводящем воду к мельнице; ср. <i>oppartób</i> .
<i>obvančidork</i>	деталь водяной мельницы.
<i>očagí (т.)</i>	материнский.
<i>oǰinǰák</i>	морщина; <i>rit-š oǰinǰák díhta</i> его лицо покрылось морщинами; ср. <i>oǰinǰak</i> в ЯТ (стр. 297).
<i>olowí wov-</i>	бредить.

olowtuxóya
opxurák (т.)

órsina

órta

ortawídačóra
ortaxašafihák

ortfórza

osiyočinák (т.)

osóy-

oxšák
óзма-óзма
ozmýd mūn-
ozmýt kun-

rákki kun-
ranĵakživarakbozí
par (т.)
parayšón vu- (зап.),
parešón vu-
parč

parkáč
rátra (т.)
rarrú vu- (перен.)
parvós kun-

пожарник.
ключица; ср. *obxúray siták* в ЯТ
(стр. 297).

дратва, нитка; ср. *orusná, orisna*
в ЯТ (стр. 299).

мука; *umóči órta* мука второго
сорта.

ящик для хранения муки.
деревянная лопаточка, которой
сгребают муку на мельнице.

углубление в полу перед жернова-
ми, в котором скапливается мука.
молоток, которым придают шеро-
ховатость поверхности жернова.
иметь пользу (от кого-либо); *na*
či žútay-t osóyišti? ты имеешь
пользу от твоего сына?; ср. т.
osoidan.

охапка дров.
понемногу, постепенно.
пробовать что-либо сделать.
привыкать.

Р

резать.
название детской игры.
лопасть мельничного колеса.
(вост.) распространяться,
рассеиваться.
подпора моста, сложенная из
камней; *rárči šox* маленький
столбик, служащий для укрепле-
ния подпоры моста.

маленький шалаш.
гребень склона горы; ср. *darv.*
ложиться спать.
ухаживать за скотом.

parvosí
parxúna (т.)

parmáza (т.)
parmón vu-
pastí
pašmúnča

patarást kun-
páxa

parxoták tir-
payĵó (т.)
payráha (т.)
pažár
pešĵiláw (т.)

pes vu-

peyĵún- (Номиткон)

piččák
pičín-
pičórta kun-
pinx

pisám-

pišér-: pišérta: pišérna

pit(t): - píttá

уход за скотом.
нижняя часть мельницы, где рас-
положено мельничное колесо.
невкусный.
соскучиться (т. *razmon šudan*)
деталь прялки.
женщина, сопровождающая неве-
сту во время ее следования в дом
жениха; ср. *pašá^hnamonča* в ЯТ
(стр. 309).

вспорхнуть.
четыре пальца руки (без большо-
го); *kátta páxa* указательный па-
лец; *maydá páxa* мизинец; *bidúni*
páxa средний палец; ср. *páxa* пя-
терня в ЯТ (стр. 304).

ползать на четвереньках.
след.
тропинка.
сторож (ср. русск. *пожарник*).
человек, загораживающий путь
жениху у входа в покои невесты.
покрыться волдырями от ожогов
травы "вигны".

просеивать через сито; ср. *payron*
сито в ЯТ (стр. 304).
кукла, сделанная из пучка травы.
собирать; ср. *čín-*.
захватывать, огораживать (место).
1) шпоры у птиц; 2) заноза; ср. *pix*
в ЯТ (стр. 307).

1) мести; ср. *pisáma* сор, мусор;
2) прогонять (перен.).

передавать, вручать; *avárim Nýrof-*
pi apišér-š я отнес, вручил его
Нурову.
развязываться (о веревке).

*pittón-
pivýóra
píča* (т.)
*pīz-: pīsta: pīzna: pīzak
róda*

*poq: róqi-pi adihim pešū-
ní-t
poréč vu- :
poršóla
puččák
pùllakóra*

purmaná (т.)
*putkudumóč
puškára kun-*

*pýkka: déwi pýkka
pýta
pýyáýša
pūzdýmba*

*rabát
ražzavánna*

*ránna
rav: rávi waxt
ravák* (т.)
*ravióy kun-
raħnaroyák kun-*

rexín (т.)

развязывать (веревку).
позавчера вечером.
висок; ср. čакка в ЯТ (стр. 235).
макать; ср. pīz в ЯТ (стр. 308).
1) нога; *póda-m awúfs* я отсидел
ногу; *póda-m rag axáš* у меня све-
ло ногу; *ax róda čalák awíd* он
подставил подножку; 2) деталь
прялки.

я дал тебе шелчок по лбу.
задевать ногой за ногу.
педаль ручного ткацкого станка.
деталь прялки.
подслащенная вода, которую дают
детям.

болтун.
название пищи.
жевать; ср. *nixšor; nos, puškáray
kári vu* бери, ешь (перен.).

гриб, ср. *ruk* в ЯТ (стр. 309).
гнилой, ср. *puta* в ЯТ (стр. 310).
без рукавов (об одежде).
баранья шкура.

Р

загон для мелкого рогатого скота.
шерстяной пояс; ср. *ražza-vanka* в
ЯТ (стр. 311).
1) метла, 2) (секр.) вор.
время спаривания животных.
шлагбаум.

обращаться, ср. т. *raštumád kardan*
спускаться, осторожно перестав-
ляя ноги.
человек, страдающий поносом.

rezūngí (т.)

*rid wen-
riwéšna* (секр.)
rot

ryjvánka

rūbák (т.)

rūdaxúr (т.)

rūkušoyák (т.)

rūmoč

*rūta: rūtoti jaŋg ast
Xudayóri
rūtadárd*

safedí (т. перен.)

sakindón (т.)
sakinxūna (т.)
sambáqa (т.)
sānčakóya

*sar: sári táki-sa awófti
sarapuči wove-
sardiha*

насморк; *gumún rezūngí nóta im,
náyst-im náuštošt* у меня как- буд-
то насморк, все время у меня те-
кут сопли.

выглядеть старше.

шерсть.

свадебный подарок, который при-
носят родственники жениха или
невесты.

приспособление, сделанное из па-
лок и тряпок и предназначенное
для закрывания отверстия в кры-
ше зимой.

кусок шерсти, которым сгребают
муку на мельнице.

презрительная кличка человека,
не участвующего в охоте.

обряд открывания лица невесты во
время свадьбы.

волосы на половых органах; ср.
барт. *rūmč*, шугн. *rūmj*, т. *romá*.

у Худаера кишки «марш играют»
запор

S

1) молоко, молочная пища, 2) вод-
ка.

кизяк, сложенный в кучу.

помещение, где хранят кизяк.

лягушка.

хлев, предназначенный для коз-
лят.

вы сказали наоборот.

болтать чепуху.

человек, отрезающий голову жи-
вотного, убитого во время охоты.

<i>sarkūw</i>	засада, устраиваемая на вершине горы во время охоты на диких козлов; <i>sarkūw nos-</i> устроить засаду.
<i>sebák</i> (т.)	деталь водяной мельницы.
<i>séči</i> (перен.)	хороший, хорошо; ср. <i>nūči</i>
<i>séksiya</i> (русск.)	сессия.
<i>serkáka</i>	мальчик, у которого большие яички.
<i>seršimól</i> (т.)	ветренный.
<i>sikičk</i>	название травы.
<i>sinč</i>	продольная потолочная балка.
<i>sinčin: anáx xápi sinčin</i>	
<i>nóstišt</i>	он воображает.
<i>sinčinmūna</i>	чехол для хранения иголок.
<i>siréč</i>	древесный клей.
<i>sirísp</i>	поперечная балка крыши мельницы.
<i>six kun-</i> (перен.)	совокупляться.
<i>sīnačūb</i> (т.)	палка, поддерживающая на ручном ткацком станке нити основы.
<i>soyabūm</i> (т.)	навес.
<i>sumb dih-</i>	забивать ногой (что-либо).
<i>sumb kun-</i>	топтать ногами (что-либо).
<i>supkará</i>	повар.
<i>suqquní</i> (т.)	прозвище человека с «дурным глазом».
<i>syfák</i>	наружный подоконник.
Š	
<i>šágra</i> (секр.)	деньги (прич. наст.вр. глагола <i>šak-</i> тереть); ср. <i>náxna</i> .
<i>šakarák</i> (т.)	белый налет на коре дерева.
<i>šakarxaltá</i> (т.)	мешок среднего размера.
<i>šaldárd</i> (т.)	паралич.
<i>šall: šállí parr avím</i>	я очень устал.
<i>šamali: šamali šallá</i>	чалма из шерстяной материи.
<i>šamol tifár-</i>	обмахивать.
<i>šarčiročák</i> (т.)	зарница.

<i>šappišák</i> (т.)	годовалый козел.
<i>šarra</i> (т.)	водопад; ср. <i>šarra</i> в ЯТ (стр. 236).
<i>šiγ</i> (т.)	циновка.
<i>šikàmparúta</i>	двенадцатиперстная кишка.
<i>šikillák</i>	железная петля на двери для задвижки; ср. <i>likkák</i> .
<i>šikóřčak</i>	название травы.
<i>šikúf-</i>	расцветать (т. <i>šukufstan</i>); ср. <i>šikuf-</i>
<i>šilli vu-</i>	раскалывать (ЯТ, стр. 326).
<i>širagárm</i> (т.)	вынуть; ср. <i>šilli</i> в ЯТ (стр. 326).
<i>širiqqūn-</i>	теплый (о жидкости)
<i>širišák</i> (т.)	скрипеть.
<i>širšír</i> (т.)	название травы.
<i>šoxjorūb</i> (т.)	удойная корова.
<i>šowí</i>	метла.
<i>šukúfa</i> (т.)	чернота, темнота.
<i>šulobá</i> (т.)	оспа; ср. <i>gul</i> в ЯТ (стр. 255).
<i>šulukkáč</i> (т.)	слюнявый.
<i>šurpšxurák</i> (т.)	название насекомого.
<i>šuxák</i> (т.)	трещина в коже ступни (для лечения в нее кладут живую вошь).
<i>šūná</i> (т.)	нарост внутри матки коровы, мешающий зачатию.
<i>šūra</i> (т.)	батан ручного ткацкого станка.
<i>šūriš</i> (т.)	обрыв.
<i>šūša</i>	пурга.
	мочевой пузырь; ср. <i>xičak</i> в ЯТ (стр. 358); <i>nahíraw adáwim, šūša-m asúxs</i> я так набегался, /что/ у меня нагрелся мочевой пузырь.
T	
<i>tabarkorí</i> (т.)	колка дров
<i>taγó</i> (т.)	обращение к незнакомому человеку, старшему по возрасту; ср. <i>xolaki</i> .
<i>taγoraxšivnósa</i>	глиняный сосуд для хранения молока.

<i>taḥasúp kun-</i> <i>ta(h)dūn: ta(h)dūn odám</i> <i>táka</i> (т.)	подзадоривать. хороший знакомый. домашний козел; <i>táka-š dórta nís-</i> <i>sta</i> он сидит надувшись.
<i>takkagi</i> (т.) <i>talx</i> (т.): <i>tálxi pičíni</i> <i>kar-š ast</i> <i>tanída</i> (т.) <i>tánna</i>	козлиная шкура. это его огорчает.
<i>tapartá</i> <i>taravzín</i>	основа (на ткацком станке). сухие сливки; ср. <i>tana</i> в ЯТ (стр. 332). смешанный, разный. 1) деревянная решетчатая перегородка внутри комнаты; 2) перила моста.
<i>taspotásp kun-</i> <i>taw</i>	разгорячиться, согреться. продольное бревно под настилом моста (всего кладется 4 штуки); <i>táwi sári táxta</i> доска, кладущаяся на продольное бревно моста поперек (несколько таких досок образуют настил моста).
<i>tebankčadūn</i>	полка, сложенная из камней (такие полки служат для хранения посуды, их обычно делают в помещениях, расположенных на летовках).
<i>tilčák</i>	маленький язычок (увула), ср. узб. <i>til</i> язык.
<i>tirák</i> (т.) <i>tirgák</i> (т.)	деталь прялки. палка, поддерживающая желоб, по которому вода подводится к мельнице.
<i>tiríng</i>	крепкий, натянутый; ср. <i>tarang</i> в ЯТ.
<i>tíssa dih-</i>	испускать тихие ветры; ср. <i>gūz dih-</i> .
<i>tīk</i>	еще, потом; <i>tīk sol</i> в будущем году.

<i>tobák</i> (т.)	веревка, при помощи которой прикрепляется <i>dagdagá</i> (см.).
<i>toratxúna</i> (т.)	помещение, предназначенное для совершения обряда омовения.
<i>tuššá</i> (т.)	прозвище человека, чавкающего во время еды.
<i>tūr</i>	деревянный мельничный ящик, стенки которого имеют форму трапеции.
<i>tūrdórka</i>	горизонтально лежащая балка, поддерживающая верхнюю часть мельничного ящика.
<i>tūrna</i>	пугливый (о животных).

U

<i>ubórník // uborník</i> <i>ululajurdá</i>	уборная. прозвище человека, который все время смотрит исподлобья.
<i>umrī</i> (т.) <i>uskuná</i>	вечный богатый; ср. <i>uskúna</i> крепкий в ЯТ (стр. 341).
<i>usprún</i>	искусственный канал, спускающийся по склону горы между двумя посеваемыми участками.

U

<i>ūr</i> (т.)	верхняя часть корнеплода, ботва.
----------------	----------------------------------

V

<i>vallinká</i> (< <i>vanlinká</i>)	паук.
<i>van(n)</i>	длинный; <i>či hadd vánni býda</i> он слишком длинный (о человеке).
<i>vanjóz</i> (секр.) <i>vantí</i>	шерсть. глиняный сосуд, в котором хранят масло.
<i>vāst kun-</i>	мычать, блеять.

<i>vàzadýta</i> (секр.)	жирный баран.
<i>vižún-</i>	сжигать.
<i>vosfánka</i>	ошейник, сделанный из веревки.
<i>vurġurdá</i>	прозвище человека с голубыми глазами.
<i>vurmiġá</i>	прозвище человека с выцветшими бровями.
<i>vūd₁</i>	запах.
<i>vūd₂</i>	небольшой подарок, вручаемый гостям после поминок.

W

<i>wafrák</i>	иней; <i>badán-im wafrák suxásta</i> на моем теле появилась гусиная кожа; <i>káti wafrák suxásta</i> дом заиндевел.
<i>wayšaki</i>	человек, таскающий траву.
<i>wayškáč</i>	огороженное место, где складывают траву.
<i>wert-</i>	натягивать нить основы на ручном ткацком станке; <i>wértak-šind ast</i> они натягивают основу; <i>wért(t)a vúta-x</i> ты уже натянул основу; ср. <i>wer-</i> в ЛТ (стр. 352).
<i>wizd</i>	вид дерева.

X

<i>xámpa</i>	низина.
<i>xampoták: xampoták rot-š</i> <i>šau-š ast</i>	он ходит на четвереньках.
<i>xarwánka//devūnabánk</i>	название одурманивающей травы; ср. <i>arwánka</i> .
<i>xasi kun-</i> <i>xáški: tu xáški žaf</i>	кастрировать (домашнее животное), ты выпей залпом.
<i>xášparxaš</i> см. <i>šangolí</i> <i>xáŭgvun</i>	(ЛТ, стр. 235) нора сурка.

<i>xazón dih-</i> <i>xílla kun-</i>	вянуть. тыкать концом палки или какого-либо другого предмета; ср. <i>xílla</i> в ЛТ (стр. 358).
<i>xilūma</i>	сор.
<i>ximirmoyadūn</i> (т.)	сосуд, в котором хранят дрожжи.
<i>ximīč</i>	химические чернила.
<i>xímpa</i>	гной, скопившийся в уголке глаза.
<i>xináyġ-</i> (зап.), <i>xinīġ-</i> (вост.)	пахтанье; делать пахтанье; ср. <i>xiništa</i> в ЛТ (стр. 358).

<i>xirtiš: žullay xirtiš</i> <i>xirxirák</i> (т.)	головка <i>penis-a</i> . кадык; ср. <i>xixirtak, xirtak</i> в ЛТ (стр. 358).
--	---

<i>xogbuġunġá//xogdúzd</i> <i>xolaki</i>	Млечный путь. обращение к незнакомому человеку, младшему по возрасту; ср. <i>taġó</i> . очень прочный камень.
<i>xorasánka</i>	милиционер.
<i>xòrčaksára</i> (секр.)	военный.
<i>xòrčaksúr</i>	сватать.
<i>xožgoní kun-</i>	сливки свежего молока; ср. <i>tánna</i> .

<i>xšifsára</i>	у него плохое настроение.
<i>xulq: anáwi xulqi xuš</i> <i>nest</i>	болотистое место.
<i>xulúrpa</i>	я подмигнул.
<i>xurufūn-: miġa axurufūnim</i>	собственный.
<i>xususi</i> (т.)	солнце; <i>tugmót-it divár: badán-t</i> <i>xġr nádihot</i> застегни пуговицы: а то как бы солнце не сожгло тебе тело.
<i>xġr</i>	он притворился спящим.
<i>xūmn: xépi-š xūmni awíd</i>	сапожник; ср. т. <i>čoruqúz</i> .
<i>xūmnašya</i>	медный сосуд для хранения лепешек.
<i>xūnča</i>	

yagbára (т.)

У
пологий склон горы.

<i>yakróda nīd-</i>	сидеть, поджав под себя одну ногу.
<i>yaxmolàkbozi</i> (т.)	катание на льду.
<i>yozagowák</i> (т.)	спаривание быка.
<i>yučón-</i>	поучать, наставлять; ср. согд. <i>ywč</i> учить (GMS, § 591).
<i>yuzloḡbandá</i> (т.)	упряжка вола.
Z	
<i>zaḡálla</i>	вид растений.
<i>za(h)marḡá</i>	болото, трясины.
<i>zardá kun-</i>	страдать от изжоги.
<i>zardák</i> (т.)	желтый налет на зерновых культурах, оказывающий вредное воздействие.
<i>zaynabí kočí // jǔlli kočí</i>	густая похлебка, которую варят из солода, выжатого из пророщенных зерен пшеницы с добавлением муки (ср. <i>sumalák</i>).
<i>zīčakàlla</i>	глиняный сосуд, в котором хранят масло.
<i>zihák</i>	тесма в шароварах.
<i>ziq vu-</i>	преть (о пище).
<i>ziqč</i>	трещина в доске.
<i>zimíxč</i>	белые наросты на поверхности скалы.
<i>zirínč</i>	деревянные ворота.
<i>zirrún-</i>	нечаянно испускать громкие ветры; <i>zirrúnaki šaw-</i> (секр.) испражняться.
<i>zivotk: zivotk-š nósči</i>	он заикается.
<i>zóḡi zolḡunčák</i>	вид травы.
<i>zoḡnǔl</i>	глиняный кувшин с кривым горлышком.
<i>zóyavary</i>	верхняя граница земельного участка.
<i>zurúra tifár-</i>	рыгать.

<i>zūnk</i>	колено; <i>zūnki tak</i> подколенница;
<i>zūv</i>	<i>zūnki quruták-š</i> коленная чашечка, соперник в игре в «чижа».

ТЕРМИНЫ РОДСТВА

<i>akó</i>	старший брат.
<i>amák</i>	1. дядя (по отцу); 2. отчим.
<i>āmmá</i>	тетя (по матери).
<i>apá</i>	старшая сестра.
<i>arús</i>	невестка.
<i>bobí</i>	дед.
<i>bojá</i>	мужья двух сестер по отношению друг к другу.
<i>dodó</i>	отец.
<i>dodó-očá</i>	родители.
<i>domót</i>	зять.
<i>ḡayk</i>	дочь.
<i>ibér</i>	правнук, правнучка.
<i>inč</i>	жена.
<i>kàttabobí</i>	прадед.
<i>kelín</i>	невестка.
<i>qaysingíl</i>	сестра мужа или жены.
<i>qudó</i>	родители жены или мужа.
<i>momí</i>	бабушка.
<i>moyindár</i>	мачеха.
<i>naberá</i> (вост.),	внук, внучка.
<i>niberá</i> (зап.)	
<i>nipáyšin</i> (зап.)	внук, внучка.
<i>pinónč</i>	жены многоженца по отношению друг к другу.
<i>počó</i>	мужья двух сестер по отношению друг к другу.
<i>sevirinč</i>	жены двух братьев по отношению друг к другу.
<i>ša</i>	жених во время свадьбы (так называют его все, кроме родственников невесты, для которых он <i>domót</i>).
<i>vir</i>	муж.
<i>virót</i>	младший брат.

<i>xolá</i>	тетя (по матери).
<i>xolák</i>	дядя (по матери)
<i>xolazúta</i>	племянник с материнской стороны.
<i>xor</i>	младшая сестра.
<i>xusúr</i>	тесть.
<i>xusurbúra</i>	брат жены.
<i>xuštūmán</i>	теща.
<i>yazná</i>	муж сестры.
<i>žúta</i>	сын.

Обращения к родственникам

<i>žúta-m!</i>	сын!
<i>žáyk-im!</i>	дочь!
<i>Hasáni očá!</i>	мать Хасана!

ОБРАЗЦЫ ЯГНОВСКИХ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

Мужские имена

<i>Abdurasýl</i>	<i>Halím</i>
<i>Abduxolíq</i>	<i>Homít</i>
<i>Avazbadál</i>	<i>Hoji</i>
<i>Badál</i>	<i>Isúf</i>
<i>Boy</i>	<i>Jūmá</i>
<i>Daūrūn</i>	<i>Karím</i>
<i>Doŭlát</i>	<i>Qodír</i>
<i>Hamró</i>	<i>Qurbonalí</i>
<i>Hasán</i>	<i>Maḥadálí</i>
<i>Ĥusén</i>	<i>Mirzó</i>
<i>Mirzosafár</i>	<i>Raǰáb</i>
<i>Miród</i>	<i>Raǰabalí</i>
<i>Nazár</i>	<i>Saít</i>
<i>Narzulló</i>	<i>Saymaḥmád</i>
<i>Nozím</i>	<i>Šaríf</i>
<i>Nyr</i>	<i>Šukrulló</i>
<i>Nyɣǰalí</i>	<i>Umraim-akó</i>
<i>Obíd</i>	<i>Usmóil</i>
<i>Odiná</i>	<i>Usto Karím</i>

<i>Olím</i>	<i>Xudaydód</i>
<i>Ramazūnı</i>	<i>Xudayór</i>
<i>Rahım</i>	<i>Yormaḥmád</i>

Женские имена

<i>Anór</i>	<i>Noyjūn</i>
<i>Ašurmó</i>	<i>Norčūn</i>
<i>Ayšá</i>	<i>Oybibı</i>
<i>Basbibı</i>	<i>Raǰabjūn</i>
<i>Bibičūn</i>	<i>Raǰamó</i>
<i>Doŭlatmó</i>	<i>Rozıá</i>
<i>Fazılá</i>	<i>Rūzı</i>
<i>Fotımá</i>	<i>Rūzinısó</i>
<i>Gulbibı</i>	<i>Safıyá</i>
<i>Gulčūn</i>	<i>Salımá</i>
<i>Halımá</i>	<i>Saybibı</i>
<i>Hanısá</i>	<i>Šarısá</i>
<i>Hoǰár</i>	<i>Šarımó</i>
<i>Jūmá</i>	<i>Zaynáb</i>
<i>Kaštár</i>	<i>Zubaydá</i>
<i>Mahbibı</i>	<i>Zu(h)ró</i>
<i>Mobıbı</i>	
<i>Mosafár</i>	
<i>Nısó</i>	

ПРОЗВИДА ЖИТЕЛЕЙ НЕКОТОРЫХ ЯГНОВСКИХ СЕЛЕНИЙ

сел. Гармен	– <i>xajkmánča</i> 'подобный сурку'(?)
сел. Пискон	– <i>vɣzixúnča</i> (ср. <i>vɣz</i> коза, <i>xún</i> левовка).
сел. Мархтимайн	– <i>purimáɣ</i> (ср. <i>maɣ</i> 'луг').
сел. Шахсара	– <i>puričáɣz</i> (ср. <i>čáɣz</i> 'сова').
сел. Юмиткон	– <i>akká</i> 'сорока'.
сел. Хисокидарв	– <i>quláng</i> (название птицы).
сел. Чукат	– <i>xurús</i> 'петух'.
сел. Каши	– <i>kašóča</i> .
сел. Таги Чанор (Ровут)	– <i>xar</i> 'осел'.
сел. Куль	– <i>ɣow</i> 'корова'.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. W. Tomaschek, 'Centralasiatische Studien, II, Die Pamir-Dialekte, Sitzungsberichte der philos.-historischen Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Bd 96, H. I-III, Wien, 1880, стр. 746.

2. Junker, Jagnobi-Studien, стр. 69.

3. Там же, стр. 76.

4. В.И. Липский, Горная Бухара. Результаты трехлетних путешествий в Среднюю Азию в 1896, 1897 и 1899 году. Часть I. Гиссарская экспедиция, 1896 г., СПб., 1902, стр. 18.

5. J. Markwart, Wehrot und Arang. Untersuchungen zur mythischen und geschichtlichen Landeskunde von Ostiran, Leiden, 1938, стр. 76.

6. Эта легенда была записана автором «Дневника Искандеркульской экспедиции». Она сводится к следующему:

و بعضی از موی سفیدان آن ولایت نقل میکنند که یک ورق کاغذ از کشمیر افتاده بوده است که اینطریقہ لفظ را یاد گرفتیم گفته میگویند و از بعضی موی سفیدان آن ولایت پرسیدیم که همه قشلاقها تاجیک و ده قشلاق از آنها دیگر از چه سبب یک طایفه مردم آمده اند بدیگر لفظ که از لفظ خودها تان دیگر می باشد .

آن موی سفیدان گفتند که دو آدم در وقت قدیم مدت سیصد و چهل

پنج سال میشد که خلیفه وفا و خلیفه صفا از شاگردان بوعلی

سینای کشمیری یک حادثه شده از ولایت خودها برآمده اند

آخر الامر آنها آمده در همین جای یغنا ب وطن کرده گفته نقل

میکند . از آن بار اینطریقہ لفظ در مابین مایان مشهور شده است .

«... Некоторые из стариков той области рассказывают: "Из Кашмира залетел сюда листок бумаги, и таким образом мы выучили этот язык". А у других стариков той местности мы спросили: "Все кишлаки таджикские и /только/ десять кишлаков другие. Почему часть народа говорит на другом языке, который отличается от вашего?". Те старики ответили: "В древние времена, три тысячи (триста?) сорок пять лет назад (مدت سیصد و چهل پنج سال) случилось какое-то событие и два человека по имени Халифа Зафо и Халифа Сафо, ученики Абу Али Сино Кашмирского, покинули свою родину и в конце концов, прибыв сюда, выбрали здесь в Ягнобе себе родину. С того времени этот язык распространился среди нас"» (л. 236а).

7. JT, стр. 6.

8. Б II, стр. 342.

9. Б I, стр. 4.

10. Данные о количестве ягнобцев, проживающих в долине р. Ягноб, взяты мной из колхозных списков, с которыми любезно познакомил меня председатель сельсовета Думзой Чуров Чурали.

11. Проблему распространения ягнобского языка в прошлом автор намерен затронуть в работе, посвященной топонимии верховьев Зеравшана и прилегающих районов.

12. М.С. Андреев. По Таджикистану, Ташкент, 1927, стр. 20.

13. Р.Л. Чеменова, Таджики Варзоба (Отчет о поездке в 1961 г.), — «Известия отделения общественных наук АИ Таджикской ССР», 1963, № 1 (32), стр. 67.

14. См.: А.Л. Хромов, Некоторые результаты экспедиции в Ягноб, — «Известия отделения общественных наук АИ Таджикской ССР», 1964, № 2 (37), стр. 90.

15. Проблемам двуязычия и взаимодействия ягнобского и таджикского языков посвящена особая глава.

16. вполне вероятно, что упоминания о Ягнобе можно встретить и в среднеазиатских исторических и географических источниках, однако эти источники, к сожалению, изучены пока слабо.

17. Georg von Meyendorff, Voyage d'Orenbourg a Bouchara fait en 1820, a travers les steppes qui s'etendent a l'est de la mer d'Aral et au-delà de l'ancien Jaxartes, revu par M. le Chevalier Amedée Jaubert, Paris, 1826. Книга Г. Мейендорфа переведена на русский язык известным библиографом Средней Азии Е.К. Бетгером. Этот перевод еще не издан (см. Ошанин, III, стр. 35).

18. Junker, Jagnobi-Studien, стр. 35.

19. Об этимологии слова «гальча» см.: В.В. Бартольд, Сочинения, т. 2, ч. I, М., 1963, стр. 457-459.

20. Junker, Jagnobi-Studien, стр. 42. Об ошибке Л.В. Ошанина, указывавшего, что якобы у А. Лемана имеется первое упоминание о ягнобцах, как о народе, говорящем на каком-то особом языке, см.: А.Л. Хромов, Некоторые результаты..., стр. 89.

21. Д.К. Мышенков, Геологические наблюдения во время Зеравшанской экспедиции, — «Записки РГО по общей географии», т. 4, СПб., 1871, стр. 269-289. Указанием на эту работу я обязан Б.А. Литвинскому, который посоветовал мне обратиться к неопубликованному каталогу Е.К. Бетгера, где содержится краткая аннотация статьи Д.К. Мышенкова.

22. Об Искандеркульской экспедиции см.: М.А. Терентьев, История завоевания Средней Азии (с картами и планами), т. I, СПб., 1906, стр. 488-500.

23. А.П. Федченко, Путешествие в Туркестан, М., 1950, стр. 157.

24. Подробная биография А.Л. Куна содержится в кн.: Б.В. Лунин, Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении, Ташкент, стр. 114-119.

25. Дневник Искандеркульской экспедиции (см. Н.Д. Миклухо-Маклай, Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения, М.-Л., 1955, стр. 100-102).

26. Искандер-Тюрк (А.Л. Кун), Сведения о ягнауском народе (К материалам для исследования ягнобского языка), — «Туркестанские ведомости», 1881, №№ 3-4, О неопубликованных записях А.Л. Куна см.: Б I, стр. 4; Б.В. Лунин, Средняя Азия..., стр. 115; сб. «Востоковедные фонды крупнейших библиотек Советского Союза», М., 1963, стр. 228.

27. Обзоры литературы о ягнобцах и их языке, опубликованной до 1957 г., имеются в следующих работах: Junker, Jagnobi-Studien, стр. 4-107; Б I, стр. 4-5; ЯТ, стр. 5-6; сб. «Очерки по истории изучения иранских языков», М., 1962, стр. 129-131. В последующие годы вышло еще несколько работ, содержащих материалы по ягнобскому языку: М.Н. Боголюбов, Ягнобо-согдийские диалектологические отношения, — «Вестник ЛГУ», № 8. Серия истории, языка и литературы, вып. 2, Л., 1957, стр. 111-113; Б II, стр. 342-361; ИСАК, I, стр. 149-152; И.М. Оранский, Иранские языки, М., 1963, стр. 164-166; Morgenstierne, стр. 155-173; Benveniste, Le verbe stā-, стр. 45-49; его же, Problems de linguistique generale, Editions Gallimard, 1966, стр. 191; А.Л. Хромов, Некоторые результаты...; его же, Ягнобские тексты, — «Известия отделения общественных наук АИ Таджикской ССР», 1966, № 1 (43), стр. 60-68; его же, Новые материалы по лексике языка ягнобцев, — «Acta Orientalia», XXX, Copenhagen, 1966, стр. 129-135; его же, The Problem of the Jagnobi Folklore, — сб. «Jādnāme-ye Jan Rypka», Prague, 1967, стр. 255-260; его же, О роли экстралингвистических факторов в процессе взаимодействия ягнобского и таджикского языков, — сб. «Язык и общество», М., 1968, стр. 232-238.

28. В основу «Ягнобских этюдов» легли материалы А.Л. Куна и Мирзы Абдурахмана, записи Ш. Акимбетова, Г.А. Арандаренко, Н.И. Веселовского и Е.Ф. Каля /Б I, стр. 4/.

29. Geiger, Kleinere Dialekte... .

30. Б I, стр. 5.

31. Очерк М.Н. Боголюбова, опубликованный в сб. «Языки народов СССР» (т. I), по необходимости очень краток и не охватывает всех проблем развития современного языка ягнобцев.

32. Материалы других исследователей привлекаются только для сравнения.

33. В поездке к ягнобцам Мавлонджари-Боло весной 1963 г. меня сопровождал научный сотрудник Института языка и литературы им. Рудаки АН Таджикской ССР М. Махмудов.

34. О результатах этой экспедиции см.: А.Л. Хромов, Некоторые результаты...

35. В течение 1966-1968 гг. я неоднократно совершал кратковременные поездки в Ягноб, главным образом с целью уточнения некоторых собранных ранее материалов.

36. Х. Сафаров, обладающий тонким чувством родного языка, оказал большую помощь не только в сборе материала, но и в процессе работы над уточнением некоторых фонетических и грамматических явлений, за что автор выражает ему глубокую благодарность.

37. Характеристика фонетической системы опирается в основном на исследования Э.С. Соколовой и М.Н. Боголюбова. К сожалению, автор, как и предыдущие исследователи, не имел возможности изучать фонетическую систему методами инструментальной фонетики, что дало бы более объективные данные о составе фонем и их вариантах, а также позволило бы определить мелодику и ритм ягнобской речи. Все это пока остается задачей будущего.

38. При синхронном описании нецелесообразно выделять фонему \bar{e} (-зап. - *ay*) для восточного говора (см. Б I, стр. 8-9; Б II, стр. 343), ибо качественно и количественно она совпадает с *e*, т.е. фактически мы имеем одну фонему.

39. Соколова, II, стр. 64-66.

40. Б II, стр. 343.

41. Это явление свойственно окружающим таджикским говорам.

42. См. §§ 91, 300; ср. Б I, стр. 14-15.

43. *gudár-* представляет собой старое заимствование из таджикского языка.

44. Соколова, II, стр. 71-72.

45. Там же, стр. 72. Эта артикуляция \check{z} и \check{z} сохраняется и в таджикской речи ягнобцев, что в сочетании с другими особенностями определяет специфику ягнобского акцента.

46. Б II, стр. 346. Формы *kátit*, *dirótit* воспринимаются ягнобцами как существительные с энклитическим местоимением 2-го лица единственного числа, выражающим принадлежность, т.е. 'твой дом', 'твой серп'.

47. ЯТ, стр. 329.

48. Ср. аналогичные случаи употребления показателей множественности в других иранских языках (таджикском, персидском, татском и т.д.).

49. Такая точка зрения была высказана, например, для аналогичных случаев в языке татов (А.Л. Грюнберг, Язык североазербайджанских татов, Л., 1963, стр. 22).

50. Ср. употребление артикля с именами собственными в письменном согдийском (Кауфман, стр. 471), а также в языке мугских документов (сообщено В.А. Лившицем).

51. ЯТ, стр. 323.

52. Местоимения 3-го лица правильнее было бы называть лично-указательными (см. § 69).

53. Ср. аналогичное употребление местоименной энклитики 3-го лица единственного числа в современном персидском языке (G. Lazard, Grammaire du Persan contemporain, Paris, 1957, стр. 105).

54. Местоимения *kax*, *kūt* и *čō* можно называть также вопросительно-относительно-неопределенными (см. § 70).

55. Такую же функцию выполняют местоимения *či*, *čō*, *čiz* 'что' в разговорном таджикском языке. Этот факт, однако, в литературе по таджикскому языку не отмечен.

56. Таджикское *hámmaš* < *hámma* + *-š* (местоименная энклитика 3-го л. ед. числа).

57. Б I, стр. 17.

58. Расторгуева, Керимова, стр. 29.

59. Ср. аналогичное употребление форм простого прошедшего времени в таджикском языке (там же, стр. 45-46).

60. О происхождении суффикса *-iš* в глагольных окончаниях см. Б I, стр. 19; ЯТ, стр. 265; E. Benveniste, *Le verbe sta-*, стр. 47.

61. Прав В.А. Лившиц, объясняющий происхождение глагольного окончания 3-го лица единственного числа настоящего-будущего времени *-či* из *-išit* < *-tišt* (ЯТ, стр. 236). К этому, может быть, следует добавить следующие промежуточные звенья: *-či* < *-iši* < *-tiš* < *-tišt*.

62. Б II, стр. 351.

63. ЯТ, стр. 226.

64. М.Н. Боголюбов называет эту форму плюсквамперфектом (Б II, стр. 352).

65. Формы преждепрошедшего перфекта встречаются в ЯТ (стр. 348), но не отмечены М.Н. Боголюбовым.

66. Расторгуева, Керимова, стр. 100.

67. Термин «зависимая парадигма» заимствован из работы М.Н. Боголюбова (см. Б II, стр. 352). Зависимым парадигмам противостоят самостоятельные парадигмы.

68. М.Н. Боголюбов называет ее краткой формой причастия прошедшего времени.

69. М.Н. Боголюбов называет эти причастия вторичными формами причастий прошедшего времени с таджикским суффиксом *-gi* (Б II, стр. 350).

70. При составлении данной таблицы были использованы материалы ягнобско-русского словаря, приложенного к ЯТ.

71. Формы *weta-š-im* 'он меня видел', *weta-š-išt* 'он тебя видел', зафиксированные М.Н. Боголюбовым (Б II, стр. 354), в наших материалах не встречаются.

72. См. Б II, стр. 355; ЯТ, стр. 348; эти формы восходят к согдийскому потенциалису (GMS, §§ 881-888, Непн-

ing, *Mitteliranisch*, стр. 91). Передача термина *Potentialis* на русский язык как «потенциальная форма» (см. ЯТ, стр. 330) неудачна, ибо в лингвистической литературе под термином «потенциальная форма» понимается «форма, не зафиксированная в реально осуществившихся уже произведениях речи, но легко создающаяся в соответствии с продуктивными моделями словоизменения» (Ахманова, *Словарь*, стр. 343).

73. Форма *kúnna*, отмеченная М.Н. Боголюбовым (Б II, стр. 350), в наших материалах не встречается.

74. ЯТ, стр. 224; Б II, стр. 353.

75. Формообразованием называется образование форм слова, выражающих несинтаксические категории (Ахманова, *Словарь*, стр. 502).

76. Эти формы имеют широкое распространение в окружающих таджикских говорах и в таджикской речи самих ягнобцев.

77. Знаком ' обозначен звук, близкий к немецкому *Knacklaut*-у.

78. «Грамматика русского языка», т. I: Фонетика и морфология, М., 1960, стр. 650-651.

79. То же самое характерно и для осетинского языка («Грамматика осетинского языка», т. I. Фонетика и морфология, Орджоникидзе, 1963, стр. 281, 295-297).

80. Ср. в ЯТ: «...употр. обычно с косв. п. ед. и мн.ч. местоимений, прям. п. ед.ч., косв. п. мн.ч. имен» (стр. 237). Однако в этих текстах встречаются примеры, где предлог *či* употреблен с именем в форме косвенного падежа единственного числа: *i met či tayki apursiš...* 'однажды она спросила одну девушку' (стр. 93).

81. Почти во всех таджикских говорах предлог *to* также, как правило, употребляется в сочетании с послелогом *-a, -ya, -ga*.

82. Ср. у М.Н. Боголюбова: «Предлоги *par* 'на', 'за'... и *ri* 'без'... вышли из употребления» (Б II, стр. 355-356).

83. ЯТ, стр. 309.

84. Б I, стр. 8.

85. В.С. Расторгуева, Краткий очерк грамматики таджикского языка, — в кн. «Таджикско-русский словарь», М., 1954, стр. 568.

86. Ахманова, Словарь, стр. 263.

87. Пролепсис — это синтаксическая антиципация, создаваемая использованием в предложении предвосхищающих элементов (Ахманова, Словарь, стр. 366).

88. Многие исконно ягнобские прилагательные сохранились только в составе топонимов. Сюда относятся: *šī* 'верхний', *sipéta* 'белый', *kimér* 'красный'.

89. См. также слова с пометой «узб.» в ЯТ.

90. На тесные связи согдийцев с тюрками указывают документы с горы Муг (СДГМ, II, стр. 17-44).

91. Некоторые слова, заимствованные таджикскими говорами из разговорной русской речи, подвергаются изменениям на основе «народной этимологии», суть которой заключается в стремлении «искать в словах внутреннюю форму в качестве рационального объяснения значения слов без учета реальных фактов их происхождения» (Ахманова, Словарь, стр. 529). Эта проблема, к сожалению, до сих пор не заслужила внимания исследователей таджикских говоров. А между тем таджикская диалектная лексика содержит довольно много интересных образцов народной этимологии, например: *pirgaráb* 'прораб' (ср. *pir* 'старый', араб. 'араб'); *haftabúz* 'автобус' /ср. *haft* 'семь', *ta* (нумератив), *buz* 'коза'/); *rodevól* 'подвал' (ср. *ro* 'нога', *devol* 'стена'); *rangín* 'рентген' (ср. *rangín* 'цветной'); *vanzól* 'вокзал'; *pidūxtá* 'продукты' (ср. *pir* 'старый'; *dūxta* — прич. прош.вр. глагола *dūxtan* 'шить'); *xalíf* 'хлеб'; *gadobóy* 'годовой отчет'; *pušidá* 'почта', *kambóy* 'комбайн' и т.д.

92. В селении Вешаб, расположенном на правом берегу р. Зеравшан, раньше стоял большой красивый мазар.

93. С.И. Климчицкий, Секретный язык у ягнобцев и язгулямцев, — «Труды Таджикистанской базы», т. IX, 1940.

94. НСАК, I, стр. 151.

95. Связка *-at* возникла из соединительного союза *-at*.

96. Б II, стр. 347; ЯТ, стр. 263.

97. Вопрос о непродуктивных словообразующих суффиксах подробно освещен в диссертации М.Н. Боголюбова.

98. М.Д. Степанова, Словообразование современного немецкого языка, М., 1953, стр. 192.

99. К.Г. Залеман, Отчет о поездке в Среднюю Азию, ИИАН, т. VIII, 1898, стр. III.

100. GPh., стр. 334-335.

101 «Comptes rendus des seances de l'Academie des Inscriptions et Belles-Lettres», 1913, стр. 675. Судя по этим признакам, Р. Готье имел в виду говор селения Питип.

102. Junker, Jagnobi-Studien, стр. 124-129.

103. М.С. Андреев, Экспедиция в Ягноб в 1927 г. под руководством М.С. Андреева (краткий отчет), — «Бюллетень Среднеазиатского университета» № 17, 1928, стр. 165-166.

104. Климчицкий, Ягнобцы, стр. 139.

105. НСАК, I, стр. 151.

106. ЯТ, стр. 8.

107. Б I, стр. 5-8.

108. Б II, стр. 359. Классификация, предлагаемая мной ниже, в своей основе совпадает с классификацией М.Н. Боголюбова, отличаясь лишь отдельными положениями, связанными с выделением различительных признаков.

109. С.И. Климчицкий, хотя и отметил, что местность селений Куля и Симича представляет собой зону смешанного говора, тем не менее не привел ни одного языкового факта в подкрепление этого высказывания.

110. Сб. «Вопросы теории лингвистической географии», М., 1962, стр. 237.

111. В этом я сумел убедиться на личном опыте. Когда я вернулся из верхнеягнобских кишлаков в селения, где говорят на западном говоре, ягнобцы упрекнули меня за то, что я употребляю в своей речи окончание *-či*, а не *-tišt*, утверждая, что, мол, *šáučī*, *kúnči* произносятся только в верховьях.

112. Ср. ЯТ, стр. 237.

113. Б II, стр. 351.

114. ЯТ, стр. 347.

115. Junker, Jagnobi-Studien, стр. 3.

116. Н.Г. Маллицкий, Ягнобцы, — «Известия Туркестанского отдела Русского географического общества», т. XVIII, Ташкент, 1924, стр. 173.

117. Ошанин, III, стр. 41.
 118. В II, стр. 342.
 119. НСАК, I, стр. 150.
 120. Теоретической базой при разработке данной проблемы служили главным образом следующие работы: Ю.Д. Дешериев, Закономерности развития и взаимодействия языков в Советском обществе, М., 1966; U. Weinreich, Languages in Contact. Findings and problems, The Hague, 1964; К.Н. Schönfelder, Probleme der Völker-und Sprachmischung, Halle (Saale), 1956.
 121. Б I, стр. 3.
 122. НСАК, I, стр. 135-137.
 123. «История народов Узбекистана», т. I, Ташкент, 1950, стр. 10; Н. Негматов, Усрушана в древности и раннем средневековье, Сталинабад, 1957, стр. 54; Смирнова, Карта, стр. 230.
 124. Смирнова, Карта, стр. 220-230; А.Л. Хромов, Говоры таджиков Матчинского района, Душанбе, 1962 г., стр. 74-76; его же, К вопросу о топонимике Матчи, — «Известия отделения общественных наук АН Таджикской ССР», 1963, № 1 (32), стр. 76-82; его же, Согдийские слова в говорах таджикского языка, — «Известия отделения общественных наук АН Таджикской ССР», 1965, № 3 (41), стр. 44-47.
 125. Климчицкий, Ягнобцы, стр. 138.
 126. В 1964 г. мне удалось побывать на месте Пушойтамена, следы которого еще сохранились в виде остатков стен жилых строений и мелких осколков керамики. Вид руин производит впечатление давно заброшенного поселения.
 127. М.С. Андреев, По Таджикистану, Ташкент, 1927, стр. 20.
 128. Материал по микротопонимии Рамита был любезно предоставлен в распоряжение автора Б. Бердыевым.
 129. Х. Назаров, Социально-экономический строй Кухистана во второй половине XIX и начале XX вв. Из истории Таджикистана, — «Сборник работ аспирантов кафедры истории», вып. I, Сталинабад, 1957, стр. 3.

130. Об этих терминах см.: В.С. Расторгуева, Ч.Х. Бакаев, М.И. Исаев, А.А. Керимова, Л.А. Пирейко, Типы двуязычия у иранских народов Советского Союза, М., 1964, стр. 3-4.
 131. Н.Г. Маллицкий, Ягнобцы, стр. 173.
 132. Цитировано по работе Г. Юнкера, стр. 85.
 133. Сб. «Языки народов СССР», т. I, Индоевропейские языки, М., 1966, стр. 16.
 134. М.С. Джураусов, К вопросу о влиянии национальных отношений на взаимодействие языков, — Материалы к конференции «Язык и общество», Тезисы докладов, М., 1966, стр. 15.
 135. По классификации, предложенной Ю.Д. Дешериевым (см. сб. «Язык и общество», М., 1968, стр. 78-79).
 136. U. Weinreich, Languages in Contact, стр. 1.
 137. Там же, стр. 11.
 138. Там же.
 139. См.: S. Teledgi, Notes sur la grammaire du sogdien chretien, - IA, t. CCXXX, 1938, стр. 205-234.
 140. U. Weinreich, стр. 30-31.
 141. GMS, s 1166; EGS, II, s 130.
 142. EGS, II, §§ 134, 136.
 143. Henning, Mitteliranisch, стр. 91.
 144. В.С. Расторгуева, Опыт сравнительного изучения таджикских говоров, М., 1964, стр. 93.
 145. В.С. Соколова, Очерки, стр. 63.
 146. См.: А.А. Керимова, Особенности говора кишлака Парза, — «Иранский сборник», М., 1963, стр. 22-43; А.Л. Хромов, Говоры таджиков Матчинского района, Душанбе, 1962; A.L. Chromov, Zur Gesamtcharakteristik der Tadschik-Mundarten von Falghar, - «Mitteilungen des Instituts für Orientforschung», Bd XIII, H. 3, 1967, стр. 462-465.
 147. См. СДГМ, I, стр. 73; Кауфман, стр. 459-467; Paul Tedesco, Ostiranische Nominal-flexion, ZII, Bd 4, H. 1, Leipzig, 1926, стр. 94-166.
 148. Henning, Mitteliranisch.
 148а. Ср. отношение глагольных форм в языке идиш к немецкому.
 149. Б I, стр. 13-14, 19-20, 30.

150. HCAK, I, стр. 152.
 151. EGS, I, стр. 140.
 152. Henning, *Mitteliranisch*, стр. 106.
 153. W.B. Henning, 'Sogdian Loan-words in New Persian', BSOS, vol. X, Pt I, 1939, стр. 97.
 154. Сообщено В.А. Лившицем.
 155. GMS, § 60.
 155а. В.И. Абаев, Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I, М., 1958, стр. 28, 269, 474.
 156. Morgenstierne, стр. 158-159. В хорезмийском языке в большинстве случаев др.-ир. δ сохраняется, однако там встречаются примеры, где δ перешло в z: *zrz(y)* 'сердце' (ав. *zərəδaya-*), *'zwyz(y)* 'грозить' (ав. *uzvaδdaya-*), *przu* 'сухожилие' (< *paδy-* : согд. *pδyh*, афг. *pala*, ср.-перс. *rai* и тадж.-перс. *rai*). В. Хеннинг считает это явление результатом палатализации (Henning, *Mitteliranisch*, стр. 112-113).
 157. Б I, стр. 14.
 158. GMS, § 621.
 159. Henning, *Mitteliranisch*, стр. 78.
 160. GMS, § 621 A.
 160а. Сообщено В.А. Лившицем. См.: W.B. Henning, *The structure of the Khwarezmian verb*, - «Asia Major», New Series, vol. V, Pt I, стр. 44-45.
 161. «Sogd. ξ in *zaw-* etc. is more likely from δr than from *dr*; if Yagn. never had δr , no ξ is to be expected in that language from OIran. *dr*, as in fact none is found in *dirau*. On the other hand, if Yagn. derives from a Sogd. dialect in which δ was despirantized before δr had become ξ , this too would explain why this development is absent from Yagn» (из письма И. Гершевича автору от 6 февраля 1969 г.).
 162. Ср. Bogolyubov: *Sogdian documents*, стр. 1-2, где делается попытка показать, что *-art* > *-ārt* можно проследить уже по согдийским документам с горы Муг. Ср., однако, более частый графический вариант *δwrt-*, нежели *δp'rt* в этих документах, а также и в других памятниках, написанных согдийским письмом.
 163. В.А. Лившиц, Согдийская азбука из Пенджикента (рукопись статьи, стр. 14).

164. GMS, §§ 245, 253, 271, 272, 283, 304.

165. Henning, *Mitteliranisch*, стр. 98. Сопоставление со среднеперс. = маних. *dann-āh* 'зубная боль', восходящим в первой части, возможно, к **dand-*, а не к *dant-*, можно привлечь и для ягн. *dīndak*.

166. Изложенная гипотеза полностью основывается на материале, любезно присланном автору проф. И. Гершевичем, за что считаю своим долгом выразить ему глубокую благодарность.

167. GMS, §§ 605-634; Reichelt, *Geiger Festschrift*, стр. 248-255.

168. GMS, § 612.

169. Сообщено В.А. Лившицем.

170. GMS, §§ 877-880.

171. Henning, *Mitteliranisch*, стр. 117.

172. GMS, § 755.

173. Ягнобско-согдийские соответствия хорошо прослежены в работах М.Н. Боголюбова, С.И. Климчицкого и П. Тедеско.

174. GMS, §§ 635-652.

175. Расторгуева, Керимова, стр. 70.

176. *Vessantara Jātaka*, *Texte sogdien édité, traduit et commenté par E. Benveniste*, Paris, 1946.

177. Benveniste, *Le verbe stā-*, стр. 46.

178. Benveniste, *Le verbe stā-*, стр. 46-47.

179. Benveniste, *Le verbe stā-*, стр. 47-48.

180. Б I, стр. 19.

181. GMS, §§ 904, 1033.

182. Сообщено В.А. Лившицем.

Список библиографических сокращений

На русском языке

- Ахманова, Словарь — О.С. Ахманова, Словарь лингвистических терминов, М., 1966.
 Б I — М.Н. Боголюбов, Ягнобский (новосогдийский) язык. Исследование и материалы, — автореф. докт. дисс., Л., 1954.

150. HCAK, I, стр. 152.
 151. EGS, I, стр. 140.
 152. Henning, *Mitteliranisch*, стр. 106.
 153. W.B. Henning, 'Sogdian Loan-words in New Persian', BSOS, vol. X, Pt I, 1939, стр. 97.
 154. Сообщено В.А. Лившицем.
 155. GMS, § 60.
 155а. В.И. Аббаев, Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I, М., 1958, стр. 28, 269, 474.
 156. Morgenstierne, стр. 158-159. В хорезмийском языке в большинстве случаев др.-ир. δ сохраняется, однако там встречаются примеры, где δ перешло в z: *zrz(y)* 'сердце' (ав. *zərəδaya-*), *'zwyz(y)* 'грозить' (ав. *uzvaδdaya-*), *przu* 'сухожилие' (< *paδy-* : согд. *pδyh*, афг. *pala*, ср.-перс. *rai* и тадж.-перс. *rai*). В. Хеннинг считает это явление результатом палатализации (Henning, *Mitteliranisch*, стр. 112-113).
 157. Б I, стр. 14.
 158. GMS, § 621.
 159. Henning, *Mitteliranisch*, стр. 78.
 160. GMS, § 621 A.
 160а. Сообщено В.А. Лившицем. См.: W.B. Henning, *The structure of the Khwarezmian verb*, - «Asia Major», New Series, vol. V, Pt I, стр. 44-45.
 161. «Sogd. ξ in *zaw-* etc. is more likely from δr than from *dr*; if Yagn. never had δr , no ξ is to be expected in that language from OIran. *dr*, as in fact none is found in *dirau*. On the other hand, if Yağn. derives from a Sogd. dialect in which δ was despirantized before δr had become ξ , this too would explain why this development is absent from Yağn» (из письма И. Гершевича автору от 6 февраля 1969 г.).
 162. Ср. Bogolyubov: *Sogdian documents*, стр. 1-2, где делается попытка показать, что *-art* > *-ārt* можно проследить уже по согдийским документам с горы Муг. Ср., однако, более частый графический вариант *δwrt-*, нежели *δp'rt* в этих документах, а также и в других памятниках, написанных согдийским письмом.
 163. В.А. Лившиц, Согдийская азбука из Пенджикента (рукопись статьи, стр. 14).

164. GMS, §§ 245, 253, 271, 272, 283, 304.

165. Henning, *Mitteliranisch*, стр. 98. Сопоставление со среднеперс. = маних. *dann-āh* 'зубная боль', восходящим в первой части, возможно, к **dand-*, а не к *dant-*, можно привлечь и для ягн. *dīndak*.

166. Изложенная гипотеза полностью основывается на материале, любезно присланном автору проф. И. Гершевичем, за что считаю своим долгом выразить ему глубокую благодарность.

167. GMS, §§ 605-634; Reichelt, *Geiger Festschrift*, стр. 248-255.

168. GMS, § 612.

169. Сообщено В.А. Лившицем.

170. GMS, §§ 877-880.

171. Henning, *Mitteliranisch*, стр. 117.

172. GMS, § 755.

173. Ягнобско-согдийские соответствия хорошо прослежены в работах М.Н. Боголюбова, С.И. Климчицкого и П. Тедеско.

174. GMS, §§ 635-652.

175. Расторгуева, Керимова, стр. 70.

176. *Vessantara Jātaka*, *Texte sogdien édité, traduit et commenté par E. Benveniste*, Paris, 1946.

177. Benveniste, *Le verbe stā-*, стр. 46.

178. Benveniste, *Le verbe stā-*, стр. 46-47.

179. Benveniste, *Le verbe stā-*, стр. 47-48.

180. Б I, стр. 19.

181. GMS, §§ 904, 1033.

182. Сообщено В.А. Лившицем.

Список библиографических сокращений

На русском языке

- Ахманова, Словарь — О.С. Ахманова, Словарь лингвистических терминов, М., 1966.
 Б I — М.Н. Боголюбов, Ягнобский (новосогдийский) язык. Исследование и материалы, — автореф. докт. дисс., Л., 1954.

- Б П – М.Н. Боголюбов, Ягнобский язык, – «Языки народов СССР», т. 1. Индоевропейские языки, М., 1966.
- «Дневник Искандеркульской экспедиции» – Дневник, веденный во время Искандеркульской экспедиции на самаркандском таджикском наречии с 25 апреля по 27 июня 1870 г. (рукопись, хранящаяся в Ленинградском филиале Института востоковедения АН СССР под шифром Д 133/609).
- Кауфман – К.В. Кауфман, Некоторые вопросы истории согдийского языка, – «Труды ИЯ АН СССР», т. VI, М., 1956.
- Климчицкий, Ягнобцы – С.И. Климчицкий, Ягнобцы и их язык, – «Труды Таджикистанской базы АН СССР», т. IX, М.-Л., 1940.
- НСАК, I – Сб. «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I, М., 1962.
- Ошанин, III – Л.В. Ошанин, Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов, ч. III, – «Труды САГУ, новая серия», вып. XCVIII, Исторические науки, кн. 18, Ереван, 1959.
- Расторгуева, Керимова – В.С. Расторгуева, А.А. Керимова, Система таджикского глагола, М., 1964.
- СГДМ, I – «Согдийские документы с горы Муг», вып. I, А.А. Фрейман, Описание, публикации и исследование документов с горы Муг, М., 1962.
- СДГМ, II – «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В.А. Лившица, М., 1962.
- Смирнова, Карта – О.И. Смирнова, Карта верховьев Зеравшана первой четверти VIII века, – сб. «Страны и народы Востока, география, этнография, история», вып. 2, М., 1961.
- Соколова, II – В.С. Соколова, Очерки по фонетике иранских языков, т. 2, М.-Л., 1953.

ЛТ – М.С. Андреев и Е.М. Пещерева, Ягнобские тексты. С приложением ягнобско-русского словаря, составленного М.С. Андреевым, В.А. Лившицем и А.К. Писарчик, М.-Л., 1957.

На иностранных языках

- Benveniste, Le verbe *stā-* - E. Benveniste, Le verbe *stā-* comme auxiliaire en iranien, - «Acta Orientalia», Bd XXX, Copenhagen, 1966.
- Bogolyubov, Soghdian documents - M.N. Bogolyubov, Soghdian documents from Mount Mugh (Language Study), - «XXV International Congress of Orientalists. Papers presented by the USSR delegation», Moscow, 1960.
- BSOS - Bulletin of the School of Oriental Studies, University of London.
- EGS, I - R. Gauthiot, Essai de grammaire sogdienne, première partie, Paris, 1914-1923.
- EGS, II - E. Benveniste, Essai de grammaire sogdienne, deuxième partie, Paris, 1929.
- Geiger, Kleinere Dialekte - W. Geiger, Kleinere Dialekte und Dialektgruppen. Die Pamir-Dialekte. Anhang, Ueber das Jagnobi, - GIPh, Bd I, Abt. 2, Strassburg, 1901.
- GIPh - Grundriß der iranischen Philologie, Bd 1, Abt. 2, Strassburg, 1901.
- GMS - J. Iya Gershevitch, A Grammar of Manichean Sogdian, Oxford, 1961.
- Henning, Mitteliranisch - W.B. Henning Mitteliranisch, Handbuch der Orientalistik, Abt. 1, Bd IV, Iranistik, I. Abschnitt: Linguistik, Leiden-Köln, 1958, стр. 20-130.
- Henning, Tales - W.B. Henning, Sogdian Tales, BSOAS, vol. XI, Pt 3.
- Junker, Jagnobi-Studien - H. Junker, Arische Forschungen. Jagnobi-Studien. Abhandlungen der Phil.-hist. Klasse der Sächsischen Akademie der Wissenschaften, Bd XLI, N 11, Leipzig, 1930.
- JA - «Journal Asiatique», Paris.

- Morgenstierne - G. Morgenstierne, Neu-iranische Sprachen, - «Handbuch der Orientalistik», Abt. 1, Bd IV, Iranistik, I. Abschnitt, Leiden-Köln, 1958.
- Reichelt, Geiger Festschrift - Hans Reichelt, Beiträge zur soghdischen Grammatik, - «Studia Indo-Iranica. Ehren-gabe für Wilhelm Geiger...», Heraus gegeben von W. Wüst, Leipzig, 1931, стр. 248-260.
- TSP - «Textes Sogdiens édités, traduits et commentés par E. Benveniste», Paris, 1940 (Mission Pelliot en Asie Centrale, III).
- ZDMG - «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Wiesbaden.
- ZII - «Zeitschrift für Indologie und Iranistik».

Список сокращений в названиях языков

ав.	— авестийский
англ.	— английский
барт.	— бартагский
будд.	— согдийский буддийских текстов
вост.	— восточный говор
др.-ир.	— древнеиранский
зап.	— западный говор
ман.	— согдийский манихейских текстов
перех.	— переходные говоры
согд.	— согдийский
тадж., т.	— таджикский
узб.	— узбекский
хр.	— согдийский христианских текстов
шугн.	— шугнанский
ягн.	— ягнобский

Содержание

Введение	5
Фонетика	11
Морфология	17
Имя существительное	17
Имя прилагательное	20
Числительные	21
Местоимения	23
Глагол	30
Наречие	50
Междометия	53
Служебные слова	53
Предлоги	53
Нослелогии	57
Союзы	66
Частицы	70
Синтаксис предложения	71
Простое распространенное предложение	71
Бесподлежащие предложения	81
Неполные предложения	81
Пролепсис	82
Сложносочиненное предложение	82
Бессоюзные сложносочиненные предложения	82
Сложноподчиненное предложение	83
Бессоюзные сложноподчиненные предложения	83
Прямая речь	84
Лексика	84
Словообразование	91

- Morgenstierne - G. Morgenstierne, Neu-iranische Sprachen, - «Handbuch der Orientalistik», Abt. 1, Bd IV, Iranistik, I. Abschnitt, Leiden-Köln, 1958.
- Reichelt, Geiger Festschrift - Hans Reichelt, Beiträge zur soghdischen Grammatik, - «Studia Indo-Iranica. Ehrengabe für Wilhelm Geiger...», Heraus gegeben von W. Wüst, Leipzig, 1931, стр. 248-260.
- TSP - «Textes Sogdiens édités, traduits et commentés par E. Benveniste», Paris, 1940 (Mission Pelliot en Asie Centrale, III).
- ZDMG - «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Wiesbaden.
- ZII - «Zeitschrift für Indologie und Iranistik».

Список сокращений в названиях языков

ав.	— авестийский
англ.	— английский
барт.	— бартагский
будд.	— согдийский буддийских текстов
вост.	— восточный говор
др.-ир.	— древнеиранский
зап.	— западный говор
ман.	— согдийский манихейских текстов
перех.	— переходные говоры
согд.	— согдийский
тадж., т.	— таджикский
узб.	— узбекский
хр.	— согдийский христианских текстов
шугн.	— шугнанский
ягн.	— ягнобский

Содержание

Введение	5
Фонетика	11
Морфология	17
Имя существительное	17
Имя прилагательное	20
Числительные	21
Местоимения	23
Глагол	30
Наречие	50
Междометия	53
Служебные слова	53
Предлоги	53
Послелogi	57
Союзы	66
Частицы	70
Синтаксис предложения	71
Простое распространенное предложение	71
Бесподлежащие предложения	81
Неполные предложения	81
Пролепсис	82
Сложносочиненное предложение	82
Бессоюзные сложносочиненные предложения	82
Сложноподчиненное предложение	83
Бессоюзные сложноподчиненные предложения	83
Прямая речь	84
Лексика	84
Словообразование	91

Различия по говорам	97
Двуязычие ягнобцев	105
Ягнобско-согдийские диалектные отношения	119
Тексты	135
Словарь	163
Термины родства	187
Образцы ягнобских имен собственных	188
Прозвища жителей некоторых ягнобских селений	189
Примечания	190
Список библиографических сокращений	203
Список сокращений в названиях языков	206

АЛЬБЕРТ ЛЕОНИДОВИЧ
ХРОМОВ

ЯГНОБСКИЙ ЯЗЫК

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

*

Редактор *Л.А. Алиева*
Младший редактор *Н.П. Губина*
Технический редактор *Т.И. Чекушина*

*

Сдано в набор 10/XI-1970 г.
Подписано к печати 20/I-1972 г. А-05515. Формат 60х90 1/16. Бумага офс.
Печ.л. 13,0. Уч.-изд. л. 10,12. Тираж 800 экз. Изд. № 2485. Зак. 518

Цена 91 коп.

*

Главная редакция восточной литературы издательства "Наука"
Москва, Центр, Армянский пер., 2
Офсетное производство 3-й типографии издательства "Наука"
Москва, Центр, Армянский пер., 2